

плюс
четыре сотни
новых сюжетов

**ВИКТОР
ШЕНДЕРОВИЧ**
Изюм из булки

2

Книга воспоминаний Виктора Шендеровича «Июм из булки» уже успела полюбиться читателям. Советская Армия и студия Олега Табакова, программа «Куклы» и ее герои, байки позднего «совка» и новых времен, портреты гениев и негодяев, — сотни сюжетов, объединенных обаятельной интонацией автора, образуют неповторимую картину нескольких эпох... Новое, третье издание книги — это еще и четыреста новых историй, которые вы, несомненно, будете перечитывать и пересказывать сами...

- [Виктор Шендерович](#)
 - [Времена вразвес \(часть вторая\)](#)
 - [Рассказ о России](#)
 - [Такое кино](#)
 - [Атрибуты](#)
 - [Большой оригинал](#)
 - [Дата вылета](#)
 - [Трудности с адресатом](#)
 - [Привет от Лени Рифеншталь](#)
 - [Их технология](#)
 - [В одно слово](#)
 - [С молоком матери](#)
 - [Стечкин умер](#)
 - [Момент истины](#)
 - [По месту работы](#)
 - [Народная поддержка](#)
 - [Без лицензии](#)
 - [Не сейчас](#)
 - [На войне как на войне](#)
 - [Не отпустили...](#)
 - [Непреодолимая сила?](#)
 - [Протухшие](#)
 - [Вопросы дня](#)
 - [Прикладная пушкинистика-2](#)
 - [Целесообразность](#)
 - [«Зоолетие»](#)
 - [Запах](#)
 - [Труба](#)
 - [Обморок](#)
 - [Верный товарищ](#)
 - [«Расёмон»...](#)
 - [«Курск»](#)
 - [Наружное наблюдение](#)
 - [Охранные грамоты](#)
 - [Что в имени тебе моем?](#)
 - [Как я был телезвездой \(эпизоды\)](#)

- [Без уточнений](#)
- [Светлые перспективы](#)
- [Здравствуй, лето!](#)
- [Лучшая концепция государственного телерадиовещания](#)
- [Один телезритель](#)
- [Отвязавшиеся](#)
- [Поговорили](#)
- [Сеанс](#)
- [Главный читатель](#)
- [Братский язык](#)
- [Самообслуживание](#)
- [Опасный коридор](#)
- [Ящик Пандоры](#)
- [На этом фоне](#)
- [Начало — половина дела](#)
- [Дагестан-2005](#)
- [Тендер и растаможка](#)
- [Возвращение на Родину](#)
- [Символ стабильности](#)
- [Они в ожидании](#)
- [Имя твое неизвестно...](#)
- [Ошибочка вышла](#)
- [Следствие ведут знатоки](#)
- [Тонкая французская игра](#)
- [Султан Кимыч](#)
- [Кроссворд](#)
- [Халявщик](#)
- [Елкин и евреи](#)
- [Сосиски и животное](#)
- [Слушайте Эхо...](#)
- [Повинную голову...](#)
- [Плановое хозяйство](#)
- [Чистосердечное признание](#)
- [Мироточение по месту работы](#)
- [Обеденный перерыв](#)
- [Однажды обвинение попросило суд](#)
- [В дни вынесения приговора](#)
- [Уважительная причина](#)
- [Диалог двух москвичек](#)
- [Совсем одна](#)
- [Хуже царя](#)
- [Шизофрения](#)
- [Дождались](#)
- [Шоу маст гоу он](#)
- [Чудо](#)
- [«Прачечная?»](#)
- [Нонконформист](#)

- [Всемирный заговор](#)
- [Похожий случай](#)
- [«Лев пестрых невзлюбил овец...»](#)
- [Литературный процесс](#)
- [Чего он хочет?](#)
- [По просьбе публики](#)
- [Сокольники](#)
- [День выборов](#)
- [Скажем «нет» демпингу!](#)
- [Завидная выдержка](#)
- [Есть варианты](#)
- [Тьма египетская](#)
- [Почувствуйте разницу](#)
- [Попытка предохраниться](#)
- [Субботник](#)
- [Чего захотела](#)
- [Условный рефлекс](#)
- [Что в имени тебе моем?](#)
- [Достал](#)
- [Из жизни шендеровичей](#)
- [Репутация](#)
- [Единица мужской красоты](#)
- [Лаконизм](#)
- [Самонадеянность](#)
- [Обстоятельства узнавания](#)
- [Встреча со славой](#)
- [С Глобой](#)
- [Я и совесть](#)
- [Сходство](#)
- [Мои перспективы](#)
- [Жадность фраера сгубила](#)
- [Ничего личного](#)
- [Хлеб-соль](#)
- [Льгота](#)
- [Кривая расценки](#)
- [Переработался](#)
- [Встреча с музой](#)
- [Лучше сразу...](#)
- [В Австралии](#)
- [Мой добрый Изя](#)
- [От всей души](#)
- [Космические проблемы](#)
- [«Старший брат следит за тобой»](#)
- [Знак уважения](#)
- [Координатор протеста](#)
- [Разговор не удался](#)
- [Гастроли](#)

- [Условия аренды](#)
- [Лишняя буква](#)
- [Мигалка](#)
- [Привет от Монтеня](#)
- [За девочками](#)
- [Однофамилец](#)
- [Старые друзья](#)
- [Доходное дело](#)
- [На митинге](#)
- [Горизонты журналистики](#)
- [Как стать телезвездой](#)
- [Не Сабонис](#)
- [Мадам Сургут](#)
- [Оба хороши](#)
- [Легкий заработок](#)
- [А вообще, как жизнь?](#)
- [Желание женщины — закон](#)
- [Три письма](#)
- [Порядок выхода](#)
- [Искусство принадлежит народу](#)
- [Человеческий фактор](#)
 - [Олимпиада-80. Юрий Седых](#)
 - [«Почтальоны»](#)
 - [Жопа и Моцарт](#)
 - [«Гений поведения»](#)
 - [Члено-вредительство](#)
 - [Почувствуйте разницу](#)
 - [Не надо рефлексий](#)
 - [Последнее предупреждение](#)
 - [Во избежание недоразумений](#)
 - [Приметы коммунизма](#)
 - [Унижение](#)
 - [«Там, на шахте угольной...»](#)
 - [Заслуженное повидло](#)
 - [Бог не фраер](#)
 - [Гамбит Шварца](#)
 - [Малый театр и большая нужда](#)
 - [Дело вкуса](#)
 - [Красное и черное](#)
 - [Сходство](#)
 - [Амператор](#)
 - [Через запятую](#)
 - [Минай в сундуке](#)
 - [Сколько в тебе росту?](#)
 - [Поговорили](#)
 - [Очное обучение](#)
 - [Неудачный фенотип](#)

- [Поворот темы](#)
- [Уточнение](#)
- [Промашка](#)
- [Сильный довод](#)
- [Фашизмик](#)
- [Квартирный вопрос](#)
- [Партийная зоология](#)
- [Так и живем](#)
- [Круг](#)
- [Спонсор Никсон](#)
- [Вежливый Ильич](#)
- [«Что-то с памятью моей стало...»](#)
- [Не графья!](#)
- [Безнадежная ситуация](#)
- [«Морковный кофе»](#)
- [Про Безыменского](#)
- [В дороге](#)
- [Прецедент](#)
- [Еще один неубиенный довод](#)
- [Уложился](#)
- [Долг платежом красен](#)
- [Близость к первоисточнику](#)
- [В порядке очереди](#)
- [Не в курсе](#)
- [Провокатор Клаус](#)
- [Другого не дано](#)
- [Правильная номинация](#)
- [Дальний расчет](#)
- [Последний мальчик](#)
- [Лучше — не надо!](#)
- [Отбитый аппетит](#)
- [Аппарат с прибором](#)
- [Настоящий ужас](#)
- [Отрезвляющий довод](#)
- [«Антиноста́льгин»](#)
- [Славное отродье](#)
- [Хроника текущих событий](#)
- [Всегда готов](#)
- [Инновация и эволюция](#)
- [Расценки](#)
- [Ужасы царизма](#)
- [Все познается в сравнении](#)
- [Рогинский сидел](#)
- [Нарушение режима](#)
- [С другой стороны](#)
- [Катя и совок](#)
- [Без эфиопов](#)

- [Лишняя деталь](#)
- [Два чемпиона](#)
- [Неожиданный ход](#)
- [«...тут же согласился на ничью!»](#)
- [Оценка позиции](#)
- [Все относительно](#)
- [Соленые яблоки](#)
- [Мьянма](#)
- [Форма стола и форма головы](#)
- [Белка и Кабан](#)
- [ПРИЛОЖЕНИЕ Из цикла Театр «Черные ходики» В МИРЕ ЖИВОТНЫХ](#)
- [Рапорт](#)
 - [Испытатель с прибором](#)
 - [В песках](#)
 - [За жалкие гроши](#)
 - [Масштаб удара](#)
 - [Границы гостеприимства](#)
 - [Видный деятель РПЦ](#)
 - [Взгляд снаружи](#)
 - [Как я рисковал жизнью](#)
 - [Закон суров](#)
 - [В шаге от славы](#)
 - [Не сразу](#)
 - [Самое время](#)
 - [На следующий день](#)
 - [Свой человек](#)
 - [На Брайтон-бич](#)
 - [Цена приставки](#)
 - [На Родине](#)
 - [Тяжелый случай](#)
 - [В детстве](#)
 - [Русский язык](#)
 - [Новости культуры](#)
 - [Новости спорта](#)
 - [Закономерность](#)
 - [Сообщение об авиакатастрофе](#)
 - [Образы](#)
 - [Страшноватый транспарант](#)
 - [А еще...](#)
 - [Главное правило](#)
 - [Репутация и конвертация](#)
 - [Пойди и утопись](#)
 - [Володин. Утро восьмидесятилетия](#)
 - [Чья вилла?](#)
 - [Виктор Астафьев](#)
 - [Подвел друга](#)
 - [Соборное отчество](#)

- [Когда приходит молодость...](#)
- [Реплика](#)
- [Дружба дружбой...](#)
- [Педагогическая поэма](#)
- [Такая работа](#)
- [Что показало вскрытие](#)
- [Труба и человек](#)
- [Впечатления от столицы](#)
- [Причина остаться](#)
- [«Я завоевал славу русскому искусству», —](#)
- [«Вот же есть я!»](#)
- [Самооценка в полный рост](#)
- [Самоидентификация](#)
- [После репетиции](#)
- [Страшный довод](#)
- [Библиофилы](#)
- [Пьеска](#)
- [Попадание в жанр](#)
- [В хорошей компании](#)
- [Злободневный репертуар](#)
- [Фотография на счастье](#)
- [Получка](#)
- [Теория комического](#)
- [Все впереди](#)
- [Лучшее место](#)
- [Расширение кругозора](#)
- [На левом фланге](#)
- [Не для себя](#)
- [Богема](#)
- [Не бесплатная связь](#)
- [Пробел в образовании](#)
- [Трава не расти](#)
- [На будущее...](#)
- [В мужской компании](#)
- [Жизнь в Дагомысе](#)
- [Хорватское табу](#)
- [Объявление в женском журнале](#)
- [«Китайца»](#)
- [Удачный случай](#)
- [Таких не берут в космонавты?](#)
- [На зависть драматургу](#)
- [На досуге](#)
- [Мужчина и женщина](#)
- [Более или менее](#)
- [Инструкция](#)
- [Сразу к делу](#)
- [Схожесть](#)

- [Карьера](#)
- [Вместе по жизни](#)
- [Новости дня](#)
- [Буколические мотивы](#)
- [Пишется, как слышится](#)
- [Из объяснительной записки](#)
- [Не в курсе](#)
- [Одухотворенность](#)
- [Старость не радость](#)
- [Чей засор?](#)
- [Другая статья](#)
- [Спрашивайте — отвечаем](#)
- [Клин клином](#)
- [Зер гут](#)
- [Непростительная вольность](#)
- [Без запятой](#)
- [Новые возможности](#)
- [Все люди братья](#)
- [Педро Шендерович](#)
- [Калькуляция](#)
- [Счастливый двоечник](#)
- [Не наш путь](#)
- [Усвоение материала](#)
- [Угол отражения](#)
- [Точный хронометраж](#)
- [Чемодан](#)
- [Местный обычай](#)
- [«О, сколько нам открытий чудных!...»](#)
- [На отдалении](#)
- [Включай мазган](#)
- [Занимательная лингвистика](#)
- [Культуру в массы](#)
- [Педагогика](#)
- [Краткое содержание](#)
- [В греческой глубинке](#)
- [Два в одном](#)
- [Блуждающий статус](#)
- [Пятнадцать человек на сундук мертвеца](#)
- [Расширение ассортимента](#)
- [«Только все же не Россия...»](#)
- [Канадский юмор](#)
- [Ассоциативный ряд](#)
- [В Сан-Франциско](#)
- [Гийом Проценко](#)
- [Воронка](#)
- [Англичанин Стивен](#)
- [Почувствуйте разницу](#)

- [С обратной стороны](#)
- [Размер имеет значение](#)
- [Что характерно](#)
- [Другая жизнь и берег дальний](#)
- [Шотландский синдром](#)
- [Легенда](#)
- [О спорт!.](#)
- [Джек-пот](#)
- [Ветераны](#)
- [Ребрендинг](#)
- [Сублимация](#)
- [Премия Дарвина](#)
- [Двойной стандарт](#)
- [Тревожный сигнал](#)
- [С чего бы вдруг?](#)
- [Соавторы](#)
- [Страшная месть](#)
- [Страшная месть-2](#)
- [Страшная месть-3](#)
- [Страшная месть-4](#)
- [Страшная месть-5](#)
- [Эксклюзив](#)
- [Руководитель клуба самоубийц](#)
- [Эфир](#)
- [Штампы](#)
- [Педагогика](#)
- [Проверка грамотности](#)
- [Стахановцы](#)
- [Антисоветчина](#)
- [Твердая пятерка](#)
- [Мадам Капулетти](#)
- [Страшный репертуар](#)
- [Суровая дикция](#)
- [Признание](#)
- [Как победить склероз](#)
- [Цирк](#)
- [Решение еврейского вопроса](#)
- [Не прошли проверку](#)
- [В мире животных](#)
- [Цена за квадрат](#)
- [Зоологическая бабушка](#)
- [Ромашка](#)
- [Острое желание](#)
- [Рефлекс](#)
- [Африканские друзья](#)
- [Цена буквы](#)
- [Ментальный разрыв](#)

- [Русская поисковая система](#)
- [Другие времена](#)
- [Уникумы](#)
- [Кто будет богатым](#)
- [Стрелки](#)
- [Концептуальненькое](#)
- [Визитка впрок](#)
- [В шляпе](#)
- [Уважительная причина](#)
- [Где сядешь...](#)
- [Метафоры](#)
- [Взятка в рабочее время](#)
- [Позади прогресса](#)
- [Язычник](#)
- [Тридцать лет спустя](#)
- [Авторитетное мнение](#)
- [Загадка](#)
- [Антитеррор](#)
- [Хороший вкус](#)
- [«Минуй нас пуще всех печалей...»](#)
- [Противоядие](#)
- [Анекдот](#)
- [Встреча с классиком](#)
- [Надежный метод](#)
- [Встреча в лифте](#)
- [Сложности выдвижения](#)
- [Диагноз](#)
- [Совет аксакала](#)
- [В писательском доме](#)
- [Ошибочка вышла](#)
- [Как только — так сразу](#)
- [Краткая автобиография](#)
- [Ночная репетиция](#)
- [В вечном долгу](#)
- [Что за речка?](#)
- [Смерть героя](#)
- [Борьба с пьянством](#)
- [Далеко от Москвы](#)
- [Если выходит хорошо...](#)
- [Источник звука](#)
- [Верный способ](#)
- [«И быстро уйти»](#)
- [Гастроль](#)
- [Быков](#)
- [Яков Костюковский](#)
- [В последний раз](#)
- [Требовательность](#)

- [Резо](#)
- [Консенсус](#)
- [Встреча с прекрасным](#)
- [Типичный случай](#)
- [Старая песня](#)
- [Шляпа](#)
- [Хорошие симптомы](#)
- [Козлиная вибрация](#)
- [Интенсивное хозяйство](#)
- [Стильная штучка](#)
- [Отдел прозы](#)
- [Те же яйца, только в профиль...](#)
- [Перебор](#)
- [В немецкое посольство](#)
- [Бизнес есть бизнес](#)
- [Два письма](#)
- [«Боречка»](#)
- [Лжец, еврей и «пидараст»](#)
- [«Много было гуманного»](#)
- [На чай](#)
- [Профи](#)
- [Прощальный то ст](#)
- [Фейс-контроль](#)
- [Время удовольствий](#)
- [В кругу муз](#)
- [На безрыбье...](#)
- [Блистательный джазовый пианист Игорь Бриль](#)
- [Переходный возраст](#)
- [Переезды](#)
- [Долги наши](#)
- [Царский подарок](#)
- [Лучший комплимент](#)
- [Истинная причина](#)
- [Два в одном](#)
- [Как прилетают бумеранги](#)
- [Как прилетают бумеранги-2](#)
- [Акустика эпохи](#)
- [Антрекот](#)
- [Тоже мне препятствие...](#)
- [Гердт. Расшифровка старой ленты](#)
 -
 - [...про Рину Зеленую](#)
 - [...про женщину «на уровне»](#)
 - [...про Жванецкого и Володина](#)
 - [...про Марка Бернеса и Никиту Богословского](#)
 - [Быть знаменитым...](#)
 - [Степень](#)

- [К девяностолетию](#)

- [Изюм из булки](#)

- [Опасные гастролы](#)
- [Ночной пароль](#)
- [Рыба](#)
- [Профессиональные травмы](#)
- [Песня](#)
- [Свежий взгляд](#)
- [Шекспир отдыхает](#)
- [Жалоба](#)
- [Какие старые слова...](#)
- [Уточнение](#)
- [Триллер](#)
- [Ничего лишнего](#)
- [Тактичный варанчик](#)
- [Экскурсия по Харькову](#)
- [Лучший по профессии](#)
- [Валютная обменка](#)
- [Нашел себе занятие!](#)
- [Большой успех у публики](#)
- [Вторая реприза](#)
- [Место ссылки](#)
- [Теперь — можно!](#)
- [«И Ленин такой молодой...»](#)
- [Просьба](#)
- [Прецедент](#)
- [Из студенческого реферата](#)
- [Фраза из школьного сочинения](#)
- [Как всегда, лучше всех](#)
- [Икра](#)
- [Два мира...](#)
- [Доброе утро](#)
- [Весна](#)
- [Жесткий диск](#)
- [Абонент временно доступен](#)
- [Объявление](#)
- [Клоун Александр Фриш](#)
- [Формула веры](#)

- [Соавторы](#)

- [notes](#)

- [1](#)
 - [2](#)
-

Времена вразвес (часть вторая)

Рассказ о России

...в историческом отрезке от Горбачева до Путина легко укладывается в цитату из моей семилетней дочери. Взмолвленная, она рассказывала про первое гуляние с юной собакой Джулькой:

— Представляешь, она выкрутилась из ошейника, немного понаслаждалась свободой и в ужасе побежала домой!

Президентство Ельцина должно было закончиться летом 2000 года, и телекомпания НТВ заблаговременно сняла про Бориса Николаевича документальное кино. Так сказать, на посошок.

Делал кино режиссер Сергей Урсуляк, и к Новому, 2000-му сделал он его почти полностью. Оставалось произвести некоторые технические операции — свести звук, накатать титры... В запасе было полгода.

Утром 31 декабря 1999 года Урсуляк отключил мобильник и пошел с друзьями — не в баню, но вроде того. Отдыхать. Практически одновременно с Урсуляком пошел отдыхать президент Ельцин — и вся страна встала на уши.

Встало на уши и НТВ: прощальный фильм про «Большого Бена» надо было давать немедленно!

А режиссера нет дома, и по мобильному он «временно недоступен». И друзья, с которыми он провожает старый год, «временно недоступны». А жена на грани нервного срыва, потому что из «Останкино» ей звонят каждые пять минут.

А счет уже и шел на минуты. К подъезду дома, где жил Урсуляк, послали машину и еще одну с мигалкой, чтобы сократить время пути к «Останкино» до минимума. Машина есть, мигалка есть, Урсуляка нет.

...Он вошел во двор своего дома и увидел: у подъезда — милицейский «форд», а навстречу, чуть ли не в тапочках по снегу, бежит простоволосая жена с криком «Сережа!».

Всякий, у кого есть дети, поймет, что испытал в эту минуту бедный Урсуляк.

— Сережа! — кричала жена. — Ельцин ушел в отставку!

Атрибуты

Тот самый день — 31 декабря 1999-го...

Репортаж по государственному ТВ: «Исполняющему обязанности президента Владимиру Путину был передан ядерный чемоданчик» (в кадре — Ельцин, Путин и офицер с чемоданчиком).

И — далее: «Также исполняющему обязанности были переданы *другие атрибуты власти*».

В кадре — Ельцин, Путин и патриарх...

Был у нас в программе «Итого» такой персонаж — Виктор Семенович Ельцов...

Он на самом деле и был, и есть — Виктор Семенович Ельцов! Найден нами в картотеке массовки, на «Мосфильме». Выразительное имя плюс типаж главы партхозактива ненадолго повернули его судьбу, и Виктор Семенович стал главой администрации выдуманного нами города Федотово, основателем движения «Держава-мать».

Он лазил в шахты, ездил к ткачихам, говорил патриотические пошлости... Короче, делал все то, что делают *они*, и делал вполне убедительно. Однажды мы снимали Ельцова в Совете Федерации: он громко молол написанную мною чепуху... Так на него там даже внимания никто не обратил — настолько лег в масть наш Виктор Семенович!

Надо заметить, что актер так вжился в роль, что по окончании карьеры в программе «Итого» изготовил визитную карточку, на которой был изображен флаг России и, без лишних подробностей, его фамилия, имя и отчество.

Ельцова еще пару лет узнавали на улицах, справлялись о политических перспективах...

А в феврале 1999 года мы снимали приезд Виктора Семеновича на ферму. Это была пародия на типовой выезд начальства в народ: Ельцов вышел из машины, дежурный холуй накинул ему на плечи белый халат — и «федотовский глава» пошел в коровник. По дороге с деловым видом пощупал комбикорм. При встрече с народом пообещал поддерживать отечественного производителя. Все по сценарию.

Сюжет вышел в эфир — и мы о нем забыли, ровно на год.

А через год, в феврале 2000-го, на ферму приехал всамделишный кандидат в президенты Владимир Владимирович Путин. Он вышел из машины; кто-то набросил ему на плечи белый халат — и наше всё в окружении местного начальства двинулось навстречу селянам...

Мы смотрели это в новостях, сидя в «Останкине».

— О! — сказала Лена Карцева, режиссер «Итого». — Смотрите. Прямо как наш Ельцов.

Тут будущий президент Путин свернул с дороги, подошел к тележке с комбикормом и начал с задумчивым видом мацать эту дрянь руками. Мы рухнули на пол со стульев. Когда будущий президент России заговорил о поддержке отечественного производителя, мы, икая от смеха, уже рылись в кассетах.

Параллельная склейка дала обратный эффект: стало не до смеха.

Смешно, когда пародия похожа на оригинал. Но каким надо быть оригиналом, чтобы соответствовать пародии, сделанной заранее?

Дата вылета

Мои гастроли в Израиле были запланированы задолго до появления в Кремле г-на Путина.

Но когда в день выборов, ранним воскресным утром 26 марта 2000 года, я возник на паспортном контроле в «Шереметьево» с израильской визой в паспорте, пограничник среагировал понимающей улыбкой:

— Уезжаете?

Трудности с адресатом

Летом 2000-го главный раввин России Адольф Шаевич прогневал администрацию нового президента поддержкой Гусинского. Ему позвонили из Кремля и предложили подать заявление об уходе.

Адольф Соломонович, говорят, спросил только: «Кому?».

Привет от Лени Рифеншталь

Дело было в начале путинских лет.

В Клубе документального кино показывали «Триумф воли» — отличный фильм о шестом съезде НСДАП, состоявшемся в 1934 году в Нюрнберге.

Каждый кадр талантливо доказывал: с приходом Гитлера у Германии наконец появились светлые перспективы — крепнет союз армии и народа, растёт урожайность, улучшается жизнь людей... Военный оркестр исполнил до боли знакомую тему «Все выше, и выше, и выше...» — это был марш летчиков Геринга!

— Мы требуем от вас одного — правды, — обращаясь к журналистам, говорил Геббельс. — Правды о новой Германии!

Геббельс требовал правды, фюрер боролся за мир... По залу пробежали волны нервного смеха, относившегося уж точно не к Германии.

Потом зажегся свет. В зале стали различимы зрители — эссеист Рубинштейн, поэт Гандлевский, экономист Ясин...

— М-да... — сказал кто-то. — Сидят несколько десятков немолодых евреев и слушают Гитлера.

— А представляете, если бы случилось наоборот? — сказал другой.

Березовский, говорят, был неприятно удивлен арестом Гусинского и даже заметил президенту России, слепленному его собственными руками: мол, это уже лишнее...

— Вы же сами просили на него наехать! — удивился президент.

— Да, но я не просил сажать, — возразил олигарх.

— У нас такая технология, — пожал плечами президент.

В день захвата НТВ около сорока журналистов написали заявления об уходе, но формулировка показалась отделу кадров чересчур эмоциональной...

Под этим предлогом увольняющихся начали поодиночке зазывать на энтэвэшный этаж. Пришедших отводили к начальству — и начинались душеспасительные беседы с материальной подкладкой.

В ряде случаев — помогло.

Но тихий, незамеченный на митингах Александр Шашков бумагу в отделе кадров переписал безупречно, и как просили — строго по форме: «Генеральному директору НТВ Йордану Б. А. от корреспондента службы информации Шашкова А. З.».

Чуть ниже — «Заявление».

И еще ниже — одно слово: «Увольте».

С молоком матери

А один молодой корреспондент НТВ, рванувший прочь от Гусинского при первых же звуках травли, оправдываясь перед будущими хозяевами за свою либеральную молодость, сформулировал так:

— Я — латентный государственник!

С молоком матери, стало быть.

Как только мама открыла финансирование...

Стечкин умер

После захвата НТВ мы, выгнанные оттуда, еще некоторое время работали по соседству с коллаборантами — и иногда, ко взаимной тоске, попадали с ними в одни лифты.

Деваться от общения было некуда.

И вот в набитый лифт, где уже стоял я, вошла Миткова. А мы не виделись несколько месяцев после тех немыслимых апрельских дней и ночей — и столько за это время случилось всего, столько тем для разговора...

Ну, и поговорили.

— Вот, Витя, — сказала Миткова, — какая беда. Харрисон умер.

Я кивнул, вздохнул. Лифт едет.

— И Стечкин, — сказала Таня.

Лифт доехал, и я вышел, прекратив наши совместные мучения.

Если не бог, то Фрейд шельму метит.

Журналист Евгений Ревенко, один из первых перебежчиков с НТВ, уже в ранге большого телевизионного начальника был допущен к Солженицыну.

Он пришел к корифею, сел в кадр, собрался с мыслями и спросил:

— Существует ли в России угроза свободы слова?

И Александр Исаевич честно ответил:

— Нет.

По месту работы

Однажды журналист Л., крупная «звезда» федерального агитпропа, пришел в московский клуб «Петрович» и нарезался там, по обыкновению, до зеленых ящериц. В каком-то состоянии перестал бороться с Соединенными Штатами Америки, а просто лег лицом на стол и отрубился, предоставив оставшимся в живых решать вопрос о транспортировке своего заспиртованного тела.

Проблема состояла в том, что никто из работников клуба и бывших там в эту пору посетителей не знал, где живет Л., — обычно его, вместе с его зелеными ящерицами, доставляли домой друзья... Но в тот злосчастный вечер Л. прошел дистанцию в глубоком одиночестве.

Пытались добиться адреса от самого, но куда там!

За подвальными окошками клуба уже занималось хмурое утро...

И кто-то из посетителей предложил наконец концептуальное:

— Везите его прямо в Кремль!

Народная поддержка

После того как команда НТВ перебралась на ТВ-6 и ТВ-6 ликвидировали, в поликлинике меня узнала женщина, работавшая в регистратуре. И негромко сообщила через окошечко:

— Мы по вам очень скучаем!

— Спасибо, — ответил я.

— Держитесь... — попросила женщина, переходя на шепот. И почти за пределом слышимости добавила: — Не сдавайтесь...

Январь 2002-го.

Дочь Валентина, девица пятнадцати лет, за завтраком интересуется новостями с фронтов войны за свободу слова. А я едва продрал глаза, лень шевелить языком, сию, отмалчиваюсь...

Минут через десять Валентина осведомляется:

— У тебя что, тоже лицензию на вещание отобрали?

Не сейчас

На напоминание о долгах по зарплате владелец ТВ-6 Борис Абрамович Березовский отвечал гениальной формулировкой, пригодной во всяком разговоре с кредитором:

— Деньги были, деньги будут — сейчас денег нет!

На войне как на войне

В апреле 2003-го директор телекомпании ТВС г-н Терекбаев задним числом известил нас о снижении вдвое заработной платы за март (цитирую документ в грамматике подлинника) «в связи с перерасходом средств (Война в Ираке)».

Первой моей мыслью было подать в суд на Буша — какого, правда, хрена он поперся на Багдад? — но я сдержался и правильно сделал. Американская военщина проявила понимание ситуации, и уже через три недели я направил г-ну Терекбаеву столь же вежливое письмо с просьбой, по случаю окончания войны в Ираке, вернуть зарплату на место!

С тех пор в ТВС я не получил вообще ни копейки.

Не отпустили...

Весной 2003-го доблестные государственные мужи Вольский и Примаков пошли к Путину — отпрашиваться от дальнейшего подневольного участия в погибающем проекте этой заведомо обреченной телекомпании.

Глагол «отпрашиваться» взят из приватного рассказа самого г-на Вольского об этом славном эпизоде.

— Ну и?..

— Не отпустил, — печально молвил глава Союза промышленников.

Не отпустили их, двух пожилых дядечек из государственной элиты, — как пятиклассников, попросившихся с урока в туалет. Очень строгая попалась училка...

Непреодолимая сила?

На бумажках, которыми казенные люди печатавали наши останкинские кабинеты, черным по белому было написано, что деятельность телекомпании ТВС прекращена «в связи с обстоятельствами непреодолимой силы».

«Форс-мажор» то есть!

Путин и К°, приравненные к пожару, войне или наводнению! — кажется, на Родине эта К° еще не получала более адекватную юридическую оценку.

Протухшие

Александр Архангельский пригласил меня в программу на канале «Культура» — и посадил супротив бывшего люберецкого братка Василия Якеменко. (Василий перековался и возглавил путинский комсомол.)

Программа была посвящена культу личности, уже вовсю набравшему силу.

И вот — я чего-то говорю, а Василий сидит с загадочным видом, и лежит возле него вниз лицом толстая книга с закладкой, и по хитрой братковской физиономии ясно, что эта книга — непобиваемый джокер, который в должный час поставит точку в нашем споре!

И вот заветный миг настает: Якеменко торжественно открывает том на закладке и читает вслух с отчеркнутого референтами места... Боже мой! — это «Братья Карамазовы»! А заветный абзац — про старца Зосиму: мол, непременно должен быть непререкаемый авторитет, пример для юношества...

Якеменко вслух, с выражением, читает Достоевского, а мы с Архангельским переглядываемся, в одночасье вспоминая неведомое братку Василию продолжение «карамазовского» сюжета...

Зосима-то — «протух»!

По окончании цитаты Архангельский осторожно сообщил господину Якеменко эту скорбную весть. Тот даже не понял, о чем речь.

Вопросы дня

Мораторий на мою физиономию в телевизоре случился не сразу. Первое время еще приглашали по инерции.

Вот краткий перечень предложений за 2004 год: принять участие в обсуждении выступления футбольной сборной России на Евро (НТВ), выступить экспертом в программе о проституции (Первый канал) и поучаствовать в ток-шоу на тему «Борода — признак ума?» на канале «Россия»...

А летом 2004-го позвонили из «Российской газеты» — у нас, говорят, вопрос дня, не согласитесь ли ответить? А только что боевики захватили Назрань, Кавказ полыхает...

Давайте, говорю, свой вопрос.

— Какая у вас дневная норма спиртного?

Осенью 2003 года по всей России появились предвыборные плакаты с сентенцией огромной глубины: «Пробуждение РОССИИ, ее движение к ЕДИНСТВУ — неужели в этом не вся ее история?».

И подписано: Пушкин, из письма к Чаадаеву...

Задумчивое пушкинское лицо над цитатой не оставляло сомнений: именно Грызлов и Пехтин, лидеры партии «Единство», грезилась поэту как светлое будущее России.

Растроганный прозорливостью гения, я полез в любимый десятый пушкинский том, в письма. И гений в очередной раз удивил: оказывается, ничего такого он Чаадаеву не писал!

А писал — вот что: «Татарское нашествие — печальное и великое зрелище. Пробуждение России, развитие ее могущества, ее движение к единству (к русскому единству, разумеется) (...) — как, неужели все это не история, а лишь бледный и полузабытый сон?».

Вот ведь незадача! Говоря о «пробуждении», Пушкин, оказывается, имел в виду пробуждение от татарского ига (привет члену политсовета «Единства» Шаймиеву). И не делал пошлых умозаключений о том, в чем заключается история России, а, вступаясь за нее перед другом-философом, утверждал, что история эта у нас — есть.

Но какая разница, что имел в виду Пушкин, когда на носу — выборы, в моче — революционная целесообразность, и моча все время ударяет в голову?

«Это циничное презрение к человеческой мысли и достоинству — поистине могут привести в отчаяние...» — как писал Александр Сергеевич Петру Яковлевичу в том самом письме.

Целесообразность

В послевыборную декабрьскую ночь 2003 года я брел по останкинским коридорам. Параллельным курсом двигались два известных политолога, отговорившие свое в эфире одного федерального телеканала и направлявшиеся на другой.

Они рассуждали о туманных перспективах партии СПС.

— Им добросят голосов, — предполагал один.

— Могут не добросить, — скептически пожимал плечами другой, оказавшийся более прозорливым.

Они обсуждали это вслух, прилюдно, совершенно бытовыми голосами, как будто речь шла о прогнозе погоды, а не о тяжелом уголовном преступлении.

Празднование трехсотлетия Санкт-Петербурга удалось, прежде всего, по части воровства: это было феноменально даже по российским меркам.

С некоторой гордостью (как новейшую достопримечательность) друзья-питерцы показывали мне на набережной Фонтанки роскошно отреставрированный фасад, за которым не было даже стены!

Гостинный двор тоже поправили роскошнейшим образом — ту его часть, которая видна с Невского при проезде президентского кортежа. За углом начиналась разруха — сразу, без переходов и полутонов.

Однажды главный художник праздника Эдуард Кочергин, пришел в Смольный к одной руководящей даме — за финансированием. Не за ноликами, указанными в смете, а за живыми деньгами, которыми можно расплатиться с подрядчиками.

В ответ руководящая дама начала на Кочергина орать:

— Что вы, как маленький! Вы что, не знаете, что *этих денег давно нет!*

Вор, орущий на обворованного, — вот сцена из новых времен, ожидающая своего Сухова-Кобылина...

Главным воспоминанием о днях юбилея стало воспоминание о запахе мочи, надолго пропитавшем город на Неве. Два миллиона гостей не могли уместить выпитое в сотню муниципальных туалетов. Означенный запах помаленьку пропитал и международную арену...

Вот рассказ Алексея Германа, приглашенного в Константиновский дворец на встречу российской элиты с гостями юбилея.

Спустя пару часов после начала церемонии классик кинематографа почувствовал настоящую потребность ненадолго отлучиться. Ненадолго — не вышло. Классик ходил по пустым коридорам дворца в поисках нужного места, но как раз нужного места и не было.

Тогда Герман, чья, так сказать, чаша терпения помаленьку переполнялась, вышел во двор, где, на его счастье, обнаружилось большое дерево с кустарником.

И художник устремился к природе. И уже войдя в природу, обнаружил под деревом здорового детину-охранника.

Когда Герман приступил к тому, зачем пришел, с другой стороны дерева, застегиваясь, вышел премьер-министр Италии Сильвио Берлускони.

Всюду жизнь.

Отдельная страница в будущей саге о «зоолетии» Санкт-Петербурга — история реставрации вышеупомянутого Константиновского дворца, с превращением одного, разумеется, в резиденцию президента!

Принимая работы, работники кремлевской администрации обратили внимание на трубу ТЭЦ, торчавшую на горизонте: труба портила пейзаж, открывавшийся дорогому гаранту из окон дворца, и местным властям было предложено немедленно убрать эту гадость с глаз долой.

На робкие возражения, что ТЭЦ обеспечивает теплом целый район, было отвечено, что хер с ним, с районом, а портить пейзаж любимому президенту никому не дозволено.

Но тут выяснилась действительно неприятная вещь: оказалось, что от этой же чертовой трубы обогревается и сам Константиновский дворец.

Тогда велено было раскрасить широкую эту хреновину в цвета российского флага и нарисовать на ней орла — натурально, двуглавого. Однако ж труба оказалась не только широкой, но и круглой, и орел неотвратимо приобретал вид, во всех смыслах, бойлерный...

Решено было ограничиться флагом.

И доселе, говорят, стоит там ТЭЦ в триколоре, и идет из триколора патриотический дым.

А этот эпизод из жизни президента России я видел своими глазами — разумеется, в останкинском мониторе. Если бы мы показали увиденное на всю страну, светлый образ гаранта дополнился бы неожиданными красками...

Шло награждение в Кремле. Ритуал был прост и отработан десятилетиями. Дама в трибунке произносила имя; гаранту передавали коробочку с наградой и диплом; девушка подносила награжденному цветы.

Имя — награда — цветы, имя — награда — цветы...

На очередном витке этой процедуры дама, называвшая имена, упала в обморок прямо в трибунке. От волнения или духоты — бог его знает. С грохотом, успев цапануть рукой по включенному микрофону, она рухнула прямо к ногам президента.

Ни один рефлекс не выдал во Владимире Владимировиче мужчину. Гарант переждал падение, шагнул поближе и с любопытством юнната заглянул в лицо упавшей. Потом, чуть поджав губы, качнул головой: мол, надо же, чего бывает!

Охрана в несколько секунд вынесла тело из залы.

Еще через несколько секунд в трибунке стояла другая женщина, и награждение продолжилось.

Одним из штрихов в мужественном пиар-портрете президента Путина стала такая крепкая деталь: когда Собчак проиграл выборы, Владимир Владимирович проявил принципиальность и ушел вместе с ним, не бросил учителя...

После смерти Собчака об этом рассказывалось особенно часто. Иногда, к ужасу христианского мира, слово «Учитель» писали с заглавной буквы.

Для будущих историков будет любопытно свидетельство депутата Ленсовета Бориса Вишневого. А видел и, главное, слышал он, как в коридорах Смольного к только что победившему губернатору Яковлеву подошел некто и сказал:

— Владимир Анатольевич, там у вас в приемной сидит Путин, просит принять.

— Чтобы я этого мудака больше не видел! — грозно крикнул в ответ новый губернатор Петербурга.

Но неисповедимы пути господни: увидеть вышеупомянутое Яковлеву пришлось — и даже выпало счастье лично полизать...

Вообще, сверка версий — познавательный процесс.

Василий Пичул делал телефильм к десятилетию октябрьских событий 93-го года, а я как раз зашел в монтажную — и увидел дивную «склейку»: Хасбулатов рассказывал про разговор в тюремной камере, после своего ареста, с генеральным прокурором Казанником.

— Я сказал ему: вы представитель закона, прекратите немедленно это безобразие! Я требую освобождения!

Через секунду в мониторе об этом же эпизоде рассказывал Казанник:

— Я вошел в камеру, и он упал мне в ноги: умоляю вас, выпустите меня отсюда...

— Наняли блядей по десять долларов!

Этот текст, по свидетельству Сергея Доренко, принадлежит президенту России Путину. Время и обстоятельства произнесения фразы: после показа на Первом канале жен погибших подводников, в городке Видяево...

Жены проклинали генералитет и лично главнокомандующего.

Главнокомандующий, увидев это на Первом канале, позвонил туда и сказал (см. выше).

А то ж! Будучи специалистом по провокациям, весь «негатив» в прессе Путин рассматривает как провокацию. В этой незамысловатой системе координат жены погибших подводников могут быть только «блядьми, нанятыми по десять долларов».

Моральные оценки опустим. Самое интересное тут не оценки, а — расценки! В холодной президентской голове имеется, стало быть, прайс-лист на блядей для проведения дискредитационных акций...

Спасибо, Владимир Владимирович! Теперь мы знаем, сколько это у вас стоит.

Наружное наблюдение

Дело было в Альпах зимой двухтысячного.

Накатавшись, я спускался вниз и на очередном повороте лыжни увидел сидящую на поваленном дереве Евгению Альбац.

— Витя-я... — низким голосом протянула она и замахала на меня руками, как на привидение. — Витя-я...

И замолчала, явно сраженная увиденным. А чего такого-то? Тут пол-Москвы на лыжне... Я притормозил и поинтересовался: что так поразило Женю в моем появлении? А когда узнал — сам осел на поваленное дерево, уже от смеха.

Оказывается, только что по лыжне проехал Герман Греф, и сразу за ним из-за поворота появился я. И Альбац решила, что я продолжаю слежку за путинским режимом уже и на каникулах.

Догонять Грефа я не стал. Пускай, действительно, отдохнет человек...

Охранные грамоты

В середине девяностых на стенах многих начальственных кабинетов висели однотипные фотографии — на них был запечатлен счастливый момент, когда хозяину кабинета удалось приблизиться к телу Бориса Николаевича Ельцина. Не Картье-Брессон, но в номенклатурной жизни помогало.

За пределы кабинетов холуяж в те годы не выходил. Но, как предупреждал шекспировский шут, время не спит...

В начале «нулевых» в Москве, в саду «Эрмитаж», открылся премиленький, в восточном стиле, ресторан; на самом видном месте, напротив входа, висел огромный, метр на полтора, в восточном же стиле исполненный ковер с портретом Путина. Глаза — добрые-добрые...

От сглаза, должно быть, и рэкета помогал безукоризненно, — жалко, аппетита не прибавлял.

После 2008 года рядышком появился коврик с Медведевым...

Потом выяснилось, что ресторан «левый» и построен незаконно, но еще много лет владельцев не проверяли — еще бы, с такими портретиками!

У этих «охранных грамот» есть и профессиональные разновидности. В шоу-бизнесе, например, считается очень правильным повесить в офисе на видном месте фотографию хозяина фирмы — с Кобзоном. Тоже почему-то хорошо помогает от рэкета...

Что в имени тебе моем?

В начале марта 2004-го (цитирую официальную информацию) «сход осетинского селения Дур-дур принял решение единогласно проголосовать за Владимира Путина»...
Ну, в выборе селения Дур-дур — кто бы сомневался!

Без уточнений

Первый президент России позвонил Хакамаде — поздравить с юбилеем.

Ирина Муцуовна, приняв поздравления, решила воспользоваться случаем и невинно поинтересовалась у Ельцина: что он думает о происходящем в России при своем преемнике?

— Не нравится мне это всё... — после паузы медленно ответил Борис Николаевич.

— Что «всё»? — осторожно поинтересовалась Хакамада.

— Вообще: всё! — отрезал Ельцин.

Светлые перспективы

В начале двухтысячных в Самарканде сбылась моя давняя мечта: я увидел туркменское ТВ.

Золотой профиль Туркменбаши в верхнем углу — в золотом же лавровом венке, буквально! Сам Отец Туркмен неторопливо, со вкусом, распекает нерадивых министров, мешающих ему обеспечить окончательное счастье для народа. Распекаемый министр стоит в глубоком поклоне, темечком к Отцу Туркмен.

Потом — строительство коммунизма: полторы минуты в кадре пустыня и работающий в ней экскаватор...

Вечно танцующие дети; девушка в национальном наряде рассказывает о трудовых успехах на фоне фанерного щита с цветущей долиной. Потом группа военных долго играет на местном струнном инструменте. В центре — вундеркинд с таким же инструментом (народ и армия едины).

Вот, собственно, и весь ассортимент.

Здравствуй, лето!

Времена возвращались лицами и лексикой.

В июне 2003-го в программе «Время» неизвестная мне правительственная тетка с арбузными щеками сообщила населению:

— В нашей стране дети до пятнадцати лет *подлежат отдыху!*

Лучшая концепция государственного телерадиовещания

...принадлежит моему бывшему товарищу по работе Владимиру Кулистикову (партийная кличка Вован).

Уйдя со свободного НТВ на федеральную руководящую должность, Вован сформулировал для подчиненных базовые принципы новостной работы на государственном телевидении.

Формулировка была так хороша, что ее начали передавать из уст в уста в дословном виде.

— У нас верстка простая, — говорил Вован. — Первое — Путин, второе — Путин, третье — Путин. И сиди, бабло получай!

Один телезритель

Формула вышеописанного Вована напомнила мне одну старую телевизионную байку.

В позднесоветское время в «Останкино» пришел заместитель министра обороны — записать поздравление ко Дню Советской армии. Сел в студии, положил перед собой листок и, не поднимая головы, оттарабанил текст.

— Товарищ генерал, — предложил гостю режиссер, — вот видите: красный огонек горит? Это телекамера. Вы туда все это скажите, туда! Там миллионы телезрителей, и вы к ним обращаетесь...

На эти изыски генерал ответил с военной прямоотой:

— У меня один телезритель — министр обороны.

Холодящий душу сюжет: осенью 2008 года пятилетняя тигрица отвязалась в нескольких метрах от Путина, совершавшего рабочую поездку по Дальнему Востоку!

По счастью, в руках у Путина случайно оказалось ружье с ампулой и наш небольшой рэмбо метким выстрелом под лопатку усыпил хищницу!

Опять-таки, по счастью рядом случились телеоператоры государственного телеканала, и о подвиге Путина узнала страна.

Прямой эфир, стенограмма...

Журналистка. Здравствуйте! Представьтесь, пожалуйста.

Россиянка. Я не буду с вами разговаривать, а только с президентом.

Журналистка. Владимир Владимирович вас слушает.

Путин. Слушаю вас. Добрый день.

Россиянка. Это вы?

Путин. Я.

Россиянка. Это, правда, вы?

Путин. Правда.

Россиянка. А раньше тоже были вы?

Путин. И я был раньше...

Россиянка. Господи! Спасибо вам большое! За все огромное спасибо!

Короткие гудки.

Есть имена, не нуждающиеся в пояснениях. Лев Толстой, писатель. Иисус Христос, мессия. Владимир Путин, председатель правительства... К чему лишние дефиниции?

Поэтому все это называлось просто: встреча с Владимиром Путиным.

Пенсионерка Муханова спрашивала у Него: как жить? И Он отвечал ей.

Пенсионерка угадала с адресатом, ибо ни Христос, ни Лев Толстой не смогли бы решить ее проблему с оплатой дров стоимостью десять тысяч рублей при пенсии три с половиной. А Путин сказал: встань и иди к начальнику своему, и будет по слову Моему.

И она пошла.

И пока она шла, ей уже навезли дармовых дров — она замучается жить до их прогорания!

Застать Его врасплох было невозможно. Его спрашивали о нехватке мест в детсадах — Он выступал с проповедью о пользе рождаемости. Труженики села один за другим докладывали Ему о рекордных урожаях и делились своими тревогами по этому случаю. Он отвечал без запинки, полностью в материале. Сколько тонн зерна закуплено, цены по регионам, понедельный темп закупок...

Люди в зале сидели в предобморочном состоянии от счастья — нервная зевота, перекосившая вдруг лицо одной брюнетки, была свидетельством не скуки, но высшего напряжения. Перед ней сидела — Родина! Всем близкий, всюду бывавший, все понимающий, пролезший без мыла в каждое сердце... Свой везде.

В Северодвинске в кустах оказался не рояль, а целая подводная лодка. «Я ходил на ней в море, привет экипажу». В зале в Москве случайно обнаружился строитель из Красноярска, с которым Путин что-то когда-то пил.

Ему ли не знать народ Свой?

Он чинил водопровод женщине на Ставрополье, он возвращал землю обездоленным в Саратовской области, брал под личный контроль счастье ветеранов сцены под Петербургом и обеспечивал елкой мальчика из Биробиджана.

Он знает тайные слова, преодолевающие здешние бессмысленные просторы. Он прост и велик. Он пристроил в зоопарк тигренка, вернул слепому группу инвалидности и выдал пособие матери-героине, чтобы не вышло, что она рожала своих детей зря.

Он мило пошутил на тему деторождения с Марией (Ситтель)...

Другому за такие принародные казарменные шутки светило бы по физиономии, но лицо Марии (Ситтель) лишь зарделось понятной благодарностью — ведь Он таким образом подчеркнул свою человеческую близость!

Эфир разрывался на куски от количества желающих поучаствовать в этой обедне. «Операторы работают самоотверженно», — докладывала Мария (Ситтель). Но операторы не справлялись с напором народной любви и веры в Него.

«Держитесь, мы с вами!» — зачитывала Мария (Ситтель). И Он держался.

И вот кульминация: не чересчур развитая девочка из Бурятии зачитывает по бумажке просьбу к «дяде Володе» сделать ей подарочек на Новый год — и Он зовет ее вместе с бабушкой к себе в Москву, за подарочком...

Сначала бабушку, потом девочку...

Неужели, думал я, она не спросит при встрече: отчего у Него такие большие зубы?

Главный читатель

Однажды этот победитель в номинации «каждой бочке затычка» явился на русскую книжную ярмарку в Париже.

Вдоволь попиарившись, он покидал мероприятие, когда один из писателей, забежав петушком перед дрожками, успел выкрикнуть:

— Владимир Владимирович, кто ваш любимый писатель?

Тот хмыкнул:

— Вам скажи, вы все так писать начнете.

В самый разгар «оранжевой революции» на телекомпанию Ren-TV пришел перегон видеоматериала из Киева: многотысячная толпа на майдане, выкрики, аплодисменты... А над толпой транспарант: «Кивалов — підрахуй!».

Кивалов был главой украинского ЦИКа, только что посчитавшего голоса на выборах поперек всякой арифметики.

Не то чтобы журналистка Ольга Романова не разделяла оценку, вынесенную на транспарант, но у телекомпании к тому времени уже имелось предупреждение от Минпечати, и она понимала, что за «підрахуя» просто отнимут лицензию.

Однако ж вовсе не давать репортаж из Киева было невозможно — главная тема дня! И несчастные телевизионщики начали колдовать над полученными кадрами...

Изъять «підрахуя» не удавалось — транспарант лез в кадр отовсюду. Приближалось время эфира. Вся выпускающая бригада уже находилась в истерике, когда кого-то вдруг осенило позвонить человеку, знающему украинский язык...

Оказалось, «підрахуй» — это всего лишь «посчитай».

И Ольга Романова с чистой совестью (и тайным наслаждением) дала пленку в эфир.

Старый советский анекдот — будто бы наши поспорили с американцами, что научат кошку есть горчицу, и выиграли спор, намазав ей задницу горчицей: кошка с диким криком начала горчицу вылизывать.

А наши сказали: вот видите, как у нас — добровольно и с песнями!

Старый анекдот вспомнился вот по какому поводу.

Отнажды на уже покоренном НТВ сняли агитационное кино — и повезли кассету с конечным продуктом на дегустацию заказчику. Заказчик продукт продегустировал и передал несколько пожеланий, которые были немедленно исполнены.

И хотя картина уже прошла обряд обрезания, редактор перед самым эфиром «подрезала» дополнительно еще пару мест, которые, как ей показалось, могли ранить обидчивую кремлевскую клиентуру.

Обескураженный автор фильма осторожно напомнил редактору: в Кремле фильм видели и пропустили в таком виде!

— А вдруг они не заметили? — ответила редактор службы информации.

«Горчицей» было намазано за три года до того, но очень, очень густо...

Опасный коридор

Год был 2007-й. Я шел по останкинскому коридору — какая-то незначительная телекомпания осмелилась позвать меня, чтобы поговорить в записи на незначительные темы... Коридор, однако, был самый главный — ведущий к студиям прямого эфира!

И вышли из аппаратной покурить двое моих коллег времен свободного НТВ, ныне аккуратные звезды государственного канала, и увидели эту картину — меня, идущего в сторону прямого эфира!

Они восприняли это как галлюцинацию от переутомления.

— Ты что тут делаешь? — прямо спросил ошалевший «государственник» постарше.

И тут Господь расщедрился и послал мне ответную реплику в темп.

— Как, ты не знаешь? — удивился я. — Путин подал в отставку. Я веду программу «Время»!

— Да ладно...

Лицо «государственника» сложилось в кривую улыбку. Он мне, конечно, не поверил, но не поверил — как бы сказать? — не до конца... Всякое бывает: Россия же!

Он смотрел мне вслед, пока я неспешным шагом шел в сторону студий прямого эфира.

...полный техногенных катастроф, я вожу по стране с 2000 года. Вот как только Путин ко власти пришел — сразу начались проблемы с ЖКХ в городах и весях страны, и как раз по случаю моего приезда...

В Апатитах в день концерта прорвало трубу. В Астрахани погас свет в зале. По техническим причинам отменяли вечера в Йошкар-Оле и в Питере — то внезапный ремонт, то срочная протечка...

Лучшая формулировка принадлежит, однако, столичному МГИМО: там сообщили, что я — слишком значительная фигура, и у них «нет для меня подходящей *аудитории* ».

Вот тонкость настоящая, дипломатическая, отборных кондиций! Это вам не протекший потолок Валентины Иоанновны из Петербурга... Меня послали на три буквы, а я еще три дня ходил, гордился.

«Аудитория» — какая дивная игра смыслов! То ли помещения у них нет подходящего, то ли слушателей...

На этом фоне

...я получил от старой знакомой письмо следующего чудесного содержания:

«Я купила твою книжку — и прилегла с тобой на диван с твердым намерением получить удовольствие. В этот момент во всем районе погас свет. Виктор, неужели до такой степени?»

Начало — половина дела

В древнем Дербенте некто основал городской Антикоррупционный комитет — и пошел его регистрировать.

Зарегистрировали, почему бы нет? Но взятку, разумеется, взяли. Порядок общий, товарищи!

— Митинг хочу провести, — поделился своими планами с московским журналистом местный бизнесмен.

Журналист поинтересовался лозунгом.

— «За цивилизованные формы коррупции!»

Журналист удивился.

— Магомедов должности продает! — пояснил местный.

Тут журналист как раз не удивился: Магомедов был президентом Дагестана, и что он продает должности, знали все; все же сами и продавали их дальше, по цепочке... Коррупция была воздухом, которым здесь дышали с рождения.

— Все продают, — осторожно напомнил журналист.

— Да, но он одну должность пять раз продает! — вскричал бизнесмен. — А потом начинают стрелять!

Естественный отбор выкашивал желающих прорваться к бюджету быстрее, чем отбивались деньги за должность. Получалось невыгодно даже для родственников покойных...

Тендер и растаможка

Слава Полунин живет под Парижем.

Тендер на честь считаться домом для русского гения Франция выиграла у Англии, где Полунин жил до этого.

Уже гражданином мира Полунин привез в Москву свой великий спектакль «Snow show». Родина встретила его в «Шереметьево» с таможенной декларацией в руках — и попросила заполнить. Не вообще, а отдельно на каждый предмет реквизита, с описанием назначения. На серебряный шар, на кривой стул, на сачок, на кровать, на надувную муху, на ветродуй, на кулису с месяцем, на зеленые ласты и красные носы...

Директор труппы несколько дней пытался выволить реквизит бесплатно, но это входило в противоречие с местными традициями. Приближался час московской премьеры — таможня это знала и никуда не торопилась...

Уже много лет Полунин приезжает на Родину со спектаклем «Snow show». Приезжает налегке: специально изготовленный дубликат реквизита, от мухи до луны, пожизненно прописан на подмосковном складе. Это оказалось дешевле, чем кормить родных таможенников...

А Франция продолжает выигрывать у Англии тендер на право быть домом для великого русского клоуна.

Возвращение на Родину

Вслед за прахом философа Ильина (перезахороненного в один день с генералом Деникиным на Донском кладбище) в Россию вернулась из Франции его библиотека и рукописи.

Бескорыстный дар наследников Ильина, знак окончательного примирения с Родиной, его изгнавшей, — библиотека благополучно добралась до Московской Северной таможни, на пост «Полежаевский».

Там — о, долгожданный момент встречи с Родиной! — наследие философа Ильина встретила начальница таможни.

Она приказала вскрыть ящики и оценить каждый документ по рыночной стоимости, чтобы по справедливости определить размер таможенной пошлины на каждый бескорыстно переданный знак примирения.

После перезахоронения Ильина и Деникина под звуки гимна СССР — стесняться было уже нечего...

Символ стабильности

К месту проведения оппозиционной конференции власти свезли три автобуса провокаторов из движения «Молодая гвардия». Типа протестовать от имени народа. Типа — хотим стабильности.

Свезти-то свезли, а за дресс-кодом не проследили... И девица с Че Геварой на майке истошно кричала у меня над ухом:

— Мы не допустим революции!

Они в ожидании

В эфире НТВ — на сцене, в типовом «металлическом прикиде», — дергаясь в дежурных конвульсиях, депутат Мосгордумы Ковалев пел Виктора Цоя.

— Перемен, — кричал видный член партии «Единая Россия», закатавшей страну под асфальт, — мы ждем перемен!

Имя твое неизвестно...

Фирма, которую возглавлял N., занималась строительством нефтеналивных терминалов. Однажды он пришел на переговоры в крупную нефтяную госкорпорацию, на самый что ни есть верх. Обсудили логистику, сроки и объемы, — а по деньгам, сказали бизнесмену, договоритесь вот с этим человеком. И дали визитку.

Речь, как выяснилось впоследствии, шла о пяти миллионах долларов «отката».

Вы спросите: ну и что? Типовой сюжет путинских «нулевых», не о чем и говорить... Да, но — визитка! Я держал ее в руках и видел своими глазами.

На визитке человека, от имени государственной корпорации решавшего вопросы ценой за миллиард, было написано одно слово: «Николай».

И номер телефона.

Ошибочка вышла

Девятого мая мой приятель Шевелев повел сынишку в народ. Они купили гвоздики и пошли по улицам; маленький Миша раздавал цветы ветеранам, ветераны умилялись, благодарили...

Но жизнь разнообразнее схемы, и пожилая женщина в гимнастерке разрыдалась на детском плече:

— Прости нас, деточка! Прости!

Ошеломленный мальчик и его не менее ошеломленный папа стояли посреди внезапно прервавшегося праздника.

Ситуацию прояснила дочь ветеранши, уже немолодая и тоже не слишком трезвая женщина.

— Мама, — сказала она, — ребенок не понимает. Скажи ему попросту: «Мы не за эту хуйню воевали!».

Следствие ведут знатоки

Однажды моя креативная дочь устроила одиночный пикет в защиту белорусских политзаключенных. Сама встала у посольства, а по бокам друзья-товарищи слепили двух снеговиков — и всунули им в руки транспарантик: «Батяка — отморозок».

В таком виде эту троицу (дочь Валентину и двух снеговиков с транспарантом) и застал подошедший милиционер.

И, рассмотрев композицию, спросил:

— Кто тут из вас главный?

Тонкая французская игра

С чего только не начинается смешная история! Например, так: однажды задержали мою дочь...

В декабре 2007 года хамка-судья Радионова прямо в зале Пресненского суда велела свинтить мою юную активистку вместе с ее товарищами (они пришли свидетельствовать в защиту другого незаконно задержанного).

Менты привычно отобрали у всех мобильные телефоны и заперли на ночь в «обезьяннике». В некотором ужасе я позвонил приятелю своих телевизионных времен Николаю Сванидзе, ныне члену Общественной палаты при, страшно сказать, президенте России.

И Сванидзе приехал в узилище...

Отсюда и начинается анекдот.

Появление члена Общественной палаты совершенно парализовало ночную жизнь московской ментовки. Менты начали вести себя так, как, по их представлениям, должны вести себя *милиционеры*. Это напоминало пьесу из французской жизни в исполнении крепостного театра графа Шереметьева.

Наконец в третьем часу ночи один из ментов спросил меня: «Что привело вас сюда в столь поздний час?».

Другая чудесная история из этого узилищного цикла начинается со слов «однажды арестовали Гарри Каспарова». Тоже очень смешно, правда?

В ноябре 2007-го Гарри получил от режима пять суток ареста. Это был счастливый случай — если не для Каспарова, то для Петровки, 38: не каждый день привозят гениев в эти унылые места.

Дождавшись отъезда злобного начальства, любознательный личный состав потянулся к арестованному. (Сыграть в шахматишки, — пользуясь, так сказать, безвыходным положением черных...)

А один сержант все приставал к Каспарову с разговорами про политику.

— Кимыч, — домогался он, — царем будешь?

Каспаров пытался перевести бойца в демократическую парадигму, но монархической логики не перешиб: раз против царя, значит, сам хочешь в цари! Потом политпросвет прервался: собеседник Каспарова вдруг замкнулся и затаил обиду.

Впрочем, таил он ее недолго.

— Ты мне соврал, Кимыч! Говорил, у тебя жена из Питера!

— Из Питера, — подтвердил Каспаров.

— А теперь говоришь: мать сына — из Одессы.

— Ну да, — подтвердил Каспаров, — жена из Питера, а мама этого мальчика — из Одессы...

И, расширяя вселенную в моногамной голове сотрудника МВД, неосторожно добавил:

— У меня еще в Америке дочка...

Сообщение об американской дочке добило сержанта.

— Ну, Кимыч! — выдохнул он. — Я думал, ты царь, а ты султан!

Кроссворд

— Можно вопрос задать? — обратился к задержанному сержант полиции.

— Задавайте, — разрешил задержанный.

— Тут у меня в кроссворде... Не знаете: шестой чемпион мира по шахматам, девять букв?

Задержанный знал правильный ответ, что неудивительно: у шестого чемпиона мира он учился играть в шахматы! А сам он был — тринадцатым чемпионом мира по шахматам...

Рассказывая мне эту историю, Гарри Каспаров веселился иронии матушки-истории: дело происходило 17 мая, в день рождения того самого Ботвинника.

Сашу Рыклина в очередной раз свинтили на демонстрации. После дежурных мытарств в ментовке, идя по Никитскому бульвару, он увидел коллегу Корсунского, бредущего из магазина с двумя огромными пакетами...

— Что это ты тащишь? — поинтересовался Рыклин.

— Едó, блять! — с раздражением ответил Корсунский. — Это тебя там кормят, а мне покупать приходится!

В сентябре 2006-го от Р. Х. я имел неосторожность поздравить человечество с Новым годом по еврейскому календарю. Так и написал в собственном интернет-журнале: «поздравляю ВСЕХ». Написал: из Ветхого завета выходит, что все люди в той или иной степени евреи...

Лучше других шутку оценил гражданин Елкин из Хабаровска: он написал заявление Генпрокурору с просьбой привлечь меня к уголовной ответственности, потому что своим поздравлением я «нарушил ст. 26 Конституции РФ, в которой записано право человека самому определять свою национальность».

А я его, значит, евреем обозвал!

Ну, меня и позвали в прокуратуру. Как говорится: здравствуйте, давно не виделись. Я пришел (четвертая ходка, между прочим). Следователь сказал: давайте, пишите пояснения.

Я спросил: с какого места? Он сказал: как можно подробнее.

Я написал: Авраам родил Исаака, Исаак родил Иакова...

Следователь ознакомился с обстоятельствами дела и попросил: не так подробно.

И я спрямил эту длинноватую родословную и выразил письменную надежду, что группа этих древних евреев не помешает гражданам РФ самим определять свою национальность, в соответствии со ст. 26 Конституции РФ...

Свой писательский труд в кабинете следователя Гагаринской межрайонной прокуратуры я завершил персональным уточнением: «Отдельно поясняю, что, говоря о том, что все люди в той или иной степени евреи, я не имел в виду заявителя Елкина».

Елкин — от обезьяны!

Потому что, согласитесь, тут всего два варианта...

Летом 2008-го года, в программе «Плавленный сырок» на радио «Эхо Москвы», в соавторстве с Джонатаном Свифтом, я назвал депутата Госдурарственной думы пяти созывов Абельцева Сергея Николаевича «животным йеху».

Депутат пяти созывов пошел навстречу самым смелым моим мечтам и решил доказать, что он не животное, — юридическим образом! Мне позвонила судья Васюченко и попросила подъехать в Пресненский суд, расписаться за повестку.

— Диктуйте адрес, — покорно сказал я.

— Записывайте, — сказала судья. — Зоологическая улица...

Наутро про Зоологическую улицу радостно сообщили десятки СМИ.

Абельцеву этого показалось мало. Изо дня в день он и его адвокаты вколачивали это словосочетание в голову общественности, — и достигли на этом поприще огромных успехов: «животное Абельцев» вошло в присказку.

Когда весной 2009-го злобнющий депутат снова взялся за свое, СМИ даже не потребовалось его фамилии, написали просто: «Опознан человек, кидавшийся яйцами в правозащитников — это был йеху».

Бедный депутат Абельцев — никто не предупредил его об опасности!

Английской королеве повезло больше.

Эту историю мне рассказал Роджер Лоу, автор английских «Кукол»...

Программа «Spitting image», выходявшая ежедневно почти два десятилетия напролет, не щадила никого. В одном из выпусков кукла, похожая на видного представителя королевской фамилии, лежала в кровати, а между кукольных ног, на радость почтенной публике, струилась связка жирных сосисок (представитель фамилии имел репутацию ловеласа).

Репутация репутацией, а сосисок Букингемский дворец стерпеть не смог. Королева вызвала королевского прокурора и сообщила ему о своем решении подать на программу в суд.

Прокурор ей отсоветовал. Он сказал:

— Ваше Величество! Они придут в суд с сосисками.

Королева подумала — и решила не возбуждаться. Умная женщина.

А депутат Абельцев — ну, вы в курсе... [\[1\]](#)

Слушайте Эхо...

Когда во время нашего разговора в трубке зашуршало уже в открытую, Юлия Латынина вдруг взорвалась криком:

— Что вы нас подслушиваете, идиоты? Слушайте «Эхо Москвы», — мы там то же самое говорим!

Повинную голову...

В 2008 году крупный судебный чин заметил главному редактору «Эха Москвы» Алексею Венедиктову: что-то у вас на радио стало много экстремизма...

Венедиктов немедленно посыпал голову пеплом: да, говорит, действительно! Вот только что спикер Миронов сказал, что Путин должен идти на третий срок подряд — это, конечно, экстремизм и нарушение Конституции, простите нас, ради бога!

Крупный чин заржал в голос.

Плановое хозяйство

За спиной следователя по особо важным делам Пресненской прокуратуры висела репродукция советского плаката «Даем выше плана!».

Типа шутка.

Знаем мы ваши шутки.

Чистосердечное признание

Путинская Фемида — тетка зрячая и по-своему честная.

Дело против авторов книги «ФСБ взрывает Россию» было возбуждено по статье «Разглашение государственной тайны».

А в лозунге «Долой самодержавие и престолонаследие!» эксперты обнаружили призыв к насильственному свержению государственной власти.

У Шварца про это было сказано: «Молчите, принцесса! Вы так невинны, что можете сказать страшные вещи...».

Мироточение по месту работы

Объявление в коридоре Генпрокуратуры: «В домовую церковь Генпрокуратуры доставлена мироточащая икона “Умягчение злых сердец”. Посещение с 18 до 19 часов».

Видит бог, слишком короткий срок посещения! Круглые сутки, в наручниках и под конвоем, надо водить к этой иконе тамошний личный состав...

Обеденный перерыв

25 января 2005 года, 13–30,

Москва, Каланчевская, 43

Рыжеусый пристав Иван Иванович, обеспечивавший порядок на первом процессе по делу Ходорковского — Лебедева, утверждал, что это мне так повезло. И действительно: едва я присел на лавочку в коридоре, так сразу и началось.

В здание суда вошел городской сумасшедший. Это был старичок, громкий и отчетливый, как массовик-затейник. Маленький, в бороде и с двумя здоровенными челночными сумками в руках.

— Он приватизировал мою отрасль и загнал страну в угол! — оповестил старичок многочисленную охрану Мещанского суда. Говорил он громко, как на берегу океана.

— Не бойся меня, сын, меня все террористы боятся! — Это в ответ на просьбу показать содержимое сумок.

Я понимаю террористов...

Потом гость приступил к изложению своих взглядов на экономику и социальное развитие России. Взгляды эти носили настолько патриотический характер, что сумасшедшего дедушку, пришедшего с мороза, выставить обратно на мороз никто из охранников не решился.

Я попробовал представить себе, как с такой же громкостью и яростью начнет митинговать в здании суда сторонник Ходорковского — и зажмурился, представив последствия.

— Прокурору глаза открыть! — кричал дед. — Он же купил адвокатов, они обведут вокруг пальца! Судят за какие-то налоги, а я главное расскажу! Он обокрал народ!

Старичок митинговал в коридорной кишке до конца перерыва, но перед самым заседанием утомился и присел на лавочку.

Из судейского кабинета по-свойски вышел помощник государственного обвинителя. Мрачный капитан спецназа и два лейтенанта, дежурящие перед дверью, ведущей в зал заседаний, по очереди отошли отлить.

Прошла, неся отрешенное лицо, судья Колесникова — та самая, к которой, как к себе домой, ходят в перерыве представители обвинения.

Близилось время очередного сеанса правосудия.

Тут отдохнувший дедушка встал и сделал заявление:

— Все у кого есть доллары, преступники! Они украли их у нас с вами...

Старичок поднял палец и закончил значительно:

— ...и у президента!

Тревога за материальное благосостояние президента подкосила дедушку окончательно, и, мягко напутствуемый охраной суда, он забрал свои челночные сумки и пошел в метель — искать прокуратуру, чтобы открыть глаза.

До окончания обострения президент может рассчитывать на помощь этого человека круглосуточно.

Юный лейтенант спецназа отложил томик М. Горького — «Детство. В людях. Мои университеты» — и встал. Во главе с мрачным капитаном все трое заняли свои места у дверей.

В зал суда быстро провели, пристегнутыми наручниками к конвою, двоих людей.

Прошел государственный обвинитель, прокурор-орденоносец Шохин — маленький,

бодрый, излучающий такую энергию, как будто в какое-то неведомое место ему вставлено пять «Энерджайзеров» одновременно.

Пристав Иван Иванович проверил документы у зрителей, сильно поредевших за месяцы этого шоу — и впустил их в зал заседаний.

Через пару минут свое место — под гербом, в паре метров от стыдливо свернувшегося флага Российской Федерации, — заняла тетка в мантии с лицом завуча по воспитательной работе и две ее подручные статистки.

Сумасшедший старичок мог не волноваться за приговор.

Однажды обвинение попросило суд

...приобщить к делу некое в тяжких трудах добытое следствием письмо подсудимого Платона Лебедева.

Судья спросил защиту: не возражает ли? Защита ознакомилась с письмом и заявило, что возражает.

Потому что писал это письмо — не Лебедев.

И подпись под письмом не его.

И фамилия другая.

Судья Колесникова немного удивилась, но все равно приобщила письмо к делу.

В дни вынесения приговора

...к суду свозили сторонников мещанского правосудия.

В старое доброе время так вывозили на овощебазу.

Молча, по команде человека с хорошей выправкой и в темных очках, они поднимали навстречу телекамерам федеральных телеканалов плакаты про Ходорковского, ограбившего народ.

Потом, по команде же, плакаты опускали и стояли дальше у стеночки со скучными лицами, меж собой не общаясь и на вопросы журналистов не отвечая.

Ровно в два часа пополудни эта группа тяжелых аутистов, отработав свое, вместе со своей гражданской позицией пошла на погрузку в автобусы.

Назавтра аутисты снова стояли вдоль стеночки на прежнем месте — и, не вынеся этого скорбного зрелища, я пошел их лечить.

Сначала аутисты на контакт не шли; только какая-то бабушка, подпиравшая древко транспаранта, в ответ на просьбу рассказать о своей гражданской позиции поподробнее, сказала: «Мне дали, я и держу». Потом они помаленьку втянулись в общение, и уже другая тетенька поделилась своей бедой: «У меня, — сказала, — воды горячей нет. Что мне дома-то делать? Вот пришла сюда».

И умолкла, печальная.

Зато разговорился крепкий дядька по соседству — и в патриотическом раже быстро договорился до того, что «брал Бранденбургские ворота».

Озадаченный этим феноменом, мой друг Иртеньев попросил дядьку показать паспорт, потому что на двадцатые годы рождения тот явно не тянул, и если брал Бранденбургские ворота, то только в процессе профсоюзного шоп-тура в семидесятых.

Вместо паспорта дядька пригрозил милицией — и снова впал в аутизм.

Таких «ветеранов» там было навалом: неподалеку, под транспарантом «Мы воевали не для того, чтобы нас грабили!» стояла группа теток бальзаковского возраста.

Некоторые лица в этом боевом строю показались мне знакомыми, и мне не почудилось: наутро выяснилось, что их набирали в массовке киностудии «Мосфильм» — по двойной ставке...

Уважительная причина

Причину внезапного переноса оглашения второго приговора Ходорковскому (декабрь 2010 года) с исчерпывающим лаконизмом сформулировал Сергей Пархоменко:
— Суд ссыт.

Диалог двух москвичек

...о Ходорковском:

— Он очень умный!

— Если бы он был умный, он бы жил не здесь!

– *(Подумав.)* Так он и живет не здесь...

В 2009 году Людмила Улицкая и Михаил Ходорковский получили премию журнала «Знамя» — за диалог, опубликованный в одном из номеров.

Редактор на канале «Культура», что твой роден, удалил лишнее, и ведущий новостей лаконично сообщил: премию в номинации «Диалог» получила Улицкая!

Бедная Людмила Евгеньевна, ведет диалоги сама с собой...

Хуже царя

На дворе стояло подловатое медведевское времечко... Я донимал своим любопытством мента, сторожившего выезд на пустой Тверской бульвар:

— Царя повезли?

Других версий у меня не было: у каждой подворотни стояло по такому же менту, и центр города внезапно вымер посреди часа «пик»...

— Царя повезли?

— Хуже, — ответил мент.

Что может быть хуже царя?

— Главного боярина? — уточнил я.

— Его.

Шизофрения

Над стойкой в забегаловке на Никольской улице, в трехстах метрах от Кремля, глаза радовали одновременно:

- российский триколор;
- портрет премьер-министра Путина с надписью «Наш президент»;
- портрет генералиссимуса Сталина под серпом и молотом, в усах, при полном параде;
- реклама кока-колы;
- имперский черно-желтый флаг.

Доктора Бильжо сюда, срочно! Психиатра!

В Омске к приезду президента Медведева с улиц срочно сняли рекламу детского спектакля «Ждем тебя, веселый гном!».

Маленькая провинциальная телекомпания в полном составе ушла в отпуск первого января. Забили в компьютер «нон-стоп» программу на праздничную декаду: развлекаловку, старые концерты, «Кавказскую пленницу» со всем остальным Гайдаем... — и отчалили в теплые края.

Вернулись, глянули в рейтинги, — а рейтинги-то зашкаливают! Небывалая вещь! Весь город, как подорванный, смотрел их канал!

Оказалось: компьютер дал сбой, и все это время президент Медведев, как заводной, поздравлял горожан с Новым годом... Какая там «Кавказская пленница»! Городок подыхал со смеху десять дней.

Чудо

Жена принесла из магазина: не могла, говорит, тебя не порадовать.

Стеклянная банка, а на ней написано: «ПУТИН. Чудо капустное». И маленькими буквами внизу — пояснение: «с грибами».

Закусон!

«ПУТИН» — это, как вы понимаете, название фирмы. Буква «Т» в виде меча. Позади — герб с двуглавой птицей.

Вообще, осторожнее надо, с грибами...

«Прачечная?»

Путинский министр культуры г-н Мединский, пораженный стойкостью российского народа, погрузился в метафорические бездны и вынырнул оттуда с благой вестью.

Он сообщил, что у россиян имеется лишняя хромосома, которая и позволила нам не исчезнуть, как каким-нибудь скифам и сарматам, а выжить, что бы с нами ни делали!

Попросту говоря, Мединский назвал россиян даунами.

Очень терпеливыми даунами.

Немного обидно, конечно, но что тут возразишь, при таком министре культуры...

Шапка на первой полосе «Вечерней Москвы»: ВЫБИРАЮ СВОБОДУ!

И артист Максим Галкин — анфас, чисто Христос на иконе.

Ну, думаю, дало себя знать интеллигентное происхождение — Галича вспомнил человек! Гражданская позиция прорезалась! Небось, думаю, сказал «Вечерке» все, что думает про питерских чекистов, — а «Вечерка», не будь дура, вынесла эту сенсацию на первую полосу.

И стал я рыскать глазами по полосе, в остром желании поскорее узнать подробности этого нравственного взлета. И нашел: «Максим Галкин: свадьбу и венчание с Аллой Борисовной мы не планируем».

Вау.

Всемирный заговор

Уникальный номер журнала «Эсквайр» увидел свет в январе 2008-го: ни одной статьи, а только по портрету на каждой полосе. Две сотни человек, и у каждого в руках — плакат с афоризмом.

Кто пограмотнее, выбрал себе афоризм сам — для остальных редакция предоставила, на выбор, две сотни «нетленок»: от Платона до Вуди Аллена.

Толстой, Монтескье, Чехов, Черчилль, Джефферсон — свободная мысль на любой вкус, гуляй не хочу! «Заблуждение не перестает быть заблуждением оттого, что его разделяет большинство». «Власть не портит человека. Человека портит страх потерять власть»...

В общем, оттянулась дорогая редакция!

В череде прочих знаменитостей «Эсквайр» предложил участие в проекте актеру Дюжеву, «звезде» новых российских сериалов. Тот изучил предложенный ему ассортимент и отказался категорически, заявив:

— Ваш журнал против Путина!

Если бы артиста Дюжева не было, его следовало бы выдумать ради этой формулировки, — ибо в простоте он сказал чистую правду.

Да, да, да! Платон, Толстой, Чехов, Джефферсон, Линкольн, Салтыков-Щедрин, Черчилль, Монтескье — и все против Путина!

Похожий случай

...произошел три года спустя.

Газета «Московские новости» затеяла рекламную компанию на цитатах из классики, но уже через пару дней московское правительство без лишних слов принялось демонтировать все щиты и перетяжки...

Правительство можно понять.

Это ж катастрофа! — среди бела дня, посреди Москвы, огромными буквами, поперек улиц: «Честность неотделима от свободы, как коррупция от деспотизма», «Россия — страна фасадов», «Услужливый дурак опаснее врага»...

А то вообще убийственное: «Русская история до Петра Великого — одна панихида, а после Петра Великого — одно уголовное дело»... Ужас!

Анатолий Франс, граф де Кюстин, дедушка Крылов, Федор Тютчев — ну все против Путина, все!

«Лев пестрых невзлюбил овец...»

Шапка на воровской голове горела регулярно, и дедушка Крылов не вылезал из оппозиционеров.

В конце нулевых на юбилейном вечере телеканала «Культура» Михаил Козаков прочел басню «Пестрые овцы» — про Льва, который, будучи связан проблемами имиджа, не решался лично задрать отвратительных ему овец, но — «приказал овец волкам пасти»...

Хохот аудитории сдетонировал в руководящих мозгах, и басню вырезали из трансляции. Так аллюзия стала явкой с повинной.

До «Речного» меня вез милейший узбек на «жигуле».

В Москве он, по его словам, жил уже год. Первые полгода было плохо, потому что не было машины. Теперь машина есть — и теперь хорошо.

— Ты кто по профессии? — спросил он спустя какое-то время.

— Журналист.

— Журнали-ист... — с уважением протянул узбек. — А знаешь, что сын Лужкова отравился арбузом?

Я не знал.

— Какой же ты журналист... — Он подозрительно покосился на меня и предположил: — Ты не русский вроде.

Я подтвердил его подозрения.

— А кто? — поинтересовался он.

— Еврей, — признался я.

— Лев Толстой был еврей, — сообщил узбек. Кажется, он пытался меня успокоить.

Насчет Толстого я поверил не сразу, но узбек отмел все сомнения: еврей-еврей! И поскольку я уже второй раз оказался не в курсе, посоветовал:

— Тебе книги надо читать.

С минуту после этого мы ехали, думая каждый о своем.

Я думал о том, что надо, действительно, подтянуть образовательный уровень, а то тут, в борьбе с режимом, важные новости пропускаю. Узбек же, оттолкнувшись от Льва Толстого, вынырнул мыслями в самом неожиданном месте.

— Книгу хочу написать, — сказал он. — Книгу где издают? На Поварской Дом писателей есть — там?

— Не там.

— А где?

— В издательстве.

— А где издательство?

— А вот, например...

Мы как раз проезжали мимо одного издательства, где со мной однажды обошлись не слишком хорошо. Но отомстить издательству не удалось.

— К Путину пойду, — сообщил мне узбек о будущем книгопечатания в России.

— Зачем?

— Путин должен дать добро!

Узбек был мало похож на носителя государственных тайн, но я все-таки уточнил:

— А о чем книжка?

— О моей жизни, — просто ответил узбек. — Шесть-семь книг будет.

Владимир Владимирович! На днях к вам зайдет узбек с рукописью. Ждите.

Чего он хочет?

Дело было в 2004 году.

Виктор Петрович, левачивший на своем «мерседесе» восьмидесятых годов сборки, узнал меня по голосу, на светофоре разглядел — и завел разговор о политике. Через некоторое время он вслух рассуждал о неисповедимых путях собственного волеизъявления.

Сначала, сказал он, я думал вообще на выборы не ходить. Ну их всех. А потом че-то посмотрел, посмотрел — и решил пойти.

— И за кого проголосовали? — бестактно поинтересовался я.

Виктор Петрович пожал плечами:

— За Путина. За кого ж еще?

Я не стал помогать с ответом, и Виктор Петрович самостоятельно провел анализ претендентов на второе место. Анализ начался у «Тургеневской», а к Сретенке уже закончился, причем ехали мы быстро.

— Ага, — сказал я. — А Путин?..

Ответ на этот вопрос тоже был готов.

— Во-первых, не пьет, — уверенно сообщил Виктор Петрович. — Во-вторых: я помню, включаю телевизор, а он по-немецки говорит. Значит, голова-то на плечах.

Возразить было нечего.

— Вот только я не понимаю, — продолжил Виктор Петрович, — чего он вообще хочет?

— То есть? — не понял я.

— Ну чего хочет? Вообще.

— Вы у меня спрашиваете? — уточнил я.

— Ну.

— А почему у меня?

— Ну вы же там, наверное, знаете...

(Леонид Якубович рассказывал: однажды ему пришло письмо от телезрителя — с просьбой передать Жану-Клоду Ван Дамму. Телезритель, должно быть, полагал, что все, кто появляется в телевизоре, там же внутри и живут — и между собой дружат. По этой логике я и должен был знать, чего хочет Путин...)

— Виктор Петрович, — сказал я, — он ведь уже четыре года тут президентом. Теперь вы мне его еще на четыре года выбрали. И у меня же спрашиваете, чего он хочет.

Подумав немного, Виктор Петрович сказал:

— Ну.

— Я не знаю, — почти не соврал я.

Вскоре, расплатившись с учетом инфляции и бережно попрощавшись с положительным Виктором Петровичем, я навсегда покинул «мерседес» восьмидесятых годов сборки.

Некоторое еще время я думал о самом Викторе Петровиче (год сборки его головы оцениваю как начало пятидесятых). Потом мои мысли перескочили на Путина. И ведь правда: не пьет и по-немецки говорит, как тот чуковский Крокодил Крокодилович... И ведь чего-то, наверное, хочет...

Ну ладно, подумал я тогда; у нас есть еще минимум четыре года. Может, расколется?

По просьбе публики

Афиша аттракциона, обнаруженная мною в Нижнем Новгороде через несколько дней после избрания Путина на второй срок, гласила: «Камера пыток продлена по просьбе публики».

Прошло еще несколько лет.

...Лужайка у пруда в парке Сокольники — утреннее место встречи «собачников».

Сходу получаю просьбу о политпросвете:

— Что будет-то в двенадцатом году? Вы же знаете.

— Понятия не имею, — говорю. — А вы как думаете?

Тяжелое раздумье на мужском лице, просится резец Родена...

Наконец:

— У него же дочери...

Я не уловил ход мысли:

— Ну. Дочери. И что?

— Они же наследовать ему не могут!

Двоечник ты, дядя (привет тебе от Елизаветы Петровны), — но каково направление мысли!

Начало третьего тысячелетия, парк Сокольники... Где-то тут охотился царь Иван Васильевич, тоже имевший проблемы с престолонаследием...

А вы говорите: Сколково.

День выборов

На избирательном участке напротив моего дома с утра трудилась группа ряженных «а ля рюс» с баяном: этот унылый Москонцерт заманивал прохожих на исполнение гражданского долга.

Когда мимо шел я, мне от имени Российской Федерации спели песню «Виновата ли я, что люблю?».

Еле сдержался, чтобы не ответить.

Я шел восвояси, а мне в спину неслось: «...виновата ли я, что мой голос дрожал, когда пела я песню ему?».

Виновата, матушка, виновата! Соображать надо, кому отдавать свой дрожащий голос.

Скажем «нет» демпингу!

Приятелю позвонили и предложили заработок: взять открепительный талон — и в день выборов, в хорошей компании пофигистов, прокатиться на автобусе до Твери. И там, в Твери, за девятьсот рублей на рыло, пару-тройку раз проголосовать за «Единую Россию».

Приятель сам ехать побрезговал — решил подкормить одного своего знакомого старичка. Старичок сначала страшно возбудился, но потом оказалось, что он ослышался: решил, что за поездку ему заплатят не девять сотен, а девять тысяч...

Разобравшись со сметой, дедушка сказал печально и патриотично:

— За девятьсот рублей я Родину продавать отказываюсь!

Завидная выдержка

Весной 2010 года я увидел удивительную рекламу отечественной водки. На щите было написано: «Десять лет выдержки».

О, да...

Реклама «Райффайзен-банка»: «Вы уже там, где другие будут только завтра»...
Что, уже там?

Тьма египетская

Реклама турагентства в день выборов смотрелась довольно нравоучительно: «ЕГИПЕТ. Я ЭТО ЗАСЛУЖИЛА».

Еще как заслужила.

До полного обрушения (египетского, покамест) оставался год.

Почувствуйте разницу

Великий афорист Виктор Черномырдин гениально сформулировал разницу между эпохами Ельцина и Путина.

— В наше время тоже было много разной хуйни, но ведь была и надежда. А сейчас — какая-то безнадежная хуйня!

Попытка предохраниться

Как всякое внезапное освобождение духа, бурная митинговая зима 2012 года сдетонировала прекрасным весельем.

Над многотысячным митингом в Петербурге реял транспарант, адресованный самозванцам из «Единой России»: «Вы нас даже не представляете!».

А в Москве на проспекте Сахарова милая девушка держала в руках плакатик, обращенный лично к Путину: «Мы знаем, что вы хотите в третий раз, но у нас голова болит».

Когда я в шутку упомянул про «деньги Госдепа», полагающиеся (по версии Кремля) участникам протестных митингов, видный дипломат из посольства США печально, но твердо ответил:

— Простите, Виктор. Вас там слишком много, а у нас кризис.

Чего захотела

Осенью 2012 сошедшая с ума Государственная дума Российской Федерации приняла новые ужесточения в закон «Об измене Родине».

Вадим Жук, узнавши об этом, всплеснул руками и протяжно крикнул этой самой Родине:
— Изме-ена!.. Да ты на себя посмотри! Кто к тебе вообще подойдет?

Условный рефлекс

На так называемых «выборах» 2012 года Филипп Дзядко работал наблюдателем.

Вот его рассказ (почти дословно).

Около пяти часов утра на участке № 83 начали считать голоса. Путин-Прохоров-Прохоров-Путин-Зюганов-Прохоров-Путин-Путин-Путин-Прохоров-Зюганов-Прохоров-Путин-Миронов-Путин-Прохоров...

И всякий раз, когда произносилось слово «Путин», наблюдатель Кирилл Михайлов, возвышаясь над столом подсчета, приговаривал с оттягом: «с-сука».

И обводил собравшихся внимательным взглядом.

Это производило магнетический эффект.

Когда Кирилл, как боевая лошадь, внезапно вздремнул стоя, а слово «путин» уже было произнесено, все как-то растерянно посмотрели в его сторону.

«Сука», сказал Кирилл, и все вошло в привычную колею...

Что в имени тебе моем?

В Перу есть вулкан Ниаунапутина.

Все ждем, не найдется ли чего-нибудь с таким дивным названием — поближе...

Достал

На углу, прислонившись к водосточной трубе, стоял пьяненький. Когда я проходил мимо, он сказал, глубоко пораженный:

— Специально телевизор выбросил, чтобы тебя не видеть, а ты тут идешь!

Из жизни шендеровичей

«Телезвездой» меня сделала Генеральная прокуратура.

14 июня 1995 года, на следующий день после возбуждения уголовного дела против программы «Куклы», я проснулся знаменитым. Начиная с 15-го я стал давать по несколько интервью в день, и некоторое время мне это нравилось (сил было много).

Потом силы стали иссякать. Потом во рту кончилась слюна.

Потом я обнаружил, что мои слова и то, что потом появляется в прессе от моего имени — это две большие разницы, и начал вычитывать интервью и в полном остервенении их переписывать. Потом понял, что уже полгода, как последний идиот, беру интервью у самого себя.

Наконец я плюнул на это дело — и виртуальный «Шендерович», окончательно оторвавшись от хозяина, зажил своей собственной жизнью.

Этот «Шендерович» разводился с женой и женился на певице, покупал квартиру в Нью-Йорке, уезжал в Израиль, оформлял ПМЖ в Германии и владел престижным московским клубом.... Он говорил какие-то немыслимые пошлости в интервью, которых я вообще не давал.

Однажды этот «Шендерович» был госпитализирован с сердечным приступом. Добрые люди сообщили об этом по телефону моей маме — по счастью, как раз в тот момент, когда у мамы был я сам.

Однажды я даже умер — и два дня потом отвечал на панические вскрики друзей со всего мира, прочитавших некролог.

Если бы я принимал слишком близко к сердцу все, что читаю про себя, я бы давно умер по-настоящему.

Впрочем, случались и приятные неожиданности. Так, из редакционной статьи в «Московском комсомольце» я однажды узнал, что Гусинский платит мне \$35 000 в месяц за дискредитацию Путина. Я, разумеется, немедленно позвонил олигарху и попросил его привести в соответствие платежную ведомость...

Олигарх весело послал меня на все буквы родного алфавита.

А в одно прекрасное утро, заглянув в интернет, я обнаружил висящий на пол-экрана анонс: «Шендерович обвиняется в убийстве испанки». Покрывшись холодным потом, я щелкнул «мышью». Через несколько секунд выяснилось, что речь идет об испанском хирурге Херардо Шендеровиче, у которого на столе во время операции умерла пациентка.

Ну слава богу... То есть... ну, вы поняли.

Дело было в Петербурге, в гостинице «Октябрьская», осенью 1995-го. Некоторое количество газет и радиостанций попросили об интервью, и я решил выболтаться с утра пораньше.

Нарезав утро на получасовые кусочки, ровно в половине одиннадцатого я встретил у лифта первую журналистку. Мы прошли ко мне в номер. Коридорная, сидевшая у лифта, проводила нас выразительным взглядом, — а впрочем, не могу сказать, что мы ее сильно удивили...

У коридорной все было впереди.

Через полчаса мы с девушкой вышли из номера. Девушка села в лифт, а из лифта вышла другая — и мы пошли ко мне в номер! Коридорная часто задышала. Когда мы проходили мимо, смесь презрения и брезгливости уже кипела на маленьком огне и переплескивала через край, постукивая крышкой.

Еще через полчаса я проводил к лифту вторую девушку — и вернулся в номер с юношей. Еще через полчаса на смену юноше в мой номер заходила дама бальзаковского возраста, причем с ней был фотограф...

Все эволюции несчастной коридорной описывать не берусь, но к пятой перемене блюд брезгливость и презрение на ее лице сменились наконец вполне объяснимым восхищением.

С тех пор в гостинице «Октябрьская» коридорные меня уважают.

Единица мужской красоты

Оставалось полчаса до моего первого прямого телеэфира — в программе «Час пик». Я волновался, а немолодая гримерша все что-то рисовала у меня на лице. Наконец я не выдержал: давайте, говорю, уже запудрим, что есть, да и в кадр?

— Погоди, — что-то прорисовывая возле моего глаза, ответила пожилая останкинская гримерша, — сейчас ты у меня будешь красивый, как Саддам Хусейн!

Тель-Авив, пляж. Вижу: узнал меня старенький старичок. Прошел мимо, конспиративно кося глазом, постоял сбоку, рассмотрел, прошел в обратную сторону, исчез.

Вернулся с группой бабушек.

Все вместе они рассмотрели меня еще внимательнее, а потом случился дивный еврейский диалог из четырех букв.

— Ну? — торжествующе спросил старичок.

И одна бабушка огласила общий вердикт:

— Он!

Гуляю как-то со своим лабрадором. Рядом на дорожке — немолодая дама с собачкой...
— А вы, — говорит, — похожи на Шендеровича.
— Знаю.
— Просто одно лицо!
— Да-да, — говорю. — И отпечатки пальцев его.
Дама вдруг мрачнеет и — надменно так:
— Много о себе понимаете!

Обстоятельства узнавания

...бывают разные.

На Триумфальной площади во время митинга меня узнал сержант из милицейского оцепления. Они выдавливали нас с площади, норовя размазать о зал имени Чайковского. И вот, как раз в процессе размазывания, сержант вдруг радостно объявил:

— Ой, я вас знаю!

И без отрыва от производства, попросил:

— Дайте автограф для моего отца. Он такой ваш поклонник!

Я чуть не процитировал ему подражание Владимиру Вишневскому: «Скажи отцу, чтоб впредь предохранялся...».

Встреча со славой

Сочи, фестиваль «Кинотавр». В баре меня узнает девушка (в данном случае это — профессия). Смотрит на меня и мучается: где-то видела, но где? Наконец:

— Мы с вами знакомы?

Я говорю: еще нет.

— А вы в прошлом году тут были?

— Нет, — говорю.

— А в Дагомысе?

Она начала перебирать места работы, но я не признавался.

— Ну где я вас видела? — спросила девушка, уже с некоторой обидой в голосе.

Я мысленно расправил плечи и намекнул, предвкушая сладость узнавания:

— Ну-у... может быть, в телевизоре...

Лицо девушки просветлело, и она в восторге выдохнула:

— Глоба!

...меня путают регулярно. Однажды чуть не осчастливили по ошибке.

— Павел, — говорила девушка, прислонясь ко мне под воздействием правильно вставших звезд и изрядной дозы красного полусладкого, — я смотрела гороскоп, мы так подходим друг другу...

Глобе наше сходство обходится дороже: со мной-то норовят поговорить девушки, и про звезды, а с ним — мужчины, и про Путина!

Несчастный звездочет — не худший вариант двойника. А то — подходит ко мне на улице человек, берет за руку, трясет ее, трясет, а потом говорит:

— Леонтьев! Молодец!

Чур меня...

Но этот хоть обознался. А другой (который не обознался) схватил за рукав и сообщил:

— Виктор! Вы — совесть России. Совесть России!

Подумал и уточнил:

— Вы — и Хинштейн.

Человек у ленты выдачи багажа был пьян и интеллигентен, отчего излагал свои мысли вполне складно и даже литературно, но вслух и очень громко.

— Вот стоит мужик, похожий на Шендеровича, — сообщал он на все «Домодедово». И заглядывал мне в лицо. — Не, ну одно лицо... Делает же природа!

Затем он сказал поразительное.

— Сколько бабок можно сделать на таком сходстве!

И я понял, что у меня все впереди.

Тема сходства не покинула человека у ленты выдачи багажа, и он договорился до репризы.

— Вот едет сумка, похожая на мою. А свою я уже взял. Как быть?

Мои перспективы

«Сколько бабок можно сделать на таком сходстве» (см. выше) — я уже примерно знаю.

С такой прояснилось при следующих обстоятельствах.

В самолете Москва — Ташкент со мной захотел пообщаться молодой подвыпивший узбек. В ответ на первый отказ он просто сел в проходе, взял меня за руку и начал общаться явочным порядком.

Бог послал мне в тот день немножко терпения — и я попытался объяснить молодому среднему азиату, что хочу побыть в одиночестве. Он понял это как начало торговли и предложил восемьсот долларов.

Не иначе наркокурьер, потому что восемьсот долларов в тех краях, куда мы летели, — это годовой заработок средней семьи. В тот день я понял, чем буду зарабатывать на хлеб, уйдя с телевидения.

Жадность фраера сгубила

Моим концертным администратором в девяностые годы был Юлий Захарович Малакянц. Стал он им при следующих обстоятельствах. На какой-то вечеринке я встретил Константина Райкина, обожаемого учителя моей юности. Рядом стоял Малакянц (он тогда работал в «Сатириконе»). Райкин представил нас друг другу.

— А кто ваш администратор? — спросил Малакянц.

— У меня нет администратора, — сказал я.

— У вас есть администратор, — сказал Малакянц.

За время нашей совместной работы я успел проникнуться к себе огромным уважением.

— Нет, — говорил в трубку Юлий Захарович, — Виктор Анатольевич не может ездить на «школе»! Минимум «фольксваген»... Нет, Виктор Анатольевич не будет жить в этой гостинице. Минимум полулюкс.

Два года напролет, слушая эти речи, я озирался, ища глазами надменного Виктора Анатольевича, который не может ездить на «школе» и жить в обычном номере. Гордый, должно быть, человек этот Виктор Анатольевич!

Сам-то я, путешествующий по отчизне со времен глухого «совка», был рад, когда туалет обнаруживался в номере, а не на этаже.

Однажды после концерта Юлий Захарович зашел ко мне в гримерную и предложил увеличить цены на билеты: собираем полные залы — грех упускать момент. Я легко согласился. Больше — не меньше. Заработаем!

Через месяц, идя на концерт, я по привычке заглянул на автостоянку перед театром и похолодел: вместо привычных «жигулей» и подержанных иномарок громоздились джипы и прочая крутизна.

Очень скоро выяснилось, что похолодел я не зря.

Лучшие места в партере (тот островок, с которым, собственно, и общается стоящий на сцене) были почти полностью заняты «новорусской» публикой из тех джипов. Они сидели там с девками и охраной.

Похолодев окончательно, я узнал в лицо криминального «авторитета», вошедшего в историю пореформенной России тем, что, ненадолго покидая Америку, бросил в Тихий океан свой «Роллекс» за двадцать пять тысяч баксов.

Как монетку — типа чтобы вернуться.

Он вернулся в Штаты, и его там арестовали.

На родину «авторитет» возвращался через VIP-зал «Шереметьево»; его встречали многочисленные отцы церкви, депутаты и деятели культуры — как умученного от врагов России.

С тех пор он меценатствовал и посещал культурные мероприятия.

Сказать, что публика в тот день не смеялась, было бы неправдой, но лучше бы она молчала. Братки смеялись, как смеются шестиклассники во время коллективного посещения ТЮЗа — невпопад и о чем-то своем. Время от времени они начинали что-то громко обсуждать. Пару раз кто-то бурно заплодировал посередине сюжета. Уж и не знаю, что ему почудилось.

Это было диалог иностранца с пьяным глухонемым. Постоянно сбиваемый с ритма, выброшенный из колеи, я еле достоял на сцене и уполз за кулисы совершенно истощенный.

Денег я в тот вечер заработал — вдвое.

Как раз хватило бы на небольшое надгробие.

Мы вернули цены на место, и в партер вернулись мои зрители.

За пару дней до моего концерта в Ростове-на-Дону туда приехал генерал Макашов и представил ростовчанам полную версию своего коронного шоу «Бей жидов, спасай Россию!».

Юлий Захарович Малакянц, жидом не будучи, но имея в виду меня, немедленно внес в качестве дополнительного условия охрану для артиста. Приглашающая сторона сказала: не волнуйтесь.

И вот прямо на летном поле нас встречает джип, и стоят возле того джипа три тяжеловеса с характерными ушами-пельменями — признак, по которому борца-вольника легко отличить от обычного головореза. А по летному полю от джипов идет мне навстречу небольшого роста и южного вида человек, и как-то он так идет, что сразу становится понятно: если солнце в Ростове восходит без его отмашки, то это — временное упущение.

Подойдя и представившись, Виталий (назовем его так) первым делом укрепил впечатление от собственной походки:

— Виктор, — сказал он без лишних подробностей, — «Макашов-шмакашов»... Здесь, в Ростове, главный я. Ничего не бойтесь!

Я, собственно, и не боялся. После того как в начале восьмидесятых мне удалось уйти живым от старшего сержанта Чуева, ни одно мурло так и не смогло произвести во мне настоящего трепета. А уж генерал Макашов с его ряжеными казаками давно шел по разряду чистой буффонады.

Но спорить с Малакянцем было бесполезно — он делал свою работу, и теперь свою работу начали делать борцы-вольники. Мы расселись по джипам, причем Виталий лично сел за руль, что было правильно понято мною как большая честь.

В гостиницу мы входили так: один вольник открыл первую дверь, другой — вторую, Виталий прошел насквозь и сделал короткий приглашающий жест; в отель вошел я, за мной — Малакянц; сзади всех нас прикрывал третий тяжеловес. Я к этому времени чувствовал себя президентом Кеннеди в Далласе и был весь мокрый от такой опеки. У лифта я попытался оторваться от эскорта, но не тут-то было: один из тяжеловесов поднялся вместе со мной.

Человек с ушами-пельменями вынул ключ из моей руки, вошел в номер, коротко осмотрел его, заглянул в туалет и под кровать, сам себе буркнул слово «чисто» и вышел.

— Спасибо, — сказал я в широкую спину.

Человек не ответил.

Я запер дверь и выдохнул с облегчением.

Через час я вышел из номера и похолодел: человек с ушами-пельменями так и стоял у моей двери. Тут я не выдержал. Я пал ему в ноги, умоляя оставить меня без конвоя. Я заверил, что даром никому не нужен. Пообещал, что до самого концерта никуда из номера не выйду — что сейчас же, на его глазах, запрусь на два оборота и больше никому не открою. Что, на крайний случай, в соседнем со мной номере живет администратор с хорошей мускулатурой, очень похожий на Берию...

Человек с ушами-пельменями выслушал все это, пожал плечами шириной с дверной проем и сказал безо всякого выражения:

— Вы не беспокойтесь. Мне Виталий сказал вас охранять — я охраняю...

В его словах послышалось некоторое многоточие, и вдруг я разом увидел ситуацию в новом свете. Человек-шкаф был на работе. Виталий сказал ему меня охранять, и он меня охранял. Если бы Виталий сказал ему меня убить, он бы меня убил.

Ничего личного.

У меня отлегло от сердца.

Но все равно: когда, как кусок колбасы в сэндвиче, я ходил по Ростову в окружении двух человеко-шкафов, мне было очень худо, конечно.

Апрель 2001-го, концерт в Казани.

У выхода на трап я оказываюсь первым. Дверь открывается, и я остолбеневаю: прямо на летном поле стоит джип, вокруг люди с цветами, а у самого трапа — три девушки в национальных татарских платьях, с чем-то типа хлеба-соли на руках.

Предчувствие публичного позора накрывает с головой. Микроавтобус с надписью VIP с летного поля меня возил, с джипом и охраной меня однажды встречали, но хлеб-соль!..

Я понимаю, что скандал вокруг НТВ поднял мое имя на нездешнюю высоту — и, набравши в грудь побольше воздуха, ступаю на трап.

Краем глаза вижу размазанные по иллюминаторам лица зрителей. Стыдно — ужасно! Иду, глядя под ноги, чтобы как можно позже встретиться глазами со встречающими; судорожно пытаюсь сообразить, что делать с этим хлебом, с этой солью, с этими девушками... Что во что макать?

Так ничего и не сообразив, на последней ступеньке трапа надеваю на лицо радостную улыбку — вот он я, ваш любимый! — и шагаю навстречу всенародной любви.

Девушки в национальных костюмах без единого слова устремляются мне за спину. Я оборачиваюсь. Толпа встречающих суетится вокруг миловидной женщины средних лет, сошедшей по трапу следом. Хлеб-соль, цветы, джип — весь этот публичный позор предназначается ей.

По моим устаревшим понятиям, так в России можно встречать только двух женщин: Аллу Пугачеву и Валентину Матвиенко. Но тут явно какой-то третий случай, и это размывает мои представления о реальности.

Своими ногами бреду с летного поля, и двое суток живу в Казани в тяжелом недоумении. А через два дня на обратном пути в кресло рядом со мной садится — она! И я понимаю, что Господь дал мне шанс восполнить картину мира.

— Простите мое любопытство, — говорю, — но... кто вы?

Женщина виновато улыбнулась и протянула визитную карточку — и картина мира встала на место, сияя новыми красками. Какая там Пугачева, какая Матвиенко?

Генерал налоговой службы, федеральная инспекция!

Еду на работу, опаздываю, ловлю машину:

— Останкино!

— Сколько?

— А сколько надо? — интересуюсь.

— Ну вообще тут полтинник, — говорит водитель, — но вам...

Он широко улыбается, и я понимаю, что поеду на халяву.

— Давайте восемьдесят? — говорит водитель. — Вы же «звезда».

Кривая расценки

Частники, стерегущие дурачков на Ленинградском вокзале, чтобы за пятьсот рублей перевезти их на Казанский, давно поняли, что никакой пользы от меня им не будет.

Мои бюджетные расценки они знают наизусть и своего презрения по этому поводу не скрывают.

Однажды я услышал брошенное в спину презрительное:

— «Оплот демократии»! До Сокольников — за двести рублей!

Вот он, классовый подход: раз либерал — должен кидаться деньгами... Эх, был бы я оплотом тоталитаризма — дал бы ему в рыло и реквизировал автомобиль!

Переработался

Фестиваль в российской глубинке, на природе.

После концерта меня, честно заработавшего свой кусок мяса, кормят в столовой организаторы фестиваля. А за соседним столиком ужинает кампания моих давешних зрителей. Между супом и горячим происходит небольшая фотосессия. Жму руки юношам, обнимаю за талии девушек, улыбаюсь в объектив...

Только принесли мясо, я уже и вилку занес, — подходит к столу еще одна пара.

Ну, надо так надо.

Я приобнял девушку и улыбнулся ее молодому человеку, ожидая, когда вылетит птичка.

Был страшный крик.

Это были совершенно посторонние люди — просто зашли поужинать!

Встреча с музой

Вопрос девушки в баре застал меня врасплох:

— Вам нужна муза?

Вообще-то, я, конечно, не прочь... насчет музыки-то... Только, признаться, представлял себе этот процесс по-другому.

— А вы — муза? — уточнил я на всякий случай.

— Да, — просто ответила она. И тоже уточнила: — Я муза на зарплате...

Лучше сразу...

Звонок раздался на рассвете.

— Вы, наверное, жена Шендеровича, — сказал женский голос в трубке.

— Да.

— Простите, что звоню в такую рань, но я решила: лучше сказать сразу...

Жена от таких слов проснулась мгновенно.

— Я хочу вас предупредить, — сказала женщина на том конце провода. — Я занесла Виктору вирус... Я не нарочно...

Это была редактор Ася — и речь шла о письме, которое она послала мне по мейлу.

В Австралии

...как известно, наша эмиграция обитает давно — еще шанхайско-харбинская, довоенная.

Перед выступлением, разглядев в зале парочку ровесниц Вертинского, я в некоторой тревоге спрашиваю у организатора: а публика вообще-то в курсе жизни на Родине? Про что я тут буду шутить?

Тот, глазом не моргнув:

— Все будет хорошо. Главное, не говорите им, что Брежнев умер...

Мой добрый Изя

— Жалко, что вы не привезли книги, — сказал Саша. После выступления в Мельбурне он вез меня в аэропорт. — Я бы на вашем концерте сорок книг продал Изе...

Я уже открыл рот, чтобы попросить у Саши телефон этого замечательного австралийского Изи, готового скупать мои книги оптом, — и только тут до меня дошло, что на последнем слове Саша перешел на английский.

— ...сорок книг продал — easy!

Легко!

Майами. Первая прогулка вдоль океана — и первый же рыбак на берегу оказывается одесситом!

Он меня узнал и приветствовал не только словом, но и полной готовностью к делу, а именно: вынул из пакета рыбу и, обратившись к моей жене, предложил ей:

— Хочешь, я отрежу тебе голову и выну кишки?

Космические проблемы

Советские представления о всевластии человека из телевизора — совершенно поразительны!

Дело было в «Шереметьево» в середине девяностых.

По залу паспортного контроля толстой змеей лежала очередь из детей, пытавшихся улететь в летние международные лагеря. Хвост все рос, а из полутора десятков пограничных кабинок работало по-прежнему две-три... Духота, раздражение, цейтнот, нервы...

Быстро озверев, я пошел искать какое-нибудь начальство. Но я был не один такой озверевший: в дверях кабинета стоял лично Алексей Архипович Леонов — тот самый, космонавт! — и, судя по багровому лицу, уже довольно давно беседовал со скучающим лейтенантом погранслужбы.

Алексей Архипович провожал внучку.

— Откуда я вам возьму людей, — пожимал плечами лейтенант, расслабленно полулежа на стуле перед дважды Героем Советского Союза.

Леонов тяжело выдохнул, всплеснул руками и, обернувшись, увидел меня. И страшно обрадовался!

— Виктор! — сказал генерал армии, легендарный космонавт, человек, первым вышедший в открытый космос. — Какая удача! Идите сюда, *вас они послушаются...*

«Старший брат следит за тобой»

Улучшить работу погранслужбы мне, признаться, так и не удалось, — зато однажды я напугал тетку в детском саду!

Тетка тяжело спускалась по ступенькам этого самого детсада, арендованного для съемок программы «Куклы». Тяжесть спуска объяснялась телосложением и полными сумками в обеих руках.

А я как раз вышел на крыльцо подышать.

Тетка увидела меня — и аж выпустила из рук наворованное.

— Ой, — вскрикнула она, — нас-то за что!

Да, да, так и знайте, я не только за Кремлем слежу, я везде, везде...

Дело было в Екатеринбурге, в гостинице.

Я уснул за полночь, а потом в полной тьме полминуты пытался нашарить трубку затрезволившего телефонного аппарата.

— Виктор! — сказал вальяжный голос из трубки. — Мы тут, по соседству, в сто втором... В знак уважения к вашему таланту... просим к нам... коньячку...

Точного текста не помню, потому что, в сущности, еще спал. Так и не проснувшись, проямлил, что не пью, и повесил трубку. Все это происходило в полной тьме. Перед тем как снова отрубиться, я на секунду зажег свет. Была половина шестого утра. Сволочи, подумал я — и провалился обратно в сон.

Наутро я подошел к девушке у стойки и злобно поинтересовался, какого черта она соединила со мной какого-то идиота в половине шестого утра.

Девушка испуганно оглянулась на стоявшего рядом охранника. Охранник закаменел лицом. Мне показалось, что им обоим не понравилось определение «идиот».

— Ну хорошо, — сказал я. — Значит, так. У меня к вам просьба. Завтра, ровно в половине шестого утра, позвоните, пожалуйста, в сто второй номер и передайте, что Шендерович благодарит за приглашение и извиняется, что не смог прийти.

Шутка казалась мне адекватной и даже изящной. Я улыбнулся, полагая, что девушка-портье оценит это изящество. И тут понял, что значит выражение «короля играют придворные».

Портье побелела лицом и с отчаянием в глазах замотала головой. Охранник же отвернулся, всем видом давая понять, что ничего этого не слышал вообще.

— Слушайте, — сказал я. — Кто у вас там живет, в сто втором?

И портье тихо ответила:

— Хабаров.

Тут уже, наверное, побелел лицом я.

Хабаров был главой «уралмашевских», по совместительству — депутат местного совета. Он и его «братки» закатали под асфальт конкурентов еще в середине девяностых — и с тех пор рулили Е-бургом на законных основаниях.

Хабаров был хозяином города и, как выяснилось впоследствии, владельцем этой гостиницы... Если бы я ночью успел толком проснуться и послать его вдоль по алфавиту, моя гастрольная деятельность, полагаю, могла закончиться прямо в этой гостинице, вместе с жизнью.

Через месяц с небольшим Хабарова арестовали, а еще через неделю — повесили в тюремной камере. Я тут ни при чем, так совпало.

Координатор протеста

Дело было в Нижнем Новгороде.

Ясным весенним днем иду, гляжу: митинг у памятника Минину. Транспаранты, мегафон, тетки-активистки собирают подписи... Оказалось, вся эта суeta — в защиту местного вора Климентьева: он только что победил на выборах мэра, и его, наконец, посадили.

Ну митинг, флаги... Я, как та гоголевская крыса, пришел, понюхал и пошел прочь. И как раз мобильный зазвонил...

И вот иду я по главной нижегородской улице к Дому актера и разговариваю по телефону — глядь, откуда ни возьмись, человек с телекамерой. Забегает спереди и, пятясь, снимает, как я иду. Узнали, думаю. Неловко, хотя приятно, конечно. Но откуда этот папарацци? Неужели караулил?

Вдруг — вторая телекамера, третья... И все забегают передо мной — и снимают, как я иду. Тут я заподозрил неладное. Что-то, думаю, густовато. Я все-таки не принцесса Диана.

Оборачиваюсь — мамма миа! Все климентьевские бабушки-страдалицы со своими лозунгами идут за мной по улице.

Я — в Дом актера, а они — к местной прокуратуре!

Телевизионная картинка в тот день была классная: митинг в Нижнем Новгороде в защиту вора Климентьева; впереди, с мобильником в руках, — я!

Координирую народный протест.

Разговор не удался

А вообще к популярности лучше сильно не привыкать. Можно нарваться и посерьезнее.

Вот рассказ моего знакомого, человека весьма известного. Нелегкая судьба продюсера занесла его в Лондон, где, прямо в аэропорту, у него и прихватило живот.

Добежал он до туалета, отсиделся — и вдруг слышит голос из-за перегородки. По-русски.

— Ну, как долетел?

— Нормально, — ответил продюсер, немного удивившись обстоятельствам беседы. Впрочем, к тому, что с ним заговаривают незнакомые люди, он давно привык. Все было бы ничего, но разговор вдруг перешел в практическую плоскость.

— Сколько взял денег? — спросил человек из-за перегородки.

— Нормально взял, — ответил продюсер. И напрягся — потому что за перегородкой сидел, не иначе, знакомый.

— А когда назад? — поинтересовался туалетный собеседник.

— Через три дня, — ответил продюсер, судорожно пытаясь понять, с кем говорит. Голос был совершенно неизвестный, но, будучи человеком вежливым, продюсер продолжал уклончиво беседовать с незнакомцем о разных обстоятельствах своей жизни, пока из-за перегородки не раздалось:

— Прости, не могу разговаривать, тут какой-то мудака в сортире отвечает на мои вопросы.

...И опять меня отвели в сторонку, попросили снять ботинки, расстегнуть ремень и встать, как у Леонардо да Винчи: руки в стороны, ноги на ширину плеч.

Ничего нового. Шмон, еще до 11 сентября, стал неременной частью моих путешествий. В Париже во мне ищут араба-террориста, в Стамбуле — курда, в Тель-Авиве — палестинца; в Москве (когда ненадолго сбрил бороду и перестал быть похожим на Шендеровича) я стал лицом кавказской национальности и регулярно предъявлял документы...

В Америке хорошего впечатления я тоже не произвожу. А после третьего подряд персонального обыска начал заранее отводить глаза и покрываться холодным потом, как будто вчера от Бен Ладена.

Однажды я набрался наглости и посетовал на свою горемычную судьбу здоровенному черному дяде, ворошившему мой багаж в поисках взрывчатки.

И понял, что такое настоящий черный юмор.

Дядя поглядел на меня и без тени улыбки сказал:

— Change your face...

Меняй лицо.

Условия аренды

Многие американские синагоги — разновидность клуба, и концерты в них — обычное дело. Случаются, впрочем, и недоразумения...

В Питтсбурге среди моего монолога на сцену вышел немолодой ортодоксальный еврей и предложил присутствующим помолиться вместе с ним. На резонное замечание, что здесь идет юмористический концерт, ортодокс не менее резонно возразил, что здесь — дом Божий.

Да, но Господь сдал свой дом в аренду и взял чек на триста баксов!

Ортодокса это довод не убедил, и он стартовал со своим проверенным репертуаром... Еврейский Господь оказался существом неожиданно толерантным и никого из нас не убил.

Лишняя буква

Во время моего выступления в ДК имени Газа в Петербурге организаторы устроили сбор средств для больных детей...

Название дома культуры что-то замкнуло в моей горемычной голове — и я со сцены напомнил петербуржцам об их великом земляке, докторе Гаазе, о его фразе «спешите делать добро»...

Денег на больных детей мы собрали изрядно — вот только «святой доктор» Федор Петрович оказался тут совершенно ни при чем. Дом культуры назван был, разумеется, вовсе не в его честь, и доживи автор «Азбуки христианского благонравия» до большевиков — шлепнули бы контру у первой стенки!

Товарищ Газ, чье имя носит ДК Путиловского завода, был комиссаром бронепоезда № 6 «Имени тов. Ленина»...

Одно «а», одно!

И как мне вообще могло прийти в голову? Вроде не из европ приехал, свой же, здешний...

Эх, вот бы дожить до переименования...

Два «а» должно быть, два!

Нижний Новгород.

Вечером — концерт, а днем зазвали меня к какому-то местному начальству в тамошний Кремль (Путина еще не было, и начальство не шарахалось от меня, как от прокаженного, а норовило дружить).

И вот, стало быть, чаек да конфеты — глядь: а уже время идти! И хотя вроде все рядом — вот тебе Кремль, вот гостиница «Волжский откос», вот улица Покровка с театром, — а надо спешить.

Да ладно, говорит начальство, допейте чай спокойно, мы вас отвезем.

Ну я и расслабился. А когда вышел во двор, похолодел: у крыльца стоял «мерседес» с затененными стеклами, а перед ним — милицейский «форд» с мигалкой.

Это у них и называется «отвезем».

Деваться было уже некуда, и мы поехали.

И вот, скажу я вам, люди добрые, — сначала, конечно, ужасно неловко. Первые десять секунд. Потом расслабляешься, — потому что стекла-то затененные и тебя никто не видит...

Потом испытываешь первый приступ самоуважения.

Недаром, должно быть, тебя везут в тепле на мягком, а эти там, за темным стеклом, шебуршатся под дождичком. Наверное, ты заслужил! А этим там, под дождем, самое место. Вон они какие противные все, мокрые и злые. И смотрят еще недовольно, смерды!

То ли дело ты, такой хороший, с удавшейся жизнью, весь такой сухой на мягком.

А потом, когда диким криканьем с крыши ментовского «форда» охрана разгоняет с твоего пути в лужи одуревших пешеходов, а твой «мерседес» разворачивается через двойную сплошную, ты испытываешь уже законное раздражение: чего они тут путаются под ногами, они что, не видят: я же еду! Я!

Я-я-я!

Тут самое время ущипнуть себя побольнее и дать себе пару раз по физиономии. Если вовремя этого не сделать, станешь свиньей.

В принципе, стать свиньей можно за полторы минуты. Я проверял.

Привет от Монтеня

С февраля 1997-го я начал работать на НТВ — ведущим программы «Итого».

Ездить в «Останкино» теперь приходилось часто, и я осторожно уточнил у руководства: как насчет транспорта? Я ж безлошадный... Разумеется, ответило руководство, если будут свободные машины, привезем-отвезем.

И вот выхожу я из дома, а у подъезда стоят «Жигули». О! Я почувствовал себя маленьким советским министром. Меня привозили в «Останкино», а потом отвозили домой. Повторяю: о! Не всегда, конечно, приваливало такое счастье, а только если были свободные машины, но все равно — о!

Потом в один прекрасный день меня назначили «телезвездой».

Решение об изменении статуса было принято на директорате телекомпании и автоматически повлекло за собой «раздачу слонов»: меня пересадили на персональную машину. Это был старый «BMW» с водителем.

О-о-о!

Потом, в один еще более прекрасный день, в наш BMW въехал пьяный чувак с бабой, день рождения которой они уже успели отметить с утра (практически напоследок).

Въехал он в нас на полной скорости, на перекрестке: по случаю светлого праздника чувак решил не тормозить вообще.

Если бы в тот день я ехал в «жигулях», эти мемуары писала бы моя вдова. А так после удара в бок мы метров двадцать летели вдоль парка «Сокольники» по пешеходной дорожке — по счастью, абсолютно пустой.

Машина остановилась в двух шагах от столба.

Шофер Леша посидел немного, уточнил: «Анатолич, ты цел?» — и пошел убивать чувака. Я пошел следом, чтобы предотвратить убийство.

Чувак вылез из своего «рено» всмятку и, дыхнув перегаром в осеннее утро, сказал:

— Опа! Шендерович.

— Мужик, — спросил я, — ты другого случая познакомиться не нашел?

Но не будем уходить от сюжета.

А сюжет заключается в том, что «BMW» увезли в ремонт, а я снова пересел в «жигуль». В ту самую «четверку», из которой вылез за полтора года до этого. В ту самую, в которой чувствовал себя советским министром...

Пересел и почувствовал страшное унижение! Низко, медленно, душно, дискомфортно... На дороге не уважают... И вообще! Что такое?

«Нас мучают не вещи, а наше представление о них», — предупреждал Мишель Монтень. И был, как всегда, прав.

По правую руку от вышеупомянутого Леша несколько лет подряд я проводил значительную часть своей жизни. Шофер он был замечательный, но масштаб личной надежности я оценил не сразу...

Как-то вместе с женой и дочкой пошли в театр. Со спектаклем не сложилось, и в антракте я решил бросить семью. Едучи домой, инструктирую Алексея:

— Отвезете меня, вернетесь сюда и привезете девушек...

— Хорошо, — отвечает он.

Едем по Тверской примерно с минуту. Алексей вдруг уточняет:

— А девушек куда привезти?

— Домой, — говорю, — в Сокольники.

Алексей посмотрел на меня с уважением.

— Хорошо, Анатолич, — говорит. — Сделаем.

Мы проехали еще метров триста, прежде чем уже я решил уточнить:

— Леша, а вы каких девушек имели в виду?

Эх! Зачем я переспросил?

Представляете: звонок в дверь. Я открываю. На пороге стоит Леша — и девушки. Кого бы он мне привез с Тверской улицы, сколько, и главное: почему?

Неловко мне пересказывать эту историю, рассказанную Василием Аксеновым, но уж больно выразительная история, хотя и печальная...

Много лет назад, в пору частого мелькания в телевизоре, я имел честь поужинать с Василием Павловичем, прилетевшим в Москву. Потом мы поймали одну машину на двоих и поехали по домам.

Водила был молод — и из нас двоих узнал, разумеется, не Аксенова. И уже потом, отвозя Василия Павловича, уточнил:

— Это был Шендерович?

— Шендерович, — ответил классик.

Шофер подумал немного и смекнул, что ежели пассажир ужинал с Шендеровичем, то, может, и сам тоже не хрен с горы? И так прямо Аксенова и спросил:

— А вы кто?

Василий Павлович ответил:

— Я Аксенов.

Шофер ненадолго задумался, а потом, утешая своего безвестного пассажира, произнес:

— У нас префект такой был...

Старые друзья

Светская жизнь бьет ключом.

Неизвестный господин, неведь откуда добывши мой домашний телефон, приглашает на тусовку в честь открытия нового пивного ресторана:

— Встреча старых друзей! Приходите! Все будут!

— Кто «все»? — уточняю.

— Ну вообще — все! Жириновский, Пенкин, Митрофанов, Аллегрова... Все!

Доходное дело

Поскольку желтой прессы я не читаю, то иногда оказываюсь не в курсе собственной личной жизни. А напрасно! Что-то такое они знают...

Журналистка N., по праву давнего знакомства с моей женой, сделала ей коммерческое предложение: когда, сказала, вы с Шендеровичем будете разводиться, дай знать мне первой, я сделаю интервью, а гонорар, тысяча баксов, пополам!

Теперь жена меня шантажирует. Говорит, если что — она в барышах!

...подошла журналистка и доверительно спросила:

— Скажите, а тут, кроме вас, есть еще одиозные люди?

— А одиозные — это какие? — на всякий случай уточнил я.

— Ну известные...

Звонит другая:

— Мы бы хотели интервью с вами, с фотосъемкой у вас дома. Вы согласны?

— Нет, — отвечаю.

— Ну и ладно, — говорит журналистка и вешает трубку.

Как стать телезвездой

Дело было на телевизионных курсах в Останкино. Я пришел и битый час чего-то журчал...

Есть ли вопросы?

В зале встала девушка. Лицо ее выражало разочарование и нетерпение. Девушке хотелось поскорее узнать главное — и она сразу про главное спросила:

— Скажите, как попасть на телевидение?

— В каком смысле? — уточнил я.

— Ну работать там.

— А что вы можете? — спросил я.

Ответом был дружный хохот аудитории.

Девушка обиженно сказала:

— Да все я могу...

Снимали документальный сериал «Здесь был СССР» для канала ТВ-6 — пятнадцать фильмов о пятнадцати бывших союзных республиках... В Литве, разумеется, не обошлось без легендарного «Жальгириса».

По баскетбольной школе нас водил игрок того легендарного состава — Витаутас Янкаускас.

— Скажите, Ян... — обращалась к нему редакторша, не сильно отличавшая латышей от литовцев.

— Янкаускас, — терпеливо поправлял Витаутас.

— Ян Каускас, — терпеливо соглашалась редакторша...

Это был ее позор. Утром настал — мой...

Вообще-то я все придумал отлично! Говорю свой «стенд-ап» про баскетбольный «Жальгирис» на крупном плане, на темном фоне, как будто у какой-то стены. А в конце «стенд-апа» камера отъезжает, и выясняется, что я стою на фоне Сабониса.

Сабонису я как раз по локтевой сгиб — ах, каким эффектным был бы этот кадр! Но Сабонис уже играл за океаном, и пришлось ужимать фантазию до размеров сметы...

Режиссер придумал вариант бюджетный и вполне симпатичный. Стоя в форме игрока «Жальгириса», с баскетбольным мячом в руках, я должен был сказать свой текст, повернуться и послать мячик в корзину. С трех метров, одним планом, без склеек. Эдак по-пижонски...

Я не Сабонис, но со второго раза на третий в кольцо-то попадаю. Ну на четвертый...

Бросал я тот мячик минут двадцать.

На меня напал классический актерский «зажим». Я говорил текст, поворачивался, бросал — мимо! Снова говорил, поворачивался — мимо... Рядом стояла группа юных баскетболистов, чью тренировку мы прервали своей съемкой: здоровущие ребятки лет четырнадцати.

Бормоча текст, я видел себя их глазами: маленький дядька с пузиком в большой, не по росту, майке «Жальгириса» раз за разом швыряет мячик в белый свет, как в копеечку...

Сначала до меня доносились тихие язвительные комментарии. Потом начались аплодисменты. Ближе к десятому броску юные спортсмены начали заключать пари — уложусь ли я до темноты...

Я забывал текст, я был в испарине от стыда. За пять секунд до броска у меня предательски потели руки, и я уже точно знал, что не попаду.

Наконец мячик кое-как провалился внутрь — и группа тинэйджеров взорвалась овациями. Уткнувшись взглядом в паркет, я рысцой рванул прочь из зала.

1999 год, концерт в Бостоне. После выступления стою, подписываю книжки эмигрантам: «Борису, дружески», «Инне, с симпатией»... Подходит дама больших достоинств, с брошь-роялем на выдающейся груди.

— Как вас зовут? — спрашиваю, готовя стило.

— Как? — говорит она. — Вы меня не помните?

В голосе дрожит нескрываемая обида. Впечатление такое, что мы с ней много лет просыпались в одной постели, а теперь я не желаю ее узнавать. Публика с нескрываемым интересом кучкуется поближе к диалогу.

Я холодею и внимательно всматриваюсь в лицо дамы. Вот убей меня бог, если я ее помню! Хотя где-то, кажется, видел. Но не в постели, нет...

— Простите, — говорю, — но...

И развожу руками, изображая забывчивость гения.

— Как вам надписать книжку?

Жалкая попытка слинять из сюжета позорно проваливается.

— Конечно, — громко говорит дама, — где же вам меня помнить. Вы же теперь — звезда!

Тут я, разумеется, немедленно покрываюсь холодным, мелким потом стыда. Моруа, блядь. Встречи с незнакомкой. О господи! Эмиграция рассматривает меня с открытым презрением. Припертый к стенке, с отчаяния бросаюсь в атаку: не надо, говорю, меня мучить! Если мы знакомы, напомните, где мне это счастье привалило...

Лицо дамы складывается в печальную гримаску — и, выдержав паузу, она многозначительно произносит:

— Сургут...

И я вспоминаю!

Лет за пять до Бостона я действительно выступал в Сургуте — и эта дама приходила ко мне за кулисы. Она вела там детский хоровой кружок и хотела поделиться со мной результатами своей педагогики, но я отбоярился.

И вот, через пять лет:

— Как? Вы меня не помните?

Недавно, уже в Москве, в Доме актера, я увидел ее снова: дама интимно беседовала с Марком Розовским, приперев его к стене. У дамы на груди сияла брошь-рояль, Марк Григорьевич был красен, как рак. Когда ему удалось уйти из-под бюста и вырваться на свободу, я интимно поинтересовался:

— Что у тебя было с этой мадам?

— В первый раз ее вижу! — вскричал Розовский. — Клянусь!

Ну зачем же оправдываться? Люди не слепые...

Популярность все-таки — приятная штука.

Девушка, сидящая за соседним столиком, узнала меня — и смотрит, смотрит... А хороша, надо сказать, до перехвата дыхания.

Ой, думаю. Сижу, преодолеваю соблазн, люблюсь тайком. А она, болтая с подружкой, нет-нет да и стрельнет глазами. А глаза!..

К концу ужина успеваю влюбиться и в этом втюренном состоянии, наступив на горло лирической песне, покидаю кафе. У гардероба она настигает меня сама!

Обрыв сердца.

— Простите, — говорит, — могу я попросить у вас автограф?

Господи, думаю, солнышко, да только ли автограф? Пишу ей в блокнотике что-то непозволительно нежное. Она читает, прижимает листок к своей груди, о которой ничего не пишу, потому что слов все равно нет, — и говорит:

— Господи, какая я счастливая!

Ну все, думаю: женюсь! Вот прямо сейчас женюсь, и меня оправдают.

— ...какая я счастливая, — повторяет она. — Я ведь сегодня утром и у Укупника автограф взяла, представляете?

Легкий заработок

При выходе из московской пирожковой меня настиг и крепко схватил за рукав неизвестный мне молодой человек. Он радостно ткнул меня в плечо узловатым пальцем и прокричал:

— Вы — Шендерович!

Я кивнул, обреченно улыбнулся и приготовился слушать комплименты. Все это я сделал зря: молодой человек тут же потерял ко мне всякий интерес и, повернувшись, крикнул приятелю, сидевшему за столом:

— Это он, я выиграл! Гони червонец!

А вообще, как жизнь?

— Ну, Виктор, что новенького? — с интригой в голосе спросила у меня женщина из-за соседнего столика.

А дело было вскоре после одиннадцатого сентября...

— Да вот, — говорю, — третья мировая война начинается.

Это сообщение не сильно выбило даму из колеи.

— Ну, — сказала она. — А еще?

Желание женщины — закон

Лестный, но немного тревожный диалог покупательницы и продавщицы в книжном магазине:

— Я хочу Шендеровича.

— Шендерович кончился...

Три письма

...из сотен, пришедших на мое имя за время работы на НТВ.

«Обожаю ваше чувство юмора. Даже мне, индусу, смешно!»

«Пишет вам инвалид второй группы, пациент больницы имени Кащенко. Я попал сюда в конце восьмидесятых годов, в результате усиленного обдумывания: что вообще происходит? Скажите, сколько надо еще лечиться, чтобы понять, что происходит сейчас?»

По электронной почте: «Дорогой Виктор! Спасибо вам за то, что даете нам возможность улыбнуться среди нашей печальной действительности». Под этим — фамилия, имя и обратный адрес: город Финикс, штат Аризона, США...

Порядок выхода

Сообщение по радио: «Сегодня в Кунцевском районе состоится праздник. В программе: сатира, лошади и так далее...»

Главное — знать свое место.

В моем случае — непосредственно перед лошадьми.

Искусство принадлежит народу

Этот анекдот, может быть, и выдуман, но он ходил по Вологде, а следовательно, имеет свое значение.

Петр Вяземский.

Старая записная книжка

* * *

...Говорят, это произошло во время шефского концерта артистов Большого театра — так сказать, «в рабочий полдень».

К Мстиславу Ростроповичу, исполнявшему для трудящихся концерт Дворжака, прямо на сцену зашел здоровенный детина из числа невольных слушателей и добром попросил:

— Уйди.

В другой раз никто на сцену не выходил, а просто крикнули из зала:

— Эй, лысый, кончай пилить ящик!

Есть и третья история про встречи Мстислава Леопольдовича с народом.

Его как раз выдвинули на Государственную премию, и пришлось временно оставить в покое мировые площадки и отработать некоторое количество трудодней на Госконцерт.

И привела его слепая судьба пилить свой ящик в каком-то чуть ли не клубе, причем пианино (подозреваю, что это было именно пианино, какая-нибудь «Лирика»), — так вот, пианино оказалось попросту запертым на ключ, и ключа этого в тех краях давно никто не видел.

И тогда в аккомпаниаторы Ростроповичу срочно подыскивали местного баяниста.

Пришла публика. Представление началось. И на каком-то повороте виолончельного концерта московского гостя попросили из зала:

— Э, ты, потише, дай послушать баян!

* * *

А в другой «рабочий полдень» к трудящимся приехал струнный квартет. И музыканты, на свою голову, решили побаловать рабочий класс малоизвестным произведением Вивальди, в котором итальянский композитор, ничего не знавший о рабочем полдне, предусмотрел несколько ложных финалов.

То есть тема как бы заканчивается, а потом начинается снова.

Первый финал, случившийся очень вскоре после начала, трудящиеся восприняли с энтузиазмом. Они бурно заплодировали, полагая, что теперь их оставят в покое и дадут забить «козла». Но после небольшой паузы музыканты начали играть снова.

Трудящиеся решили, что гости их неправильно поняли и играют «на бис», — поэтому, когда вивальди закончилось снова, похлопали гораздо тише, явно из вежливости, боясь спровоцировать дальнейший приступ музыкальности.

Но струнные завели свою пластинку опять.

Трудящиеся поняли, что над ними издеваются. В зале начался стихийный бунт. На сцену

полетели мелкие предметы. Потом предметы покрупнее... Музыканты, съездившись, продолжали искушать судьбу. Корректировать партитуру Вивальди им не позволяло призвание. Но — пришлось...

Не доиграв несколько проведений темы, струнный квартет упаковал свои гварнери-страдивари — и дал деру, избежав линчевания в последнюю минуту.

Антонио Вивальди был хороший композитор, но чувства меры в рабочий полдень не знал совершенно!

* * *

Семейное предание из начала семидесятых. Родители поймали такси:

— На улицу Герцена!

Таксист снизошел, и они поехали. Через пару минут, сопоставив адрес с внешним видом пассажиров и временем посадки, таксист не спросил, а уточнил:

— В консерваторию.

— Да.

— Угу...

Проехали еще немного.

— И что там, в консерватории? — поинтересовался служитель баранки.

— Леонид Коган, — честно ответил отец.

— Скрипка, — пояснила мама.

Повисла пауза, завершившаяся грандиозным афоризмом советского гегемона.

— Работать никто не хочет, все хотят на скрипочках играть!

* * *

Дедушка моей жены, Владимир Вениаминович Видревич, тоже не хотел работать и всю жизнь играл на скрипочке. Однажды осенним вечером, прижав к груди заветный футляр, он шел от дома к троллейбусной остановке. В луже у остановки лежал трудящийся. Который как раз на скрипочках не играл, а работал, и наработался так, что встать уже не мог.

Увидев над собой Владимира Вениаминовича, лежащий простер к нему из лужи руку и обратился не по-советски.

— Человек! — сказал он. — Помоги мне.

Владимир Вениаминович, к которому по месту жительства как только ни обращались, но только не «человек», на такое обращение не откликнуться не мог — и, подойдя, начал одной рукой тянуть страдальца из лужи, другой продолжая прижимать к груди футляр.

Но силы (старенького скрипача — и гравитации) были неравны, и когда подошел троллейбус, он, высвободив руку, сказал:

— Простите меня, но я должен ехать. У меня концерт!

На что из лужи раздалось трагическое:

— У тебя, значит, концерт, а я лежи тут!

* * *

Это было со мной.

Забайкалье, январь. Плац образцового, мать его, мотострелкового, во все дыры, полка. Утренний развод. От мороза уши отваливаются. На трибунке стоит отец-командир и рубит ладошкой на куски стылый темный воздух. И вдруг — какой-то хрип, и вместо резкого командирского голоса — просторно и мощно — над плацем начинает звучать первая часть Второго концерта для фортепиано с оркестром Сергея Рахманинова.

Радист, умница, что-то не туда воткнул и перекоммутировал полковой громкоговоритель на Всесоюзное радио. А там — Сергей Васильевич, лично, с Филадельфийским симфоническим оркестром под управлением Леопольда Стоковского!

Побежали в рубку, а дверь заперта: радист пошел завтракать. И пока не нашли того радиста и не оторвали ему все, что можно, — полк стоял на плацу и слушал Второй концерт Рахманинова для фортепиано с оркестром!

Клянусь, мне стало теплее.

* * *

Поэт Игорь Иртеньев рассказывал об одном из первых своих выходов в народ.

Прошу представить: лето, воскресенье. Парк культуры и отдыха, посреди которого происходит то, что на профессиональном сленге называется «сборняк» — сборный концерт, окрошка из народных песен, юмора, балета и дрессированных собак.

На огромном скамеечном пространстве перед эстрадой — человек двадцать культурно отдыхающих. Кто пьет, кто целуется, кто просто загорает. Между рядами прогуливаются мамы с колясками, бегают дети...

В этот незамысловатый пейзаж и вошел со своей постобериутской поэзией Иртеньев. Фурора его появление не произвело; говоря определеннее, не все отдыхающие Иртеньева заметили.

И только одна бабуля, прямо перед эстрадой, смотрит на Игоря, улыбается и доброжелательно-ободряюще кивает головой...

Всякий, кто хоть раз выходил на сцену, знает, как важно, чтобы в зале нашелся такой зритель: чуткий, понимающий, бросающий тебе спасательный круг своего внимания... Эх, да что говорить! Благодарный Иртеньев персонально для бабули исполнил свои лучшие стихи — и все это время она улыбалась и доброжелательно кивала головой, поддерживая поэта в его неравной борьбе с социумом.

Она не перестала это делать, когда поэт ушел за кулисы.

У бабули был паркинсон.

* * *

Давным-давно, чуть ли не в первую «оттепель», группа столичных (и очень известных) писателей-сатириков поехала по необъятной Родине. И доконцертировались они до буровой на окраине Тюмени.

Там, на буровой, и произошла встреча юмора с реальностью.

Элегантные московские гости шутили под специально сооруженным навесом — зрители сидели в робах под дождем.

Никаких чувств, кроме классовых, юмористы не пробудили. Столичных шуток

нефтяники не понимали и понимать не желали. Самые проверенные репризы гасли, как спички под водой. Ситуация усугублялась национальным составом приехавших — представителей титульной нации среди них не имелось даже для маскировки.

Последним на сцену вышел Григорий Горин. Когда он заговорил, нефтяники поняли, что тюменский рабочий класс в Москве не уважают совсем: мало того, что прислали четвертого еврея, так еще и картавого!

Концерт, начинавшийся в холодной тишине, завершался в атмосфере почти осязаемой ненависти. Горин ушел со сцены под стук собственных каблуков. Рабочие еще немного посидели, поняли, что евреи закончились, и пошли на работу. А гости — по досочкам, под дождем, — поплелись к своему автобусу.

И пути их пересеклись.

Юмористы прошли сквозь строй молчаливых нефтяников, как сквозь шпицрутены, и уже у самых автобусных дверей Григорий Горин, не выдержав гнетущего напряжения, пробормотал напоследок:

— Ну, мы к вам еще приедем...

— Я тебе, блядь, приеду! — посулил ему ближайший трудящийся.

* * *

В семьдесят каком-то году на окраине Москвы открывался новый очаг культуры. В день открытия в опостылевший, их же руками построенный дворец согнали работяг-строителей: как по другому поводу сказано у Бабеля, это был их день.

Конферансье, отряженный Москонцертом на встречу с рабочим классом, подготовил несколько экспромтов.

— Какой прекрасный дворец! — воскликнул он. — Какой замечательный дворец построили вы, дорогие товарищи...

Виновники торжества, частично уже теплые с утра, угрюмо слушали эти соловьиные трели.

— Но меня как сатирика этот факт огорчает! — вдруг заявил конферансье.

Строители насторожились.

— ...Все меньше в нашей стране остается поводов для сатиры! — закончил конферансье и сам улыбнулся этому парадоксу мудро и печально.

— Пошел на хуй! — крикнул ему на это из зала самый чуткий на фальшь строитель. — Пошел на хуй, жидовская морда!

— Что вы сказали? — переспросил ошалевший конферансье.

В полном соответствии с просьбой, сказанное повторили — громко и без купюр. Тут боец сатирического фронта пришел в себя.

— Пока этого негодяя не выведут из зала, — заявил он, — я отказываюсь продолжать вступительный фельетон!

Эта жуткая угроза подействовала. Возмутителя спокойствия взяли под микитки и поволокли прочь. Перед тем как покинуть собрание, он зацепился за косяк двери и успел еще несколько раз огласить свое нетленное пожелание. Дружинники отлепили мозолистые пальцы от косяка, и мат, постепенно отдаляясь, затих в недрах дворца культуры.

Удовлетворенный расправой, конферансье поправил бабочку и продолжил вступительный фельетон.

— На чем мы остановились? — спросил он. — Ах да! Все меньше в нашей стране

остается поводов для сатиры!

* * *

Торжественный вечер в Казани, посвященный пятидесятилетию Татарской АССР, должен был вести Борис Брунов, но то ли заболел, то ли случилось у маэстро дела поважнее, — короче, в Казань полетел кто-то другой...

Тоже бывалый работник эстрады, сильно напрягать интеллект он не стал и вышел на сцену во всем блеске профессии, с импровизаторским даром наперевес. И понесся вперед.

— Добрый вечер, добрый вечер, друзья! — заговорил концерансье. — У вас в программках написано, что этот вечер будет вести Борис Брунов, но так уж получилось, что вести вечер буду я! Ну, как говорится, незваный гость хуже татарина...

Не услышав ожидаемой реакции на шутку, концерансье ненадолго задумался. Потом увидел в зале лица. Это были лица работников партийно-хозяйственного актива Татарской АССР.

И он попросту сбежал со сцены.

* * *

Впрочем, иногда и в этой сомнительной профессии случаются человеческие удачи. Концерансье Милявский вел концерт, когда какой-то подвыпивший гегемон крикнул ему из зала:

— Про аборты расскажи!

Крикнул — и сам захохотал. Засмеялась и публика, что было воспринято солистом из партера как одобрение. Через минуту, набравшись куража, он снова выкрикнул свой чудесный текст.

Тут концерансье Милявский, дотоле смиренно несший свой крест, прервал монолог и печально сказал, обратившись к залу:

— Ну что я буду рассказывать про аборты? Я знаю про аборты, вы знаете про аборты...

И, направив палец в цель:

— Жаль, что его мама про них не знала!

Зал разорвало хохотом. Разъяренный гегемон полез на сцену драться, появились дружинники... Когда хама взявшей выталкивали из зала, Милявский сообщил оставшимся:

— А это называется — выкидыш.

* * *

А это называлось — «чёс».

Молодой Арканов «чесал» по стране с куплетистами Шуровым и Рыкуниным. Ночевали в каком-то Доме колхозника, когда, в половине третьего ночи, Арканова разбудил стук в дверь.

На пороге стоял заплаканный Шуров.

— Аркадий, — всхлипывал Шуров. — Аркаша-а!

Обстоятельства, которые могут заставить немолодого мужчину, рыдая, стучаться в чужую дверь среди ночи, черным смерчем пронесли в писательской голове...

— Что случилось?

— Аркаша, — воскликнул Шуров, — какую книгу я прочел!

Долго гадать Арканову не пришлось: рыдающий старик прижимал к груди «Хижину дяди Тома»...

* * *

Дело было в начале семидесятых. Домработница в доме N., застыв у телевизора, зачарованно смотрела, как танцует Майя Плисецкая, а потом, на каком-то по счету фуэте, вздохнула с печалью:

— А вот так я бы не могла...

Ах, какая чудесная, адекватная домработница!

* * *

В конце шестидесятых денег в стране в обрез хватало на космос и Фиделя Кастро, а тут еще хоровое пение...

Изыскивая резервы экономии, министр культуры Фурцева обнаружила, что под ее чутким руководством трудятся два казачьих хора. На ближайшей встрече с творческим активом это очевидное излишество было приведено как пример расточительства.

— Зачем в одной стране два казачьих хора? — задала риторический вопрос товарищ министр. — Донские казаки, кубанские казаки... Надо их объединить!

— Матушка, Екатерина Алексеевна! — взмолился знаменитый конференсье Смирнов-Сокольский. — Это не удалось сделать даже Деникину!

Говорят, довод подействовал.

* * *

Зиновий Гердт с давних лет был знаком с одним японцем-славистом (не знаю, впрочем, есть ли там такой второй). Этот удивительный японец говорил по-русски. То есть он думал, что говорит по-русски, а сказать ему правду в Японии было некому.

Но речь не о том.

Однажды при встрече Гердт спросил этого чудесного слависта, чем тот сейчас занимается.

— Пишу диссертацию, — ответил японец.

Гердт поинтересовался темой, и японец с поклоном ответил:

— Ранний Блок.

Гердт сначала немного испугался, а потом решил уточнить: кому в Японии нужен ранний Блок?

Милый японец немного подумал и ответил:

— Мне.

* * *

Про Иегуди Менухина она вспоминала так:

— Я помню у него один ми-бемоль...

* * *

После концерта в Киеве ко мне за кулисы приходит пара, мама и дочка, дивной красоты девушка. Она следит за моей публицистикой, говорит какие-то лестные слова...

— А вы — журналистка? — спрашиваю.

— Нет, — отвечает девушка. — Я...

Загадочно улыбается, приподнимает подбородок и поворачивает голову в классический профиль:

— Видите?

И я вижу! На белоснежной шее, у самой ключицы — темнеет пятно. Я успеваю похолодеть в догадке о роде ее занятий, прежде чем милая девушка заканчивает фразу:

— Скрипачка!

Ну слава богу. Тоже, можно сказать, след профессии...

* * *

Эстрадного куплетиста Д. на пятом десятке жизни страшно разочаровал Лев Толстой:

— Прочел, — говорит, — тут «Анну Каренину»... Ну и хули? Ни одной репризы!

* * *

Молодой человек написал фортепианный концерт и пришел с ним к Шостаковичу.

Вежливый гений пригласил гостя к роялю — и молодой человек приступил к самовыражению. Через полчаса он нанес роялю последний аккорд и, весь в мыле, повернулся от клавиатуры. Шостакович сидел на диване, обхватив себя руками.

Исполнителю удалось произвести на гения сильное впечатление.

— Ну как? — спросил молодой человек.

— Очень хорошо, — забормотал Шостакович, — очень хорошо...

И неожиданно уточнил:

— Гораздо лучше, чем водку пить!

* * *

Впрочем, музыке водка мешает не всегда, что подтверждал пример самого Шостаковича.

Рассказывают, что как-то раз, живя в Доме творчества композиторов в Рузе, он пошел вечером в пристанционный буфет. Взял бутылку, но не пить же одному...

Правильно оценив нерешительность в одинокой фигуре интеллигента, рядом с Шостаковичем быстро возник человек. Человек тут же позвал третьего — и долгожданный кворум состоялся.

Они встали к буфетной стойке, нарезали, разложили, налили...

— Ну, — сказал первый собутыльник Шостаковича и протянул руку. — Федор!

Они познакомились. Истинные имена и профессии двоих участников процесса история, к сожалению, не сохранила; оба были местные работяги.

— А ты кто? — спросили Шостаковича.

Шостакович замялся.

— Я композитор, — признался он наконец.

Случилась пауза.

— Ну ладно, — подытожил диалог тактичный собутыльник Шостаковича, — не хочешь — не говори!

* * *

На предложение быть третьим Дмитрий Дмитриевич мягко, но неизменно отвечал:

— Знаете, хотелось бы — первым...

* * *

Композитора Вениамина Баснера остановили на улице трое сограждан с насущной просьбой дать им рубль. Принципиальный Баснер рубль давать отказался.

Сограждане были настроены миролюбиво и не стали его бить, но по еврейскому вопросу высказались. После чего обнялись и пошли прочь, распевая:

— «У незнакомого поселка, на безымянной высоте...»

Счастливый композитор Баснер рассказывал эту историю как историю о народном признании.

* * *

Иван работал мясником на Центральном рынке и баловался стишками. Баловался вполне бескорыстно, пока среди покупателей не обнаружился песенник Михаил Танич.

Мясник решил показать поэту свои вирши и обрел неожиданную протекцию, в результате которой через какое-то время советский народ получил в пользование песню «Травы» — ну, вы помните... От росы серебряной прогнуться. Некоторый идиотизм текста испугала его безобидность на фоне того, что пелось в те годы.

Когда песня пошла гулять по радиоволнам и ресторанам, перед мясником-стихотворцем вдруг распахнулись совершенно новые финансовые перспективы, и он начал подумывать о перемене жизненного пути.

Настрочив тонну новых стишков того же нехитрого свойства, он снова подстерег своего благодетеля на Центральном рынке, но поддержки не нашел.

— Ваня, — напомнил плодовитому мяснику Михаил Танич, — не мясо к травам, а травы к мясу!

* * *

В позднеперестроечные времена, прорвав плотину худсоветов, на эстраду хлынули «неформалы». Наибольшим успехом пользовалось все то, чего было нельзя при советской власти.

Иногда этого было достаточно для успеха.

Я видел это своими глазами: в гримерную Театра Эстрады пришел молодой интеллигентный человек. Вежливо поздоровался и начал переодеваться к выходу.

Он снял и аккуратно повесил на плечики брюки и пуловер — и влез в рваные джинсы и майку с черепом. Аккуратно поставил под стул туфли-лодочки и напялил мятые кеды. Вынул из дипломата баллончик с фиксатором; попшикал на волосы и отработанным движением ладоней привел их в игуаноподобное состояние.

Электрогитара уже лежала рядом, заранее привезенная другими членами творческого коллектива — интеллигентными молодыми людьми, частично с гнесинским образованием.

Через полчаса они вышли на сцену — и оттуда понеслось *такое!*..

Как говорилось в анекдоте про бабушку и гинеколога: сынок, а мамка твоя знает, чем ты тут занимаешься?

* * *

На шестом десятке жизни петербургский артист Борис Смолкин снялся в роли камердинера в сериале «Моя прекрасная няня». Мыльный идиот круто изменил жизнь Бориса Григорьевича: он проснулся знаменитым.

Статус всенародного любимца интеллигентный Смолкин встретил с недоумением.

— Витя, — озадаченно сказал он мне. — Я тридцать пять лет на сцене. Играл Труффальдино, играл Полония, Расплюева, Тарелкина... А теперь я говорю «кушать подано» — и я звезда!

* * *

Татьяна Догилева пересказывала рецепт сценарного успеха, услышанный ею от продюсера сериалов:

— Девушка из провинции мечтала стать почтальоном — и стала им!

* * *

В Ленинграде, в выходной день, на стоянке такси, подойдя к ней одновременно, встретились артист Юрий Толубеев — и гегемон с семьей.

— Ой! — сказал гегемон. — Я вас знаю.

Толубеев улыбнулся привычно и обаятельно. После выхода на экраны фильма «Дон Кихот» он, сыгравший Санчо Пансу, стал всенародно знаменит.

— Маш! — сказал гегемон. — Ты узнаешь? Это же артист! Из кино!

Толубеев доброжелательно кивал, подтверждая догадку зрителя.

— Ой! — говорил гегемон, не в силах поверить своему счастью. — Вы же наш любимый артист! Вы просто не представляете! Да, Маш?

Маша пискнула что-то радостное.

— Мы вас так любим! Три раза смотрели! Просто нет слов...

Так продолжалось несколько минут. Наконец подъехало такси, и Толубеев, согретый лучами народной любви, благодаря и прощально улыбаясь публике, шагнул к машине.

Тут его собеседник резко помрачнел.

— Куда-а! — загородив артисту дорогу стальной рукой, протянул он. — Клоун...

И гегемонское семейство стало загружаться в такси.

* * *

Половина перрона была отгорожена под съемки, но какая-то бабка с разгону прочесала его насквозь и вышла прямо под камеры. И уткнулась в Михаила Ефремова, уже в костюме и гриме ожидавшего команды «мотор».

— Ой! — сказала просветленная бабка. — Я тебя знаю! Ты артист!

— И я тебя знаю, — ответил ей Ефремов. — Ты бабка!

* * *

Дело было в Питере, в середине семидесятых.

К Александру Володину прицепился какой-то не сильно трезвый бард и начал, что называется, меряться статью.

— Вот вы, — сказал бард, — драматург. Ла-адно... А я, — бард загнул палец, — поэт! — Бард загнул другой палец. — Композитор, кандидат наук, гитарист, альпинист...

Когда бард загнул все, что у него с собой было, Володин встал и молча поклонился ему в пояс.

* * *

Много позже, уже в конце девяностых, знаменитый телеведущий Кирилл Набутов зашел в пивнушку на Петроградской стороне — и увидел там Володина, заподлицо с другими обитателями этого места прилипшего к стойке со своими ста граммами.

Но поприветствовать Александра Моисеевича Кирилл не успел, потому что узнали его самого.

— Ой, Набутов! — воскликнула продавщица. — Дайте автограф!

С аналогичной просьбой тут же набежали из подсобки и другие.

— Девочки! — сказал благородный Кирилл. — Вот у кого вы должны брать автограф! — И указал на Володина.

— Этот? — уточнила продавщица. — Да он каждый день тут ошивается!

А продавщица эта была, может быть, внучкой Тамары из володинских «Пяти вечеров»...

* * *

Помимо традиционного обмена шила на мыло, случаются в России и обмены куда более парадоксальные...

Вот фрагмент из письма моей доброй знакомой:

«Виктор! В понедельник я обменяю “Часть речи” Бродского на годовой отчет “Мосэнерго”. Мне по работе нужен этот долбанный отчет, а человек, который может мне его принести, поставил вот такое условие. Я как-то процитировала ему из “Писем римскому другу”, и он уже полгода просит меня дать почитать...».

* * *

Журналистка из глянцевого журнала пришла брать интервью у Константина Райкина — и уже через несколько секунд выяснилось, что она, как говорится, совсем «не в материале».

В худруке «Сатирикона» выиграла педагогическая жилка, и он предложил девушке подготовиться к интервью как следует: почитать прессу, посмотреть спектакли театра...

Журналистка позвонила через месяц — и доложила о завершении ликбеза. Педагогический талант Райкина торжествовал. Была назначена новая встреча. Кабинет, чай, диктофон на столе...

— Ну, — сказала журналистка, — первый вопрос, Константин... Простите, как вас по отчеству?

* * *

Девяносто третий год, прощальный ужин первоапрельской Юморины в Одессе. «Спонсорье», по слову Ширвиндта, расстаралось: море спиртного, горы снеди, девушки танцуют на столах... В общем, праздник юмора.

И вот, ближе к концу вечера, к Арканову со Жванецким вразвалочку подваливает спонсор в «адидасе» и, положив по полуцентнеру бицепсов на плечи классиков, интересуется:

— Чегой-то вы нами брезгуете? Вы не брезгуйте; вот мы тут, рядом, прошу к нашему столу...

Рядом, действительно, отдыхают спонсоры — потомки даже не Бени Крика, а Савки Буциса. Пить с ними классикам хочется, как зайцам отжиматься, но что делать: бесплатных ананасов в шампанском не бывает.

Разумеется, заверяет хозяев невозмутимый Арканов, они непременно выпьют-закусят вместе, но чуть позже... Отсрочка позволяет Жванецкому исчезнуть, и Арканов ложится на амбразуру один.

Он выпивает-закусывает со «спонсорьем», и через некоторое время растроганный детина в «адидасе» сообщает:

— Аркадий, вот люб ты мне!

И, с широким жестом на зал:

— Хочешь, я для тебя кого-нибудь замочу?

Это предложение временно отбивает дар речи даже у Арканова.

— Ну, может, тебе не нравится кто? — развивает свою мысль спонсор. — Так ты не стесняйся, скажи...

Еще никогда хорошие отношения с Аркановым не были мне так кстати: я сидел за соседним столиком.

— Просто скажи, — оберегая писателя от лишних хлопот, уговаривал спонсор. — Просто покажи его — и сиди, отдыхай, пей...

— Ну что вы! — торопливо, насколько можно представить себе торопливого Арканова, отвечал тот. — Тут все замечательные люди, мои друзья...

— Но если что, ты скажи! — настаивал спонсор.

Арканов пообещал, если что, сказать, — в свою очередь, взяв со спонсора слово: до его отдельной просьбы никого (по крайней мере, в этом зале) не мочить. Они посидели еще, и, видать, спонсор ощутил смутную неловкость за свой искренний порыв, потому что решился прояснить ситуацию:

— Это потому, что люб ты мне!

И, подумав, закончил:

— Был бы не люб — совсем бы другой разговор...

* * *

Афиша в Крыму приглашала на «водевиль “Французская любовь” при участии матросов Николаевской флотилии»...

* * *

Своими глазами видел надпись на могильном камне: «Клавдию от любящего племянника».

Как говорится, для тех, кто понимает.

* * *

Дина Рубина приехала в Америку с концертами.

Антрепренер вез ее в очередной город, когда в машине раздался звонок. Разговор шел по громкой связи и оттого не канул в Лету: сама Дина его и пересказывает с понятным восторгом.

— Вот у вас тут написано «Дина Рубина» — что это?

— Это писательница из Израйля, — ответил антрепренер.

— Нет, но что это?

— Я ж вам объясняю: это писательница из Израйля!

— Да, но что она делает? Поет, танцует?

— Я ж вам сказал: это писательница из Израйля! Она что-то почитает, что-то расскажет...

— Ну ладно. И сколько это стоит?

— Пятнадцать долларов.

— Сколько? — презрительно переспросил любитель прекрасного. — Ну в это, по крайней мере, входит ужин?

* * *

Литератор N. при встрече уточняет:

— Я слышал, в «Табакерке» ставят твою пьесу?

— Ставят.

— Поздравляю, — говорит. — Я тут тоже, неожиданно для себя, написал шесть пьес...
Бывают у людей неожиданности!

* * *

Из письма в журнал «Театр»: «У меня есть три пьесы — про гражданскую войну, про Наполеона и про Клеопатру. Скажите, какую из них Вы хотели бы видеть в своем журнале?»

* * *

А этому случаю я был свидетелем сам.

В театре «Современник» шел «Вишневый сад»:

— Продан сад?

— Продан.

— Кто купил?

— Я купил, — сказал Лопахин.

И по залу пронеслось изумленное «а-ах!».

Так, спустя сто лет, эти люди узнали, кто купил вишневый сад...

Аналогичный случай был зафиксирован в Омском театре драмы. Едва Раневская покинула свой дом, как в зале раздался возмущенный мужской голос: «Э-э! Фирса-то забыли, блин!».

Встречаются, впрочем, и интеллигентные зрители.

Аркадина и К° уже играли в лото, когда человек в «ленкомовском» партере негромко, но отчетливо произнес в мобильный телефон:

— Погоди, сейчас Константин застрелится — и я выхожу.

* * *

Новые формы нужны, но в меру.

Шла «Чайка», поставленная наимоднейшим авангардистским режиссером. На пятнадцатой минуте авангарда в зале встал полковник. Вышел в проход между рядами. И хорошо поставленным командным голосом сказал, обратившись к сцене:

— Прекратить хуйню!

* * *

Дневной спектакль в московском ТЮЗе назывался «Записки из подполья». Учительница, приехавшая в театр со своими шестиклассниками, полагала, должно быть, что участвует в патриотическом воспитании. Она ожидала увидеть нечто из жизни Олега Кошевого...

Но обошлось без краснодонцев.

С постели встала абсолютно голая женщина, пересекла по диагонали сцену и начала подмываться над тазиком.

Училка трагическим шепотом подняла своих шестиклассников, вытащила их из партера и толчками в спины погнала по проходу прочь. Шестиклассники уходить не хотели, оборачивались в сторону сцены, сраженные волшебной силой искусства...

Еще никогда Федор Михайлович не был так близок русским мальчикам.

* * *

— Что вы сейчас читаете? — спросила у меня женщина, в теплой компании допивавшая за соседним столиком вторую бутылку «шампусика».

— «Анну Каренину», — признался я.

— О, это так трогательно! — одобрила мой выбор женщина. — Поезд, все дела...

* * *

— Чем там заканчивается «Война и мир»? — поинтересовалась у меня ученица десятого класса. Она сидела в холле пансионата, положив красивые длинные ноги на журнальный столик. На шортиках лежал затрепанный «кирпич» толстовского романа из местной библиотеки.

В мае у девушки были выпускные экзамены, вот она и мучилась.

Я с удовольствием отметил про себя, что произвожу впечатление образованного человека, — и вкратце рассказал, что там дальше.

Сообщение о предстоящем браке Н. Ростовой и П. Безухова искренне удивило выпускницу.

— Да ну, пиздишь! — сказала она.

Девушка собиралась поступать в юридический.

* * *

Дело было в Иерусалиме. Палестинцы опять взорвали автобус, десятки жертв... Мой приятель вернулся домой в соответствующем настроении.

Двенадцатилетняя дочка сидела на диване и тихонько плакала.

— Какие новости? — осторожно спросил отец.

Дочка подняла от книги прекрасные печальные глаза и ответила:

— Плохие новости, папа. Янки взяли Атланту...

Она читала «Унесенных ветром».

Человеческий фактор

«Лужники», утро, предварительные соревнования молотобойцев. Я бездельничаю на трибуне и наблюдаю, как на арене мучаются здоровущие дядьки, человек десять-пятнадцать.

Каждому из них надо швырнуть молот за отметку, чтобы выйти в завтрашний финал. И они по очереди входят в круг, и долго раскачиваются, и, раскрутившись, с дикими криками мечут это железо, и пока оно летит, страшно орут ему вслед, чтобы оно испугалось и летело как можно дальше.

А оно никак.

То есть хоть чуток, а до метки не долетит.

Это мучение продолжается почти час, когда наконец огромный мохнатый турок забрасывает молот на пару сантиметров за черту. О, счастье! Он в финале! Турок прыгает, продолжая кричать, уже от торжества.

В это время из-под трибуны, где сижу я, выходит усатый нечесаный мужик со спортивной сумкой в руке и вяло бредет в сторону сектора для метания, где уже полчаса исходят калориями эти олимпийские надежды.

С третьей попытки подвиг турка повторяет поляк — в экстазе он совершает кружок почета вокруг сектора, аплодируя себе поднятыми над головой руками.

Усатый садится на скамеечку и начинает перевязывать шнурки. Среди окружающих его энтузиастов молотометания он выглядит человеком, который крепко спал, никому не мешал, а его растолкали, подняли и велели идти на работу, которую он видел в гробу.

Какой-то заморский бедолага срывает последнюю попытку, в отчаянии хватается за голову и долго колотит огромной рукой по загородке, а потом валится на колени и в сильнейшей скорби утыкается головой в покрытие.

Мужик, шнуровавший кроссовки, поднимается, снимает олимпийку и берет молот. Той же ленивой походочкой он входит в круг, останавливается в центре, секунду стоит так — и начинает задумчиво раскачивать чугунное ядро, наливаясь каким-то новым содержанием. Раскачка переходит в медленное вращение, и вдруг что-то случается. Человек в круге оказывается как бы в центре смерча, и этот смерч — он сам!

Через секунду из этого смертоубийственного вихря вылетает снаряд, и летит, и, перелетев за линию квалификации, летит еще, и падает за флажком олимпийского рекорда.

Выслушав рев стадиона и патриотический захлеб диктора, усатый мужик выходит из круга и, окончательно потеряв интерес к происходящему, берет свою сумку и бредет обратно в раздевалку.

Это был рекордсмен мира в метании молота Юрий Седых.

Он ушел, а в секторе продолжились соревнования на уровне сдачи норм ГТО, сопровождаемые экстазами, заламыванием рук и кругами почета.

Задолго до Московской Олимпиады Аристотель предупреждал: комическое кроется в несоответствии...

«Почтальоны»

А несоответствие человека собственному (божьему) дару давно стало притчей во языцех.

Но какая нам разница, хороший ли человек почтальон, доставивший нам ценное заказное письмо? Главное — в каком виде оно доставлено, не правда ли?

К этому тезису есть яркие иллюстрации. «Куском говна на пьедестале» назвал режиссер Трюффо режиссера Годара... Говно говном, но пьедестал-то заслуженный!

Тонкий, весь в полутонах и рефлексиях, писатель при ближайшем рассмотрении оказывается классическим быдлом... Как же так, позвольте?

Да так, очень просто.

Но ведь это же он написал?..

Он. Но — как бы это сказать? — не вполне сам.

Просто он хороший почтальон.

Или великий почтальон — как Гоголь, к которому за пределами этого «почтового» ведомства лучше было близко не подходить.

Доктор Чехов, поднимавший белый флаг над мелиховским домом, чтобы окрестные крестьяне знали, что можно получить бесплатную помощь, — не норма, а какое-то прекрасное этическое отклонение.

Но не будем о грустном.

Лучше я расскажу вам о великом пианисте Николае Арнольдовиче Петрове.

Однажды я имел честь и радость выступить с Петровым в одном благотворительном концерте — и даже оказался в одной гримерной.

Мы коротали время до выхода на сцену и травили анекдоты. Женщин в гримерной не было, и анекдоты звучали самые демократические и без купюр. Грузный Николай Арнольдович трясся от смеха. Вместе с ним и его смехом тряслись стены. Когда анекдоты рассказывал он сам, слово «жопа» было одним из самых приличных. Земной Петров двумя ногами стоял на земле и весь состоял из мяса, как Фальстаф.

В какой-то момент, прислушавшись к динамике, он начал надевать свой безразмерный фрак — скоро на сцену... И вдруг выбыл из числа присутствовавших в гримерной!

Я даже не сразу заметил это и еще по инерции адресовался к Петрову, но как будто звуконепроницаемый стеклянный колпак накрыл Николая Арнольдовича. За номер до своего он молча покинул помещение, и я поспешил за ним.

Петров стоял за кулисами, серьезный и немного торжественный: он ждал выхода на сцену. Подойти с разговорами было невысказано. Попытка рассказать анекдот могла стоить жизни. Мысль о том, что этот строгий отрешенный господин во фраке умеет говорить слово «жопа», не приживалась в сознании.

Его объявили. Петров вышел, коротко поклонился, сел за рояль и поднял глаза. При первых же звуках моцартовской сонаты глаза эти начали наполняться слезами, а лицо приобрело безмятежное детское выражение. Нежная полуулыбка бродила по губам. Он смотрел в сторону тех кулис, где стоял я, но не видел ни меня, ни кого бы то ни было еще. Что видели эти глаза, не знаю, но что-то такое видели...

Взгляд на клавиатуру он не опустил, кажется, ни разу. Звуки появлялись и исчезали — сами.

Последняя нота не сразу вернула Николая Арнольдовича на землю. Он еще немного посидел, приходя в себя, потом встал и поклонился.

Улыбка, которая сияла на его лице в этот момент, уже не была лунатической — это была улыбка человека, хорошо сделавшего свое дело и принимающего благодарность от понимающих сограждан.

Провожаемый овацией, Петров пошел за кулисы, занавес закрылся, и на сцене началась перестановка, а я опрометью бросился через закулисы, чтобы поскорее сказать Николаю Арнольдовичу, как это было хорошо (а то он не знал).

Но я опоздал! Петров уже веселил скрипачку из «Вивальди-оркестра», легко приобняв ее за талию. Наследственный петровский бас заполнял закулисы, скрипачка смеялась... В то, что этот грузный регочущий человек только что, почти не приходя в сознание от счастья, играл Моцарта, — уже не верилось...

«Почтальон» сделал свою работу и оттягивался пивком.

Нечто подобное, наверное, происходило и с самим Моцартом. Неудивительно, что Сальери, ничего не знавший об этой небесной почте, наливался ядом...

Так назвал кто-то Александра Ширвиндта. Автор формулировки сам близок к гениальности: определение прекрасное.

...Дело было в конце шестидесятых. В Доме актера шел новогодний вечер, за столами сидела эпоха — Утесов, Раневская, Плятт, мхатовские «старики»... Эпоха, впрочем, была представлена весьма объемно: за центральным столом, с родными и челядью, сидел директор гастронома, «спонсировавший» Дом актера продуктовым дефицитом.

Молодой Александр Ширвиндт, ведущий программу, отдельно поприветствовал «крупного работника советской торговли»...

Но крупный работник советской торговли не позволил по отношению к себе иронии, царившей в Доме актера.

— Паяц! — громко бросил он Ширвиндту из-за своего стола.

Продуктовый «царь горы» даже не понял, что оскорбил всех, кто сидел в этом зале. Наступила напряженная тишина, звуки вилок и ножей, гур-гур разговоров — все стихло. Все взгляды устремились на молодого артиста.

А Ширвиндт словно и не расслышал оскорбления — и даже как будто засобирался извиняться... Мол, я ведь только потому позволяю себе отвлекать вас своей болтовней, чтобы сделать вечер приятным, потому что очень уважаю собравшихся... ведь здесь такие люди: вот Фаина Георгиевна, вот Ростислав Янович, вот...

Ширвиндт говорил «темно и вяло», и директор гастронома, не получивший отпора, успел укрепиться в самоощущении царя горы.

— ...и все мы здесь, — продолжал Ширвиндт, — в этот праздничный вечер, в гостеприимном Доме актера...

Директор гастронома, уже забыв про побежденного артиста, снова взялся за вилку и даже, говорят, успел что-то на нее наколоть.

— И вдруг какое-то ГОВНО, — неожиданно возвысив голос, сказал Ширвиндт, — позволяет себе разевать рот! Да пошел ты на хуй отсюда! — адресовался Ширвиндт непосредственно человеку за столом.

И перестал говорить, а стал ждать. И присутствовавшая в зале эпоха повернулась к директору гастронома — и тоже стала ждать. Царь горы вышел из столбняка не сразу, а когда вышел, встал и вместе с челядью навсегда покинул Дом актера.

И тогда, рассказывают, поднялся Плятт и, повернувшись к молодому Ширвиндту, зааплодировал первым. И эпоха в лице Фаины Георгиевны, Леонида Осиповича и других легенд присоединилась к аплодисментам в честь человека, вступившегося за профессию.

Члено-вредительство

Конец семидесятых, Барнаул, гастроли Театра Сатиры...

Продовольственная программа КПСС уже сделала свое дело, и еды в Барнауле не было. Однажды у стойки администратора в гостинице появилось объявление, касавшееся участников гастролей: члены КПСС могут обедать в обкоме!

Вечером рядом с этой бумагой появилось заявление от артиста Ширвиндта: «До окончания гастролей прошу считать меня коммунистом!».

Почувствуйте разницу

Осенью 2010 года по отмашке из Кремля СМИ дружно набросились на впавшего в опалу Лужкова — и в две недели обглодали его до костей.

Поучаствовать в этом празднике дарвинизма предложили и Ширвиндту. Артист ответил корреспонденту максимой, которую можно отливать в металле:

— Я старая блядь, но проституткой никогда не был!

Не надо рефлексий

Давным-давно артист Державин был зятем маршала Буденного.

И вот однажды в семейно-дружеском застолье, в присутствии легендарного маршала, сидевшего во главе стола, Державин и Ширвиндт начали обсуждать одну нравственную коллизию.

Коллизия эта была такова: они работали на Малой Бронной у Эфроса, на вторых ролях, а звали их в Театр Сатиры — на первые. Эфрос был учитель и серьезный режиссер, но в театре Сатиры обещали роли... Ролей хочется, перед Эфросом неловко...

Маршал Буденный послушал-послушал — и попросил уточнить, в чем, собственно, проблема. Не желая обижать старика, ему на пальцах объяснили ситуацию и даже, уважения ради, попросили совета. Как у пожившего человека...

Семен Михайлович ответил зятю:

— Миша! Я не знаю этих ваших театральных дел, но я скажу так...

Он немного помолчал и продолжил довольно неожиданно:

— Степь! И едешь ты по степи верхами... А навстречу тебе едет верхами какой-то человек. И ты не знаешь: белый он, красный...

Маршал побагровел от воспоминаний и крикнул:

— Миша, руби его на хуй!

И они ушли от Эфроса в Театр Сатиры.

Последнее предупреждение

А в Театре Сатиры работала замечательная актриса — Надежда Слонова. Однажды она тяжело заболела. Дело казалось настолько серьезным, что Слонова начала отдавать последние распоряжения.

В частности, позвала к себе домой молодую Ольгу Аросеву — чтобы предупредить о возможном инциденте на собственных похоронах.

— Оля! — сказала Слонова. — Меня положат в фойе театра... Но ты же меня знаешь... Если Плучек начнет говорить — я встану!

По счастью, проверить реальность этой угрозы не пришлось: Надежда Ивановна прожила еще почти полвека.

Во избежание недоразумений

Старый актер Малого театра Михаил Францевич Ленин в 1920 году написал заявление наркому просвещения Луначарскому. Содержанием бумаги была просьба посодействовать тому, чтобы люди не путали его с тем Лениным, который Ульянов.

Луначарский наложил на письмо резолюцию: «Не трогать. Явный дурак».

Приметы коммунизма

В конце тридцатых партийная организация Малого театра поручила великой Яблочкиной встретиться с молодежью и рассказать молодежи про коммунизм.

Александра Александровна, начинавшая еще при первом Островском, была дама дисциплинированная и начала молодежи рассказывать про коммунизм — все, что сама знала про этот предмет. Какие будут отношения между людьми, как все вокруг будет прекрасно и замечательно...

Как и полагается актрисе, от собственного монолога Яблочкина постепенно возбудилась и закончила с неподдельной страстью и томлением:

— ...и будет много разной вкусной еды, — дрожащим голосом пропела она, — как при царе-батюшке!

В другой раз Яблочкину попросили рассказать той же советской молодежи об унижительной жизни актрисы до революции. Старуха рассказала страшные вещи.

— Такое унижение, просто невозможно представить... Приходят после спектакля прямо в гримерную! Валом вялят незнакомые люди, дарят цветы, подарки... Дворяне, купцы, офицеры!..

— Александра Александровна! — строго окликнул ее парторг.

— Ах да, конечно! — спохватилась Яблочкина. — И рабочие, и колхозники тоже!

«Там, на шахте угольной...»

...паренька, как вы помните, заметили.

И, как не говорилось в тридцатые годы, — раскрутили и сделали брендом! Бренд назывался — «Стаханов»...

На самом деле его звали — Андреем. Но когда в Москву с шахты прислали телеграмму: «А. Стаханов за смену сделал 14 норм», журналист «Правды» написал наугад — Алексей Стаханов.

Из Луганска позвонили: ошибка, его имя Андрей!

О коллизии доложили Сталину. Сталин сказал: «Газета “Правда” не может ошибаться».

И Стаханову выдали новый паспорт.

Чужим именем дело могло не ограничиться — выдернутый из собственной жизни, человек-бренд чуть не стал человеком-призраком. Уже не Андрея, а Алексея, его сделали коммунистом и депутатом Верховного Совета, обвешали цацками и запустили в пропагандистский оборот...

Став всесоюзной знаменитостью, да еще под чужим именем, Стаханов быстро съехал с глузду, развелся, женился на десятикласснице, стал пить — и однажды в драке потерял пиджак с партбилетом и орденом Ленина.

Доложили Сталину. Сталин сказал:

— Выдайте ему новый орден и партбилет. Но скажите: пусть ведет себя потише. А то мы найдем другого Стаханова. А ему придумаем новую фамилию.

Это передали Стаханову. Говорят, драться он перестал, но пить стал еще сильнее...

Заслуженное повидло

В середине тридцатых годов над окном выдачи «пайков» заслуженным большевикам висело объявление: «Цареубийцам повидло без очереди».

Бог не ф्राер

Дело было в начале тридцатых.

Молодой украинский чекист терроризировал собственных родителей, запрещая им говорить на идиш. Сколько можно! Язык местечка, язык рабства! А на дворе пятидесятилетие великого Октября — новая страна, новые отношения, и вообще, скоро коммунизм!

Родительский идиш чекист искоренил, вот только коммунизма не случилось. Чекист дожил до девяноста лет, и в девяносто его разбил инсульт.

Старик выкарабкался, но, придя в сознание, уже ни слова не понимал и не мог сказать по-русски. Бог послал ему напоследок — идиш. Он о чем-то просил, но втуне: родители давно умерли, а его сын не понимал ни слова на этом выжженном языке...

Азохн вей.

Гамбит Шварца

В сорок третьем году Евгений Шварц написал пьесу «Дракон» — и понес ее в Главлит. Сразу в несколько кабинетов!

И в Главлите «Дракона» — пропустили.

Как так?

А так. Еще бы они не пропустили!

Логика этого удивительного свободомыслия объясняет анекдот послевоенных лет. В ресторан входит фронтовой капитан, весь в орденах, садится, заказывает одно, другое... Ничего нет! Голодуха.

— Эх, — говорит капитан, — до чего страну довел, черт усатый!

Ну, ему сразу руки за спину — и к чекистам. И, по законам анекдота, приводят чекисты того капитана к Сталину. И Сталин спрашивает:

— Кого вы имели в виду, товарищ капитан, когда говорили «черт усатый»?

— Гитлера, товарищ Верховный Главнокомандующий!

— Хорошо, — говорит Сталин. — А вы кого имели в виду, товарищи чекисты, когда арестовывали товарища капитана?

Во-во.

Несчастные цензоры Главлита, холодея в своих кабинетах и озираясь на соседние, читали посреди войны переложение немецкой легенды о Драконе... Антифашистский текст? Безусловно.

Только ли антифашистский? Интересный вопрос...

Но запрет пьесы означал бы явку с повинной, и в ушах у цензоров звучал негромкий голос с кавказским акцентом:

— А вы кого имели в виду?..

И Шварц победил.

Малый театр и большая нужда

Малый театр, Челябинск, зима 1942 года...

Жили в эвакуации по квартирам, но народных артистов в знак уважения поселили в гостинице — вместе с московским начальством.

Воды не было. Ее носили со двора, и легендарный Остужев дефилировал по коридорам с полным ведром, декламируя своим бесподобным голосом:

— Раз студеною порой шла девица за водой...

Для прочих надобностей, на времена коммунального обезвоживания, во дворе имелся деревянный домик. Но начальству законы не писаны, и некий депутат нашел альтернативу хождению на мороз: просто наложил кучу на полу гостиничного туалета.

И был застукан.

Вскоре гостиницу наполнил глубокий голос народного артиста СССР Александра Остужева.

— Да-а... Войну мы проиграли!

Обитатели гостиницы повысовывались из дверей.

— Войну мы проигра-али! — драматически повторил народный артист СССР.

Это тянуло на лагерь. Невольные слушатели остужевского монолога не знали, как поступить по такому случаю — то ли оглохнуть, то ли самим бежать в органы.

Дав соседям время на смятение, артист закончил свою мысль:

— Если народный депутат насрал на пол — войну мы проигра-али...

Однажды, во время той челябинской эвакуации, артистов Малого пригласили в гости в один добросердечный дом: хозяйка, широкая душа, наготовила настоящих котлет — по штуке на человека! В Челябинске зимой 42-го это было немыслимое пиршество...

Раскладывать их, по одной штуке, по тридцати тарелкам хозяйка постеснялась — это выглядело бы действительно жалковато... Положила пахучей прекрасной горой на одно большое блюдо — в надежде, что голодные, но интеллигентные московские гости вычислят норму сами.

Среди московских гостей нашелся, однако, человек не столько интеллигентный, сколько незакомплексованный: подойдя к столу, он в глубокой задумчивости начал поедать котлеты, одну за другой.

На третьей или четвертой хозяйка, не выдержав, тактично заметила музыканту: он тут не один, и все присутствующие любят котлеты...

— Да-да, — мягко согласился гость. — Но никто не любит их так, как я...

Красное и черное

В начале тридцатых тихий еврей, носитель амбивалентной фамилии типа Розенфельд, записался, от греха подальше, немцем.

Но еврейский вопрос, вместе с мочой, ударил в голову как раз немцам, — и в сорок первом советская власть выслала Розенфельда к чертовой матери в Казахстан.

Розенфельд сделал правильные выводы — и после войны всех обхитрил и переписался евреем.

Как раз успел к борьбе с космополитизмом.

Советская власть снова вытерла о Розенфельда свои большие ноги...

И поделом: не надо играть в рулетку с владельцем казино!

На открытие памятника Долгорукому в год восьмисотлетия Москвы согнали, разумеется, всякой твари по паре: рабочие, служащие, военные, народная интеллигенция... Оркестр, начальство. Все стоят, ждут.

Произведение искусства, слава богу, еще под покрывалом.

Покрывало сняли, и типовое чудило на лошади предстало, наконец, глазам общественности. После недоуменной паузы в тишине раздался негромкий голос композитора Сигизмунда Каца:

— Похож.

Амператор

Летом пятьдесят третьего года молодой художник Жутовский и двое его друзей поехали на велосипедах через южный Урал...

Однажды посреди прозрачной березовой тайги они встретили местного старичка, — тот гнал деготь, подкладывая куски старой коры под огромный чугунный чан.

Узнав, что перед ним москвичи, словоохотливый старик попросил о политинформации. Про смерть Сталина он был в курсе и хотел знать дальнейшие подробности:

— А хто таперича у нас амператор?

— Отец, — ответили ему путешественники, — императора уже нет, у нас теперь триумвират.

— Это как? — не понял старик.

— А трое главные!

— Прям трое? — не поверил старик.

— Ага.

— А хто?

Образованные москвичи перечислили партийных богатырей. Старик помолчал, а потом спросил снова:

— А амператор-то из них хто?

— Да втроем они, дед! Втроем!

— Но главный из них — хто? — не унимался старик.

— Хрущев, — подумав, сообразили москвичи.

— Во-от, другое дело, — успокоился старик. — Трое-трое, а амператор — один!

Рассказывая сегодня эту байку, Борис Иосифович Жутовский не преминет напомнить вам, что живет, считая промежуточных, при одиннадцатом *амператоре* ...

Через запятую

Отчим художника Бориса Жутовского вел дневник.

Много лет подряд, каждый день — хотя бы несколько строк: погода, быт, родня, соседи... Поучительное чтение! Особенно когда в жизнь частного человека бесшумно впадает история.

Запись от 6 марта 1953 года стоит в этом смысле целой книги.

«Погода дрянь. Сломал левый клык. Васька окунул лапки в кипяток. Сдох персюк проклятый. Марь Иванна ночевала».

Ровным голосом, через запятую...

Минай в сундуке

А Зиновий Гердт узнал о смерти Сталина от своего друга Мартына Хазизова. Мартын, тоже в прошлом фронтовик, работал в оркестре образцового театра и был человеком, как сказали бы сегодня, продвинутым: слушал по ночам «Голос Америки»...

Добрый мартовским утром, за день до Левитана, он приватно известил товарищей по работе:

— Минай залабал в сундук!

Минаем они, конспираторы, называли Кобу, а Политбюро у них было — «минайчатник»...

Сколько в тебе росту?

Дело было в конце пятидесятых.

Зиновий Гердт и Мартын Хазизов (тот самый, который сообщил про смерть Миная) гуляли по Стокгольму — в сопровождении, разумеется, *сопровождающего*, молодого лейтенанта госбезопасности.

— Зямчик, — сказал вдруг неумный маленький Мартын, остановившись, — я ничего не понимаю! Смотри: над дворцом флаг, значит, король дома. А мы же им враги! И гуляем по дворцу, и никто нас не останавливает, не проверяет документов... Зямчик, ты что-нибудь понимаешь?

«Зямчик» все уже понимал вполне (как, разумеется, и сам Мартын) — именно поэтому счел за благо помолчать. Но *сопровождающий* промолчать не смог.

— Видимость демократии! — заявил он.

Тут маленький Мартын повернулся к лейтенанту и спросил:

— Дима, сколько в тебе росту?

— Метр восемьдесят семь, — с достоинством ответил Дима.

И Мартын сказал:

— Вот *весь* — иди на хуй!

...Когда в доме Гердтов имели в виду кого-нибудь послать, то вместо мата задавали этот невинный вопрос:

— Сколько в тебе росту?

И человек понимал, что он уже идет — *весь* ...

Поговорили

В пятьдесят каком-то году в Калькутту приехала английская королева.

Разумеется, прием на самом что ни на есть уровне, послы, атташе... А от СССР в Калькутте случился в ту пору какой-то партийный чувачок из торгпредства, звезд не хватавший даже с невысокого советского неба.

И вот — во всех смыслах слова — представление: английская королева идет вдоль ряда послов и с каждым хоть пару слов да скажет.

Дошли до чувачка.

А он к тому времени от ужаса забыл даже то, что учил, и, увидев перед собой Ее Величество, просто спросил:

— Do you speak English?

Королева ответила:

— A little bit...

«Немного...»

Очное обучение

Студентка консерватории, комсомолка и активистка, пробегая по лестнице мимо профессора Гольденвейзера, бойко прощбетала:

— Александр Борисович, почему вы не ходите в наш кружок марксизма-ленинизма?

— Милочка, — мягко ответил Гольденвейзер, — зачем же мне туда ходить? Я скоро с ними лично увижусь...

Неудачный фенотип

Советский профессор Игорь Квитной получил приглашение из Цюриха (почитать лекции в тамошнем университете) и пришел в международный отдел проситься наружу...

Матушка советская власть, разумеется, указала ему на законное место у параша... Но дело было в Институте радиологии в Обнинске, а там умели формулировать интеллигентно.

— Игорь Моисеевич, — сказала ему руководящая дама, — вы же взрослый человек и должны сами понимать, что *с вашим фенотипом* за границу не ездят!

Поворот темы

В самой гнойной середине семидесятых в Москонцерте проходило собрание, посвященное осуждению еврейской эмиграции. Как раз из Москонцерта в ту пору начали валить косяками, и начальство, озверев, назначило оставшимся сеанс публичного очищения.

Очищались громко и страстно.

— Это вообще не люди! Это крысы, которые бегут с нашего корабля! — трубил какой-то несчастный...

Когда все оттрубили, слово попросил тихий чтец Эммануил Каминка.

— Ну да, — мягко вступил он, — эти евреи, которые уехали, это вообще не люди... даже не будем о них больше говорить! Но скажите, — осторожно уточнил Каминка, — а тех евреев, которые останутся — их как-нибудь поощрят?

Уточнение

В те же годы и по тому же поводу партийное начальство мучало великого Мравинского: от вас бегут музыканты!

— Это не от меня бегут, — холодно ответил Мравинский, — это от вас!

Промашка

Дирижер Кирилл Кондрашин выбрал свободу. Уехал из СССР. Умер в эмиграции и был похоронен в Амстердаме, на скромном кладбище Вестерфельд...

— Вот! — нравоучительно заметил после его смерти некто из числа оставшихся. — Зря он уехал! Лежал бы как человек на Новодевичьем...

Сильный довод

Жена Зиновия Гердта, Татьяна Александровна, сидела на даче в Пахре и составляла печальный список друзей, уехавших в эмиграцию...

За этим занятием ее застал живший по соседству драматург Эрдман.

— Таня! — нравоучительно произнес он. — Никогда не составляйте никаких списков! Знаете, однажды я решил составить список людей, которые придут на мои похороны...

Николай Робертович взял паузу.

— Потом подумал и рядышком составил другой: кто придет на мои похороны в дождливую погоду...

Эрдман взял еще одну большую правильную паузу и закончил:

— И потом ничего не смог доказать следователю!

Дело было в конце тридцатых. Дед вернулся с работы. Бабушка сидела с шитьем.

— Эйдлинька, — негромко сказал дед, — а ведь у нас фашизмик...

Бабушка кинула в него ножницами, но не попала. Она сама уже все понимала, но держала в себе, — этим, наверное, и была вызвана вспышка ярости.

Бабушка была правоверной коммунисткой. Мой отец был назван в честь Луначарского, старшая тетка — в честь Крупской, младшая — в честь Розы Люксембург.

Вот вам теперь смешно, а было — обычное дело...

Квартирный вопрос

«Еб твою мать, — сказал князь и грязно выругался...» — говорилось в старом анекдоте. Обратный порядок действий зафиксирован в архивах ЦК КПСС.

В 1948 году некий чиновник Моссовета возопил в партийные небеса жалобу на министра вооружений Устинова. Будущий министр обороны занимал в Москве несколько престижных квартир, и Моссовет тщетно пытался призвать его к нормам партийной скромности. Военно-промышленный цюрюпа падать в голодный обморок явно не собирался.

Дальнейший ход партийно-советского диалога в документе описан так: «После грубых уличных оскорблений министр Устинов послал меня к ебаной матери, назвал говном и бросил трубку».

Партийная зоология

Верный сталинец, заведомо науки ЦК КПСС Сергей Трапезников сформулировал однажды аж в письменном виде: «Волчья стая ревизионистов свила осиное гнездо».

У Козьмы Пруткова про это сказано: иногда усердие превозмогает рассудок.

Так и живем

Говорят, один из ленинградских партийных бонз — то ли Романов, то ли Козлов — на вопрос кого-то из иностранцев о смертности в СССР отрезал:
— У нас смертности нет!

В Воронежском драмтеатре шла Всесоюзная комсомольская конференция или что-то в этом роде. На сцене стоял президиум, на авансцене — трибуна, в трибуне торчал гладкий чувак и рассказывал кочумающим в зале про нравственные искания молодежи семидесятых.

Все как обычно, то есть.

А в президиуме сидел некий областной начальник. Театральный свет бил начальнику в глаза, и он попросил помощника убавить накал. «Световика» на месте не оказалось. Инициативный помощник решил справиться самостоятельно, и повернул не тот рычаг, и включил поворотный круг...

И на глазах у молодежи семидесятых президиум дрогнул и поехал прочь, а на его место под свет софитов торжественно въехал стол, который был приватно накрыт за задником для членов президиума — с сервировкой, прямо сказать, не характерной советского для Воронежа: водочка, балычок, сервелат...

У стола, со стопкой в руке, балыком на вилке и открытым в изумлении ртом, стоял и медленно ехал вместе с натюрмортом большой партийный босс.

Для полноты впечатления следует понимать, что чувак в трибуне все это время продолжал рассказывать о нравственных исканиях молодежи семидесятых...

А вот история другого комсомольского форума тех же времен.

В трибуне стоял посланец дальневосточного комсомола и вещал, глядя в бумажку.

Наконец, уже весь в пене от собственного темперамента, он вышел на кульминацию:

— И мы, комсомольцы семидесятых, говорим президенту Никсону: давайте деньги!

В зале удивились. Оратор и сам удивился — и внимательно рассмотрел шпаргалку. И повторил, озадаченный:

— И мы, комсомольцы семидесятых, говорим президенту Никсону: давайте деньги.

В зале зашумели. В президиуме забеспокоились. Оратор бараном глядел в завизированный текст. Потом всмотрелся в синтаксис. Потом перевернул страницу.

И закончил фразу:

— ...Давайте деньги, которые мы тратим на гонку вооружений, потратим на строительство моста через Берингов пролив!

Вежливый Ильич

В Ташкенте, при большом скоплении узбекской партийной элиты и личном присутствии товарища Рашидова, шло культур-мультиурное действо в честь открытия республиканского съезда партии.

Мимо зала, застыв на поворотном круге, проплывал главный народный артист Узбекистана, загримированный под Ленина, — в привычной позе, с вечно вытянутой рукой...

Проплывая мимо Рашидова, «Ленин» не выдержал и поклонился в пояс:
— Здравствуйте, Шараф Рашидович!

«Что-то с памятью моей стало...»

К шестидесятилетию т. наз. «Великого Октября» историки решили собрать бесценные воспоминания участников штурма Зимнего (многие были еще живы).

Участники штурма рассказали много интересного.

Как с винтовками наперевес они бежали в арку, как с криком «ура» карабкались на ворота с орлами, как преодолевали пулеметный огонь на лестнице Зимнего, как рукоплескали потом Ильичу, шедшему сквозь овации на съезде Советов...

Историки чесали репы. Ни на какие ворота с орлами в семнадцатом никто не карабкался, и пулеметного огня на лестнице не было, и сквозь овации на трибуну шел — артист Борис Щукин. Ветераны, не сговариваясь, пересказывали фильм «Ленин в Октябре»!

Но в сущности, никто из них не врал. Просто после сорокового просмотра гениальной агитки помнили они уже — именно это.

Не графья!

Дело было в Туле, в начале семидесятых. Шло собрание областного партактива или что-то в этом роде, глубоко советское... После описания расцвета, достигнутого областью в промышленности и сельском хозяйстве, докладчик типовым образом дошел до культуры.

— В настоящее время, — радостно доложил он собравшимся, — в нашей писательской организации состоит восемь человек... А до революции на всю Тульскую область был только один писатель!

Безнадежная ситуация

Секцией сатиры и юмора в Москонцерте заведовал некто Бахурин, человек высоких художественных требований. На худсовете он закуривал сигарету в мундштуке и веско произносил:

— Жаль, что в программе нет *афонеоза* ...

Был он человеком, как говорится, глубоко пьющим, и до одиннадцати приходить к нему с бумагами было бессмысленно. Осведомленный об этом Геннадий Хазанов в разгар лета явился в Москонцерт за какими-то документами ближе к обеденному часу.

Бахурина в кабинете не было, и артист пошел на поиски.

Начальство стояло на лестничной клетке, курило и разговаривало само с собой. Одиноким голос человека гулко разносился по лестничному пролету:

— Партком в отпуске... Местком в отпуске... Сопьёсся на хуй!

«Морковный кофе»

Коротко помянутый еще Маяковским (см. заголовок), комсомольский поэт Безыменский, обличитель Булгакова, Пастернака и американского империализма, полвека бесстрашно проколебался вместе с линией партии — и дожил до пенсионных лет, не утратив задора.

В конце шестидесятых он, автор «Комсомольского марша», почетный член ЦК ВЛКСМ, принес в редакцию «Литературной газеты» стихотворный фельетон, посвященный борьбе с бюрократизмом. Но что-то, видать, перещелкнуло в немолодой голове, и в портрете главного отрицательного персонажа появились густые брови.

Сам Безыменский ничего не понимал, пока, после выхода фельетона, ему не стали звонить и восхищаться его отвагой. А вот чего-чего, но отваги в Безыменском не было отродясь... И семидесятилетний фельетонист в ужасе побежал в «Литературную газету».

Он ходил по кабинетам и каялся за брови — ничего не имел в виду, не те брови, совсем другие брови! В кабинетах качали головами...

И уже в некотором отчаянии, он спросил молодого редактора Владимира Владина:

— Что же теперь будет?

— Да-а... — вздохнул безжалостный Владин. — За такое могут и из комсомола попереть.

Про Безыменского

...в те годы ходила эпиграмма:

Волосы дыбом, зубы торчком,

Старый мудак с комсомольским значком.

Легенда, однако, утверждает, что это была — автоэпиграмма, написанная почти напоследок... Если это так, строки окрашиваются совсем другим светом, не правда ли?

В дороге

Рассказывают: Эмиль Гилельс, чтобы не подписывать позорных писем против Сахарова, несколько ночей подряд провел в поезде «Красная Стрела».

Мобильных телефонов еще не было в природе: профессору звонили домой, а профессора нет! Уехал в Ленинград... Начинали искать в Ленинграде, а он уже тихой сапой ехал на Московский вокзал...

Так и ездил туда-сюда мимо Бологого, пока не стихло.

Прецедент

Увернуться, однако, удавалось не всем...

Сахарова исключали из Академии Наук. Позориться никому не хотелось, но — надо... Под страхом кадровых репрессий собрали кворум, прислали куратора из ЦК, и процесс пошел, хотя довольно вяло...

Ну очень не хотелось позориться!

И вот какой-то членкор, косясь на закаменевшего лицом куратора, робко заметил, что, мол, оно конечно... и Сахаров поступил с советским народом нехорошо... но вот незадача: академик — звание пожизненное, и еще не бывало, чтобы академиков исключали... нет прецедента...

На этих словах оживился нобелевский лауреат академик Капица.

— Как нет? — звонко возразил он. — Есть прецедент!

И куратор из ЦК КПСС облегченно вздохнул. А Капица закончил:

— В тридцать третьем году из прусской Академии наук исключили Альберта Эйнштейна!

Наступила страшная тишина — и Сахаров остался советским академиком.

Еще один неубиенный довод

...в защиту Андрея Дмитриевича прозвучал в те дни из уст «атомного» академика Александра.

Какой-то партийный начальник в академических кулуарах заметил про Сахарова:

— Как он может быть членом Академии? Он же давно не работает!

Александров ответил:

— Знаете, у меня есть член, он тоже давно не работает. Но я держу его при себе за былые заслуги!

Осуждению Сахарова надлежало быть всенародным, и вместо утренней репетиции во МХАТе назначили открытое партсоборание.

Парторг Ангелина Степанова, стоя в трибуне, маралась о решения партии и правительства — коллектив кочумал, пережидая неизбежное. Кто посовестливее, отводил глаза; кто поподлее, подыгрывал лицом...

А группа мхатовских «стариков», расположившись в задних рядах, жила своей жизнью, включавшей в себя утреннюю фляжку коньяка. Оттуда доносился оживленный гур-гур, очень обидный для парторга, — потому что мараться приятно со всеми заодно, а делать это в одиночку обидно.

И Степанова не выдержала.

— Товарищи! — прервала она собственные ритуальные проклятия в адрес академика. — Что вы там отсиживаетесь сзади? Михаил Михайлович, — ядовито обратилась она персонально к Яншину. — Может быть, вы хотите выступить, что-нибудь сказать?

Яншин вздохнул и сказал:

— Хочу.

Встал и пошел к трибунке.

— Минута времени вам! — почуяв недоброе, предупредила Ангелина Степанова.

— Хорошо, — согласился Яншин.

Он вышел, взял поистине мхатовскую паузу, печально оглядел собрание, остановил взгляд на парторге и сказал:

— А ты, Ангелина, как была блядь, так и осталась.

И поглядев на часы, сообщил:

— Еще сорок секунд осталось.

Вторая студия МХАТ входила в жизнь булгаковскими «Днями Турбиных», — но не все коту масленица! С начала сороковых они, уже корифеи, играли погодинские «Кремлевские куранты» — сусальную историю из жизни доброго дедушки Ильича. Играли десятилетия напролет и понимали, что эта партийная епитимья — пожизненно...

И стали спасаться от тоски тихими актерскими радостями.

Например, игрой в «гопки».

Правила у этой старой игры простые: кто-то, прямо на сцене, говорит партнеру слово «гопки», и тот, кому это «гопки» адресовано, должен сей же час, не выходя из образа, подпрыгнуть на месте.

И вот однажды они сговорились и насмерть замучали «гопками» Алексея Грибова. И все было бы ничего, но Грибов как раз играл Ленина.

Вождь мирового пролетариата, на глазах у ошеломленного зала, пропрыгал, как блоха, весь спектакль.

Кто-то, разумеется, стукнул.

Стариков вызвали на разнос к Фурцевой, и она быстро вышла на верхнее «ля». Мол, ладно бы молодежь, забывшая стыд и потерявшая веру в идеалы, но вы, гордость советского театра, народные артисты, лауреаты государственных премий...

И тут Грибов сказал «гопки».

И все подпрыгнули.

И пошли вон под крик Фурцевой.

Однажды, в самый разгар застоя, Иннокентию Смоктуновскому предложили написать статью про Малый театр, где он в ту пору играл царя Федора, — статью, ни больше ни меньше, для «Правды»!

Ну Смоктуновский, чистая душа, и написал, что думал. А думал он про Малый театр такое, что вместо публикации в «Правде» его попросили зайти в ЦК КПСС, к Зимянину...

По собственным рассказам Иннокентия Михайловича, когда он вошел в кабинет и навстречу ему поднялся какой-то хмурый квадратный человек, артист сильно струхнул. Но это был еще не Зимянин, а только его секретарь. И кабинет был еще не кабинет, а только предбанник.

Зимянин же оказался маловатого роста человеком — совсем малого, и Смоктуновскому стало от этого совсем страшно.

— Что же это вы такое написали? — брезгливо поинтересовался большой партиец. — Мы вас приютили в Москве, дали квартиру, а вы такое пишете!..

Он был настроен покуражиться над сыном Мельпомены, но тут на Смоктуновского накатило вдохновение.

— Пишу! — вдруг заявил он. — Ведь как учил Ленин?

— Как? — насторожился Зимянин.

Тут бывший Гамлет распрямился во весь рост и выдал огромную цитату из лысого. К теме разговора цитата не имела никакого отношения, но сам факт досконального знания совершенно выбил Зимянина из колеи.

— Это из какой статьи? — спросил он, когда первый шок прошел.

Смоктуновский назвал статью!

Зимянин не поленился: пошел к шкафу с первоисточниками, нашел, проверил — и, уже совершенно сраженный, снова повернулся к артисту:

— Ты что же это, наизусть знаешь?

— А вы разве не знаете? — удивился Иннокентий Михайлович, и в голосе его дрогнули драматические нотки. Мол, неужели это возможно: заведовать идеологией и не знать наизусть Владимира Ильича?

Агентура донесла, что вскоре после этого случая Зимянин собрал в своем кабинете всю подчиненную ему партийную шушери и устроил разнос: всех по очереди поднимал и спрашивал ту цитату. Никто не знал!

— А этот шут из Малого театра — знает! — кричал Зимянин.

...Смоктуновский вообще-то с трудом отличал Маркса от Энгельса — просто как раз в ту пору озвучивал на студии документальных фильмов нечто про Ильича, и в тексте был фрагмент злосчастной статьи.

Профессиональная память — полезная вещь!

В порядке очереди

Однажды Смоктуновскому позвонили с «Мосфильма»:

— Иннокентий Михайлович, вы уже прочитали наш сценарий?

— Да бог с вами, голубчик, — ответил Смоктуновский, — я еще Пушкина не всего прочел!

Андрей Миронов благоговел перед Смоктуновским — и, шапочно знакомый с ним по фильму «Берегись автомобиля», искал более близкой дружбы. Однажды, уже в пору своей всенародной славы, Миронову удалось позвать Иннокентия Михайловича на обед, в гости...

Смоктуновский был человеком надмирным и держался особняком, но обаяние Андрея Александровича сработало безотказно, и вскоре они уже сидели, размякая в общих воспоминаниях... Молодой Рязанов, молодой Ефремов, славные шестидесятые годы... Ах, хорошие были времена!

— Скажите, — вдруг заинтересовался Смоктуновский, — а как сложилась ваша творческая судьба?

Провокатор Клаус

Роман Лейбов, ученик Лотмана, рассказывает эту байку так.

Актер Лев Дуров должен был ехать в Германию, чтобы Штирлиц убил его из пистолета. И вот он пришел в отделение партии за разрешением на выезд, а там, в комиссии, сидят ветераны восстания Болотникова и первой Пунической. И строго так говорят актеру:

— Опишите нам флаг СССР, молодой человек.

Актер Дуров им отвечает:

— Флаг СССР — это черное полотнище с изображением белых черепа и скрещенных костей, он называется «Веселый Роджер»...

И пришлось Штирлицу убивать актера Дурова на советской земле!

Другого не дано

Уже очень немолодого Вячеслава Тихонова с сердечным приступом привезли «по скорой» с дачи в ближайшую больницу. Это был военный госпиталь.

Медсестра заполняла опросный лист: фамилия, имя... Дошла до графы «воинское звание». Спросила.

Тихонов, вздохнув, ответил:

— Штандартенфюрер СС.

Правильная номинация

Сильной стороной матушки Советской власти было плановое хозяйство. В победители Московского кинофестиваля 1963 года был заранее назначен фильм «Знакомьтесь, Балугев» — мощное советское кино о строителях газопроводной трассы!

И все было хорошо, пока в конкурсной программе ни с того ни с сего не появился Федерико Феллини со своим «Восемь с половиной».

Это было с его стороны довольно бестактно по отношению к коллегам-газопроводчикам. Но «газопроводчики» (во главе с автором сценария, «литературным генералом» Вадимом Кожевниковым) оказались не робкого десятка и продолжали настаивать на своем: решено, что Балугев, значит, Балугев, и никаких мастрояней!

Чтобы добиться Гран-при для Феллини, глава жюри Григорий Чухрай день за днем ложился костью в ЦК КПСС, грозя тамошним кретинам международным скандалом. И скандал таки состоялся: Жан Марэ и Стэнли Крамер, познакомившись с Балугевым поближе, едва не сбежали с фестиваля...

Когда дым рассеялся и Феллини, к чести Григория Чухрая, был увенчан главным призом, какой-то остроумец подвел итог этой фестивальной драмы...

И по Москве пролетела изящная шутка: «Восемь с половиной» победили в номинации «Лучший фильм», а фильм «Знакомьтесь, Балугев» — в номинации «Лучший фильм о Балугеве»!

Поэт Расул Гамзатов пожаловался в ЦК КПСС, что ему не дают квартиру в Москве. С учетом всесоюзного статуса аварского акына, это было совершенно немыслимо, и из ЦК позвонили в Моссовет, чтобы спросить по всей строгости.

— Как не даем? — изумились в Моссовете. — Он их не берет!

Оказалось: акын успел отказаться от роскошной квартиры на улице Алексея Толстого и не брал такую же на улице Горького!

— Почему? — спросил его ошеломленный цэковский референт.

Гамзатов ответил застенчиво:

— Эти улицы в мою честь потом не переименуют...

Последний мальчик

Дело было во Львове в конце семидесятых. Маргарита Алигер, прибывшая на Западную Украину по линии Союза писателей, покупала сервиз в комиссионном магазине.

Попросила завернуть.

Немолодая продавщица сообщила, что сервиз, безусловно, завернет — если Алигер сходит в хозяйственный магазин и купит оберточную бумагу с веревкой.

Алигер намек не поняла и пошла за веревкой и бумагой. Вернулась в комиссионный. Продавщица кое-как завернула фарфор и молча двинула его по прилавку в сторону покупательницы.

Уровень сервиса был очевидно занижен даже по сравнению с советским, но Алигер и тут намек не поняла и, будучи целиком погружена в хозяйственные нужды, спросила, нет ли в магазине какого-нибудь *мальчика*, чтобы донести покупку до гостиницы.

Тут, наконец, продавщицу прорвало.

— Последний мальчик, — ответила она крупной советской поэтессе, — уволился в тридцать девятом году, когда вы нас *освободили!*

Лучше — не надо!

Рассказывают, что во время визита Хрущева в США американцы, не без подковырки, подарили отцу «кузькиной матери» первую электробритву: вот, мол, что мы умеем...

Никита Сергеевич намек понял и по возвращении привез этот вызывающий подарок на Харьковский механический завод:

— Таковую — сможете сделать?

Идея перегнать Америку хотя бы на отдельно взятом электробритвенном участке мгновенно овладела массами. Изделие разобрали до винтика, рассмотрели...

— Никита Сергеевич, — заверили харьковчане, — да мы лучше сделаем!

— Не надо лучше! — строго оборвал самодеятельность глава государства. — Таковую!

Отбитый аппетит

Южноафриканский коммунист, узник апартеида, двадцать лет провел в тюремном заключении на острове Роббен. Отсидев срок, он переехал в СССР, где братская компартия пристроила его на работу в Гостелерадио, в иновещание.

Он писал пропагандистские тексты, призванные ускорить падение апартеида и наступление счастливой жизни — вроде той, которая уже имеется в СССР.

А в СССР как раз наступила фаза зрелого социализма, несовместимого с сельским хозяйством. В дни выдачи продуктовых заказов несколько этажей здания Гостелерадио на Пятницкой находились в сильнейшем возбуждении.

Когда пронесся слух, что в здание привезли и вот-вот «выбросят» в буфете бразильские баночные сосиски, все Гостелерадио, отложив идеологически заточенные тексты на языках народов мира, всем личным составом рвануло на продуктовый этаж.

И лишь немолодой южноафриканский коммунист не только не возбудился вместе с коллегами по иновещанию, а даже заметно скис. Добросердечные коллеги подумали, что товарищ не расслышал или недопонял: сосиски! бразильские, баночные!

Лицо бывшего узника апартеида скривила гримаса нескрываемого отвращения.

— Простите, товарищи! — сказал он. — Я не могу. Меня кормили в тюрьме этими сосисками двадцать лет, каждый день...

Аппарат с прибором

Советский журналист-международник Овчинников, со вкусом описав загнивание парочки западных стран и одной восточной, пошел на повышение и получил от партии и правительства кабинет в том самом здании на Пятницкой.

Впридачу к кабинету Овчинникову выдали секретаршу, женщину в годах, немедленно получившую в Гостелерадио прозвище Херосима — таким нехитрым образом она напечатала однажды имя несчастного японского города.

В один прекрасный день в кабинет звезде партийной журналистики поставили «вертушку», и он начал дрессировать свою Херосиму, готовя ее ко встрече с начальством, которое в любой момент могло по этой «вертушке» позвонить.

Дрессировка происходила так. Овчинников говорил «дзынь», а секретарша снимала трубку и отвечала:

— Аппарат товарища Овчинникова!

Усильным, напряженным постоянством проклятая фраза была вбита в Херосиму по самый паркет.

И настал час «икс»: вертушка зазвонила на самом деле! Волнение сдавило сосуды, и Херосима, сняв трубку, отчеканила:

— Прибор товарища Овчинникова!

Настоящий ужас

Политический комментатор Каверзнев рассказывал советскому народу о тяжелых буднях никарагуанского диктатора: «Сомоса сидит в бункере и оттягивает свой конец».

Отрезвляющий довод

В разгар «холодной войны» в Мюнхене спорили Генрих Белль, Василий Аксенов и Лев Копелев.

Белль, убежденный непротивленец, говорил о том, что в случае чего не следует воевать с Советами: главное сохранить культурные ценности, а история со временем все устаканит сама...

— Пускай они придут сюда! — говорил Белль. — Пускай вводят свои законы! А мы будем сидеть в своих пивных, пить пиво...

Копелев выслушал этот план эволюционного сопротивления и уточнил:

— Господин Белль, а вы знаете такую табличку: «Пива нет»?

«Антиностальгин»

Заклеенную коробку с таким названием Владимир Войнович получил перед самым отъездом от кого-то из друзей. С инструкцией по пользованию: открыть, когда тоска по Родине станет нестерпимой.

Однажды тоска по Родине стала нестерпимой, и Войнович открыл коробку.

Там лежали пластинки с полным комплектом речей Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева.

Ностальгию эти виниловые таблетки, конечно, не вылечили, но острую боль сняли...

Славное отродье

«Письма трудящихся» — жанр непревзойденной пошлости.

В 1968 году такие погромные письма стали приходить советским диссидентам Павлу Литвинову и Ларисе Богораз.

Написаны все они были на одной и той же дорогой бумаге, одним и тем же почерком...

Неизвестный служивый трудящийся трудился изо всех сил, но в меру ума. В письме Литвинову, внуку легендарного советского министра иностранных дел, сказано было: «Зачем, жидовское отродье, позоришь память своего славного деда?».

Хроника текущих событий

Из рассказов жены:

— Самые смелые политические разговоры в нашей семье вел дедушка. Иногда за ужином он вздыхал и говорил: «Да-а...».

Дед журналиста Валерия Панюшкина, военный врач, в сорок третьем году чуть было не пошел под трибунал за то, что отправил на операцию раненого немца раньше раненого советского бойца. Дед был человеком старой школы и сортировал раненых по тяжести ранения...

К началу восьмидесятых он дослужился, однако, до начальника окружного Ленинградского госпиталя, — то есть, как поясняет Панюшкин-внук, стал человеком необычайно влиятельным: к нему приезжал лечиться от боевой гонореи весь советский генералитет...

Вот кто был хранителем настоящих военных тайн!

Но история не про интимную жизнь генералитета, а про социальные рефлексy старшего поколения...

Как-то раз юный Валера, приехав погостить к дедушке в Ленинград, пошел на какую-то тусовку — и наметилось там у Валеры романтическое приключение. Он позвонил деду-генералу и предупредил, что ночевать не придет.

Романтика, однако, обломилась — причем обломилась, когда мосты уже развели. Хорошо подмерзший Валера достиг дома глубокой ночью. Будить деда было неловко, но не куковать же до утра в парадном...

Он позвонил в дверь. Ответом была тишина. Он позвонил еще раз.

Потом начал стучать в дверь.

Потом сбегал вниз и позвонил из автомата. Трубку никто не снимал.

Панюшкин-внук не на шутку встревожился: все-таки старый человек... мало ли что может случиться? Жив ли вообще дед? Он еще несколько раз сбегал наверх к двери и обратно к телефонной будке, слушал гудки и снова бежал наверх, колотил в дверь и опять устремлялся к автомату...

Так продолжалось минут двадцать.

Он колотил в дверь, когда дверь вдруг распахнулась, и в лицо Валере ударили клубы дыма.

На пороге стоял дед — в ватнике, ушанке и в сапогах. В руках был «тревожный» чемоданчик. За спиной в дыму еле виднелась квартира.

Пауза длилась несколько секунд.

— Идиот, — наконец сказал дед. — Ты знаешь, кто звонит в дверь в три часа ночи?

...Пока Валера рвался в помещение, дед, тетрадь за тетрадью, аккуратно жег свои дневники, начиная с военных лет.

А дело было — уже при Горбачеве.

Инновация и эволюция

Диссидент Борис Шрагин утверждал, что советская власть вывела два новых типа людей: пьющий еврей и неработающий латыш...

При этом всякая попытка эволюции была заведомо обречена.

— Вступить в партию, — говорил правозащитник Анатолий Якобсон, — это как переспать с сифилитичкой: и ее не вылечишь, и сам заразишься...

Диссидента Валерия Ронкина, сидевшего во Владимирской тюрьме, за новые подвиги сопротивления перевели в штрафной изолятор, — и через день об этом сообщил «Голос Америки».

Хозяин (так на сленге называется начальник зоны) пришел в ярость и вызвал Ронкина к себе.

— Я не спрашиваю у тебя, кто передал, — сказал он. — Только скажи: это из молодой смены конвоя — или из старой?

В ответ Ронкин ознакомил Хозяина с действующими расценками:

— Молодые, — сказал он, — передадут за пять рублей. Старые — за десятку. А за пятьдесят рублей — вы побежите к Сахарову сами!

Ужасы царизма

Стиль — великое дело.

Политзек Габриэль Суперфин, в отличие от Ронкина, лагерному начальству не хамил, а только норовил исподтишка повысить образовательный уровень своих охранников.

— В Шлиссельбурге, — рассказывал Хозяину Габриэль, — в камерах было темно. Политические в знак протеста стали жечь бумагу. Вот вы бы что после этого сделали?

Хозяин не думал ни секунды:

— Всех в ШИЗО на неделю!

— Вот, — согласился Суперфин. — А в Шлиссельбурге провели в камеры электрическое освещение!

Все познается в сравнении

Звоню Арсению Борисовичу Рогинскому, главе правозащитного центра «Мемориал».

— Где я вас застал?

— Да вот, сижу в очереди к стоматологу...

— Ой, — говорю, — это самое ужасное место.

— Ну, что вы, Виктор... — мягко, со знанием дела ответил Арсений Борисович, — есть места похуже.

...за антисоветскую агитацию.

Пока он сидел, в стране сменилось три Генсека.

Перед самым освобождением Арсений Борисович успел увидеть картину, ради которой стоило идти на зону. Вернувшись с партсобрания, пьяный замполит полез снимать со стены в Ленинской комнате стенд «Моральный кодекс строителя коммунизма».

— Что это вы делаете? — удивился Рогинский.

— Ус-старело... — с чувством выговорил бывший строитель коммунизма.

Нарушение режима

Юного Андрея Кима арестовали на антилукашенковской демонстрации в Минске — и осудили за избиение милиционера. В качестве доказательства в суде фигурировала пленка, на которой милиционеры били самого Кима.

Он получил за это полтора года колонии.

Его история стала известна в правозащитных кругах, и вскоре Андрею пришла открытка из России, от Сусанны Пичуро, отсидевшей свое еще при Сталине. «От старой политзэчки», — было написано в той открытке.

Андрея вызвали к начальнику колонии, и строго спросили его:

— Вы знаете, что переписка между заключенными запрещена?

С другой стороны

Раз в год в конце октября к Соловецкому камню на Лубянке приходят потомки репрессированных и по очереди зачитывают бесконечный список, добавляя имена от себя. И целый день у памятного камня звучит: мой дед... мой отец... мой прадед...

Расстрелян... расстрелян... расстрелян...

И вот однажды случилось поразительное. Отстояв трехчасовую очередь, к камню вышла статная дама и сказала:

— А у меня в семье репрессированных не было. Я вообще... другую сторону представляю!

И разрыдалась. И сквозь слезы начала читать имена.

На дворе стоял 1976 год.

Девушка в ленинградском метро читала книгу.

Обложки была предусмотрительно завернута в газетную обертку... Бумага была не по-советски белой... Издательство «Ардис», поди, подумал Вадим Жук — и осторожно заглянул через девушкино плечо.

Он даже не удивился тому, что книга была — про лагерь. Первыми строками, которые бросились в глаза Вадиму Семеновичу, были строки о переводе какой-то девушки к «политическим»...

Отважная книгочейка читала это в заполненном советском метро, и сердце Вадима Жука захолонуло от чужой отваги.

Со всей осторожностью он снова заглянул в текст.

Это было «Воскресение» Льва Толстого.

Мероприятие называлось — «еврейская маевка».

Посреди позднего выморочного «совка» группа отважных во главе с легендарным Микой Членовым постигала основы сионизма. На еврейскую пасху они снимали какой-то санаторий на подмосковной станции Овражки — и злоупотребляли песахом.

Но русское гуманитарное образование давало себя знать...

Лена М. ехала в электричке вместе с товарищами по еврейству — и держала в руках томик «Евгения Онегина».

— Что читаешь? — спросил у нее старший товарищ.

— Пушкина, — призналась юная Лена.

— Разве Пушкин вывел тебя из Египта? — строго спросил сионист-наставник.

Лишняя деталь

Сегодня N. живет в Квебеке.

А в начале восьмидесятых он жил в Москве, где и был посажен за преподавание иврита.

Незадолго до посадки, в 1978 году, он пришел на вступительные экзамены на физтех МГУ — в кипе... И его приятель прокомментировал это вполне философски: можно подумать, если бы он пришел без кипы, его бы приняли!

Два чемпиона

Разошедшись с учеником во взглядах на сталинизм, Ботвинник начал подвергать Каспарова критике и по другим направлениям. Дошло дело и до принципиальности в национальном вопросе.

— Я ведь тоже мог взять фамилию матери! — возмущался Михаил Моисеевич. — Но ведь не взял!

— А как фамилия вашей матери? — неосторожно поинтересовался кто-то.

Оказалось: Рабинович.

Неожиданный ход

Шла решающая партия матча Ботвинник — Бронштейн за звание чемпиона мира.

Ботвинник записал отложенный ход — и целую ночь потом его друг и секундант, гроссмейстер Сало Флор, анализировал позицию, ища пути к выигрышу...

Наступил день доигрывания. Вскрыли конверт. Рукой Ботвинника там был записан ход, не имевший никакого отношения к тому, исходя из которого всю ночь ломал голову его друг и секундант.

Михаил Моисеевич признался ему в этом только перед самым выходом на доигрывание, и Флор заплакал.

— Извини, Соломончик, — сказал Ботвинник, выйдя со сцены после выигранной партии. — Никому нельзя доверять!

«...тут же согласился на ничью!»

Борясь с «гроссмейстерскими» ничьими, ФИДЕ приняла правило не фиксировать ничейных результатов раньше пятнадцатого хода.

У желающих по-тихому поделить очки это нововведение никаких затруднений не вызвало: они аккуратно шли на разменный вариант, «дохаживали» до шестнадцатого хода — и отправлялись отдыхать.

Но кошмарный гений Бобби Фишера не знал компромиссов, и однажды он предложил сопернику ничью на тринадцатом ходу. Соперник, не будь дурак, согласился, — не согласился судья!

Подойдя, он предложил игрокам сделать еще по паре ходов, чистая формальность...

Фишер делать ходы отказался!

— Но по правилам ФИДЕ... — начал было судья.

— Я лучше ФИДЕ знаю, когда ничья, а когда не ничья! — вскричал Фишер.

И ведь был прав!

Оценка позиции

Гроссмейстер, чемпион Европы Эмиль Сутовский позвал меня комментировать вместе с ним «Мемориал Таля». То есть, реальность на досках, разумеется, комментировал он, — я был призван поработать дилетантом для поддержания диалога.

После тура даем интервью.

— Я понимаю в шахматах в сто раз меньше Эмиля... — начал я.

Чемпион Европы тонко улыбнулся:

— Виктор, вы себе льстите...

Международный мастер У. в детстве занимался в шахматной школе Ботвинника вместе с Гарри Каспаровым. Они встретились спустя много лет в Нью-Йорке, куда Каспаров прилетел уже чемпионом мира.

Темперамент Гарри Кимовича уже тогда простирался далеко за пределы черно-белых клеток, и он начал мучить приятеля вопросами об устройстве заокеанской жизни, но на все вопросы получал один и тот же ответ:

— Я в этом не разбираюсь.

— А в чем ты разбираешься? — спросил наконец Каспаров.

Международный мастер У., рассказывавший эту историю, закончил ее прелестно:

«Я хотел ответить: в шахматах, но постеснялся...»

Соленые яблоки

Гастроли в Северной Корее надолго запомнились оркестру Павла Когана. Такое действительно хрен забудешь...

За изъятием в аэропорту Пхеньяна мобильных телефонов последовало обязательное, без заезда в отель, возложение цветов к подножию золотого памятника основателю концлагеря.

Показывая размер ноги, к которой он возлагал посольскую икебану, Коган растопыривал руки, как потерявший совесть рыбак.

От ноги их повезли в долгожданный отель, который, как всё здесь, оказался разновидностью тюрьмы. С трех сторон здание огибала река; с четвертой оно было отсечено от мира колючей проволокой.

Уровень отеля Павел Леонидович определил как твердые «две звезды», но все испугала отзывчивость персонала: стоило ему чертыхнуться насчет влажных полотенец, как дверь открылась и появилась горничная (в чине не ниже лейтенанта) с сухими полотенцами.

Тут самое время заметить, что чертыхался Коган в собственном номере, за закрытыми дверями.

Вечером Коган проверял здешнюю акустику уже нарочно. После концерта в том же номере, в кругу музыкантов, он поднял торжественный тост за Северную Корею: какая чудесная страна, и как тут все хорошо, и как повезло здешнему народу с руководителями, короче — век бы отсюда не уезжать, и только одно омрачает праздник: здесь не посыпают яблоки солью!

А мы, русские, так любим посыпать яблоки солью! Жить без этого не можем.

Сказавши это, дирижер засек время и уставился на дверь. Через три минуты в дверь постучали — и внесли яблоки, щедро посыпанные солью.

И вот я думаю: кто же в этой истории пошутил последним — Павел Коган или органы северокорейской госбезопасности?

Как известно, у любой проблемы есть три решения — правильное, неправильное и так, как ее решат военные...

Мьянме в наследство от английской колонизации достались автомобили с правым рулем и левостороннее движение. Пришедшие к власти военные, в пику англичанам, поменяли движение на правостороннее. Британская корона этот удар выдержала, а вот в Мьянме резко увеличилась аварийность: автомобили-то остались какие были — с правым рулем!

В основном под колеса начали попадать, разумеется, многочисленные местные велосипедисты.

Что сделали военные, когда под руководящие фуражки дошла информация о человеческих потерях в процессе борьбы с британским влиянием? Восстановили левостороннее движение? Организовали переход на автомобили с левым рулем?

Хрена с два!

Запретили велосипеды.

Форма стола и форма головы

— У вас стол хромой. Все шатается! — грозно указал посетитель.

— Я передам менеджеру, — смиренно поклонилась официантка.

— Мне по барабану ваш менеджер! — заявил посетитель. — Я полковник! Я в следующий раз приду — этот стол вам на голову надену!

Вот интересно все-таки: почему как полковник, так непременно надевание стола на голову? Может быть, есть другие способы добиться ровной поверхности?

Уходя, он остановился возле клетки с попугаем и, просунув палец через прутья, пытался достать им до птицы...

Белка и Кабан

Стихи, как сказано, растут из сора. А репризы просто лежат под ногами...
Как говорится, найдите десять отличий!

ПРИЛОЖЕНИЕ Из цикла Театр «Черные ходики» В МИРЕ ЖИВОТНЫХ

(радиоперехват)

— Кабан, Кабан, я — Белка. Как слышишь меня? Прием.

— Белка, слышу тебя хорошо. Ты где? Прием.

— Кабан, лечу за тобой, за тобой лечу, как понял? Прием.

— Белка, я Кабан, не понял, зачем летишь за мной. Прием.

— Кабан, повтори вопрос! Вопрос повтори! Прием.

— Зачем ты, Белка, летишь за мной, Кабаном?..

— Не знаю, Кабан! Приказ Хорька. Как понял? Прием.

— Ни хера не понял! Какого Хорька? Белка, я Кабан, кто такой Хорек? Кто это? Прием.

— Кабан, ты дятел! Как понял? Прием.

— Понял тебя, Белка. Я — Дятел. Повторяю вопрос про хорька. Кто это?

— Кабан, сука, ты всех заманал, лети молча! Конец связи.

Это — диалог моего сочинения. Хотя, по большому счету, не вполне моего...

На авиационно-зоологическую тему я расфантазировался, вспомнив рассказ моего старинного друга Саши Перова. Его детство прошло в знаменитой Кубинке под Москвой, среди летчиков-испытателей, одним из которых был его отец.

А рассказ такой. Как-то раз в Кубинку приехал с инспекцией генерал. Генерал был воевавший, сам знатный летчик. И вот, уже на летном поле, в кабине истребителя, он забыл свой позывной.

А позывной был — Барсук-58.

— Я... — сказал генерал и замолчал.

— Я-я... — протянул он снова.

Он ждал, что ему подскажут позывной, но остальные «барсуки» радостно молчали в кабинах своих истребителей. И, не дождавшись помощи от проверяемых, генерал решил попробовать наугад:

— Я... — Кабан. Разрешите выруливать.

И, вместо сухого «выруливание разрешаю», услышал в наушниках доброжелательное, но недвусмысленное:

— Выруливай, кабан...

И сорок минут после этого пролетал Кабаном, под стиснутые от смеха зубы личного состава Кубинки.

Испытатель с прибором

Легендарный летчик-испытатель Анатолий Квочур на разборе полета делился ощущениями от новой машины. Машина Квочуру не понравилась.

Конструкторы, задетые за живое, потребовали, чтобы испытатель аргументировал свои выводы: из показаний какого прибора он сделал вывод о несовершенстве машины?

В ответ Квочур повернулся к комиссии задом и похлопал себя по соответствующей части комбинезона:

— Вот он, мой прибор!

Как оказалось, именно этот прибор обладал наибольшей чуткостью: ближайшие полеты выявили в машине серьезный дефект.

Дело было в семидесятых. Старший лейтенант ракетных войск Кабаков сидел на ночном дежурстве. Сидел, никого не трогал, читал роман «Женщина в песках», только что опубликованный в журнале «Иностранная литература».

И, видать, углубился.

Потому что, когда зазвонил телефон, он нашарил трубку и, не выходя из песков, задумчиво произнес:

— Алло.

А звонил генерал, командир дивизии. Собственно, кто еще мог звонить по этому телефону? Услышав вместо чеканного доклада вялое «алло», генерал сильно удивился, а потом уточнил:

— Лейтенант, вы с ума сошли?

— Виноват, товарищ генерал! — очнулся Кабаков. — Зачитался!

Между песками и концепцией ядерного сдерживания повисла глубокая пауза.

— А что вы читаете? — выйдя из паузы, спросил генерал.

Кабаков доложил по форме:

— Кобо Абэ, товарищ генерал! Японский писатель. «Женщина в песках», журнал «Иностранная литература».

— Интересно?

— Очень, — признался Кабаков.

И генерал, еще помолчав, спросил:

— Дадите почитать?

За жалкие гроши

В восемьдесят девятом корреспондент «Красной звезды» Александр Гольц отправился в Афган писать про вывод советских войск.

С командировочным удостоверением в руках Гольц явился к посольскому финансисту, и тот начал отсчитывать афгани — промасленные, ветхие, чуть ли не распадающиеся в руках. Потом спохватился:

— Вы на сколько дней приехали?

— На четыре.

— Что ж я вам сразу всю сумму выдаю? Вас же могут завтра убить, взять в плен...

Покачивая головой и поражаясь широте своей натуры, финансист отвесил корреспонденту полкило мятых афганей. Афгани эти стоили не дороже песка под ногами — в лавках их принимали на объем. На полученную Гольцем охапку дензнаков можно было пару раз поесть...

Наутро случился парад войск Наджибуллы. Рядом работали американские телевизионщики. И вот, улучшая позицию для съемки, вольные заокеанские журналисты зашли за черту, определенную афганской охраной...

Лишнего слова не говоря, обкуренные бойцы Наджибуллы набросились на нарушителей и начали метелить их прикладами.

Гольц с товарищем кинулись выручать коллег — и не без труда отбили их у классово близких дикарей.

Вечером американцы поили спасителей в своем корпункте, и избитый си-эн-эновец горько жаловался корреспондентам «Красной звезды» на свою несчастную жизнь:

— За какую-то долбанную тысячу баксов в день... — говорил он...

Масштаб удара

Дело было в Одессе, на «Юморине» какого-то девяносто-раннего года. В застолье рядом со Жванецким сидел немолодой молчаливый мужчина со звездой Героя Советского Союза на лацкане пиджака.

Это был капитан ядерной подлодки.

И какая-то женщина за столом, кокетничая, сказала своему соседу, указывая на капитана:

— Вот я сейчас пожалуюсь на вас Семену Ивановичу, и он вас убьет!

Герой-подводник сухо ответил:

— Я с людьми не воюю.

Ну да. Нужно будет стереть в пыль континент-другой — зовите.

Границы гостеприимства

В глубоко советские времена один ответственный партийный работник был послан с миссией в Иерусалим; обсуждались имущественные вопросы, связанные с владениями Русской православной церкви...

Но наш рассказ не о недвижимости, а в некотором смысле — совсем напротив.

Ужинает, стало быть, наш ответственный работник в монастыре, беседует с батюшкой на хозяйственные темы. И прислуживает им за столом монахиня таких женских статей, что имущественные вопросы быстро вылетают у гостя из головы.

Тут следует заметить, что герой этого рассказа в периоды, свободные от партийных поручений, был вполне практикующим мужчиной. Батюшка же при появлениях прислужницы сохранял полнейшее спокойствие, будучи, видимо, целиком погружен в православие.

Следует заметить, что за монастырским столом они не только ели, но и обильно пили, и отнюдь не святую воду, отчего быстро сблизились. Поэтому через какое-то время, уже ближе к ночи (а ночевать ответственный работник оставался в монастыре), наш герой, проводив прислужницу выразительным взглядом, поинтересовался:

— Батюшка, а как у вас насчет гостеприимства?

И батюшка ответил на это с христианской прямоотой:

— Гостеприимство мое безгранично, но баба эта — моя.

Видный деятель РПЦ

...выпив, расслабленно рассуждал на любимую тему.

— Да, евреи распяли Христа, — сказал он меланхолично и вдруг смолк, формулируя что-то заветное. И сформулировал: — Ну а не распяли бы они его — и где бы я сейчас работал?

Взгляд снаружи

Крупный российский церковник, прилетев на Святую землю, приватно посетовал:
— Что-то вы, евреи, обращаетесь с арабами не по-христиански...

Как я рисковал жизнью

Весной 2004 года израильтяне убили шейха-террориста Ясина, забыв согласовать со мной дату этого мероприятия. А у меня как раз в эти дни планировалось выступление в Тель-Авиве.

ХАМАС пообещал немедленно залить Средиземное море еврейской кровью, и моя мама взмолилась, чтобы я не летел в Израиль.

Я-то, напротив, понимал, что как раз в эти дни в Тель-Авиве все будет под полным контролем, но мама твердо пообещала, что если я полечу, то вернусь на ее похороны...

А моя мама — это вам не ХАМАС: пообещала — сделает.

Выступление я отменил.

В Израиле в эти дни не случилось ровным счетом ничего. В Москве все тоже было в рамках нормы: несколько убийств, дюжина грабежей, два десятка хулиганских нападения...

И я сказал маме: смотри, как я из-за тебя рисковал жизнью!

В конце восьмидесятых пожилая благородная дама полетела в гости к родственнице в Израиль.

— Серебряные ложки везете? — строго спросил у нее таможенник.

Дама огорчилась:

— Я не знала, что нужно...

Мой коллега и приятель Саша Рыклин шел по Манхеттену и хотел курить. А там с этим строго. Прямо сказать, терроризируют людей.

И вот он видит: на углу у каких-то дверей тусуется группа молодежи, стоят, покуривают. Рыклин с облегчением пристроился рядышком и задымил в полной безопасности. Стоит, портит здоровье в свое удовольствие.

Тут к подъезду подкатывает тачка, из нее выходит человек и сквозь толпу идет к дверям. Взгляд его на секунду цепляется за Рыклина; почти не тормозя, человек с легким жестом руки бросает:

— *Come on!* — и исчезает в дверях.

Заинтригованный Рыклин, разумеется, сделал что сказали, то есть пошел следом.

Они поднялись на какой-то двузначный манхеттенский этаж, миновали просторную приемную с секретаршей и вошли в большой кабинет. Хозяин кабинета пригласил Рыклина сесть, секретарша принесла кофе, и некоторое время, доброжелательно улыбаясь, они вели бессмысленный американский разговор из цикла «how are you — fine».

Рыклин никуда не спешил, хозяин кабинета тоже.

Первый осмысленный вопрос был задан через несколько минут.

— Почему я вас не видел раньше? — спросил хозяин кабинета.

Рыклин затруднился с ответом, и хозяин кабинета уточнил вопрос:

— Где вы пели?

Это был кастинг для бродвейских шоу.

Пристроился покурить, называется.

— В Америке-то что творится! — сказала немолодая женщина, разносившая десерт.

Дело было в закрытом московском клубе. Мы сидели за столом — я и хозяйка клуба, видная бизнес-леди; мне предлагалось написать сценарий для какой-то церемонии.

С компотом в руке я лениво вышел в холл, к телевизору — посмотреть, что там произошло, в Америке. Думаю, опять какой-нибудь школьник расстрелял одноклассников. Или наводнение... Что у них там еще может случиться?

В большом телевизоре чадно горела башня. Я ее узнал, но не понял, что это значит. В соседнюю башню на моих глазах влетел самолет. Потом в окне отчаянно и долго махал чем-то белым человек. Потом башня начала оседать в клубах апокалиптической пыли...

Я видел логотип CNN, видел плашку «live» в углу экрана, я слышал голос диктора, но ничего не понимал.

Прошел почти час. Я уже ехал домой, но все еще ничего не понимал. Психика — ломкая вещь; на серьезные перемены реагирует медленно, впускает реальность внутрь осторожно, маленькими порциями...

— Ты в порядке? — нервно спросила жена, дозвонившись мужу на мобильный.

— Конечно, дорогая, — спокойно ответил муж, — все хорошо, я на работе.

— А-а... Ну работай... — ядовито разрешила супруга и с облегчением повесила трубку.

Дело было в Нью-Йорке утром 11 сентября 2001 года; ничего не ведавший муж работал в тех самых «башнях-близнецах».

Мало кто сходил «налево» так вовремя!

На следующий день

...после трагедии с башнями-близнецами молодой эмигрант из России встретил на бостонской улице пожилую знакомую.

— Ну что, Яшенька, — сказала она, остановившись. — Опять не там живем?

Дело было в Штатах. У одного нашего (слабо говорившего по-английски, а по-американски не понимавшего вообще ни слова) прихватило сердце. Он набрал номер 911, о существовании которого знал по одноименному сериалу — и вскоре действительно приехала «скорая».

Больше жестами, чем словами, россиянин объяснил: сердце. Его отвезли в больницу, поставили капельницу... Весь в испарине, он лежал, не имея ни сил, ни возможности что-либо попросить.

И долежался.

Над каталкой склонился здоровенный негр в зеленом врачебном халате и на чистом русском спросил:

— Ну что, браток, хуево тебе?

«И я понял, что я умер», — описывал впоследствии свои ощущения оклемавшийся пациент.

Но это был не ангел, а медбрат, специально вызванный администрацией больницы для общения с русскоязычным пациентом.

Он закончил медучилище в Тамбове.

...есть кафе с людоедской ориентацией — «Татьяна гриль».

Смесь английских корней с русской грамматикой образует здесь коктейль немыслимой силы. Я лично беседовал с дамой, не желавшей больше «драйвать юзаный кар».

Главное на этих берегах — не комплексовать при устной речи и не краснеть понапрасну, когда эту речь слышишь: просьба «кольни мне в мандей» означает предложение позвонить в понедельник, не более того...

Иногда, впрочем, и на русскую речь ложится английская калька, чем не на шутку напугал меня однажды шофер, сообщивший жене:

— Я не могу с тобой говорить, я сейчас имею клиента!

Ужас. Я думал, что просто еду по Нью-Йорку, а меня в это время имели...

Цена приставки

Дело было в Денвере.

— Здесь не Москва, — строго предупредил меня русский водитель, когда я сел рядом. —

Застегнитесь!

Я судорожно зашарил руками в районе ширинки.

Он с интересом понаблюдал за моими манипуляциями и повторил просьбу:

— Ремень застегните!

...язык тоже все время находится в развитии... То есть вроде бы еще русский, но уже не поручусь:

— У нее была удачная опция: выйти замуж...

Тяжелый случай

Услышав краем уха фразу «я вчера маму убил», похолодел я напрасно: разговаривали программисты...

...гуляя по Чистопрудному бульвару, я все не мог понять, что значит надпись возле памятника Грибоедову, и почему взрослые над нею смеются.

Написано было (и написано до сих пор, разумеется): «Отливал Лукьянов».

...не только велик, свободен и могуч, но и фантастически легок на поворотах. А уж когда существительное становится причастием, жди чудес!

Жена мечтательно повторила за футбольным комментатором: «Молодой, талантливый, нападающий...»

Сообщение об авиакатастрофе

...ведущая новостей закончила так:

— Самолет рассыпался в воздухе. Детали у нашего корреспондента...

Образы

...обогащают речь; иногда — в непредсказуемом направлении:

— Нас тут, образно говоря, восемь человек...

Страшноватый транспарант

...на девятое мая увидели однажды харьковчане: «Привет освободителям Харькова от немецко-фашистских захватчиков!»

Осторожнее надо с родительным падежом.

А еще...

...в русском языке есть творительный падеж:

— Работаю сейчас в ресторане «Ханой».

— Кем-кем?

Главное правило

Российнин N., эмигрировав в Штаты, через какое-то время счастливо женился на девушке по имени, допустим, Джулия. И все было у них замечательно, только никак не могли забеременеть. И полетели в Россию, где приятель N. как раз был светилом по этой проблематике.

И все у них получилось!

Российский врач вел Джулию до девятого месяца, — но рожать, понятное дело, супруги полетели домой, в Штаты. С твердым наказом от доктора: ежели чего, в любое время звонить ему. И вот, однажды Джулию что-то встревожило, и она позвонила в Россию...

Вернувшийся с работы муж застал жену в рыданиях: доктор запретил ей мочеиспускание!

— Как?

— Запретил мочеиспускание! А я больше не могу терпеть!

— Не может быть! Ты что-то перепутала...

— Нет! Запретил мочеиспускание!

N. позвонил в Москву — там уже было раннее утро.

— Боря, что случилось? Что ты ей сказал?

Оказалось, доктор спросонья первым делом велел перепуганной женщине:

— Джулия, в нашем деле главное — не ссать!

Репутация и конвертация

Звонок. Застенчивый мужской голос.

— Простите, вы меня не знаете, ваш телефон дал мне Александр Володин...

Имя Володиной — пароль, на который нельзя не отозваться.

— Слушаю вас.

— Тут такая глупая ситуация, — виновато вздыхает трубка, и становится слышно, как там, на другом конце провода, человек переживает неловкость своего звонка. — Я в Москве, у меня украли деньги... Не хватает на билет. Я сразу, как приеду домой, верну.

Рекомендация Александра Моисеевича делает отказ невозможным.

— Разумеется!

— Буквально сто рублей...

— Ну, о чем речь!

Договариваемся о встрече. При встрече я силком впихиваю в незнакомую руку вместо ста рублей двести. Немолодой разночинец (тип сельского учителя) от двухсот сначала отказывается в некотором даже ужасе, но потом ужас преодолевает и деньги берет.

Он несколько раз повторяет слова благодарности и довольно сильно волнуется насчет скорости возвращения долга. Он готов послать деньги сразу же, в день приезда, но нужен мой почтовый адрес.

— Отдайте Александру Моисеевичу, — говорю я, млея от собственного ума и благородства. — А я потом у него возьму.

— Да? — радуется человек. — Хорошо. Я — завтра же!

На прощанье он совершает в мою сторону несколько поясных поклонов. Я взаимным образом кланяюсь в адрес нашего общего друга, великого драматурга Володиной. Действие происходит на троллейбусной остановке, и публика с интересом наблюдает за сеансом этого невыносимого человеколюбия.

Через пару недель звонит Татьяна Александровна Гердт.

— Витя! Я хочу вас предостеречь. Вам будет звонить человек от Володиной, просить денег...

— Уже.

— И вы дали?

— Разумеется.

— Витя! Это жулик!

...Немолодой разночинец с лицом сельского учителя взял деньги у Табакова, взял у Юрского, взял у Камбуровой, взял в «Современнике», взял в театре «Сатириконе», взял у вдовы Зиновия Гердта и вдовы Михаила Львовского! И ни один человек ему не отказал, и каждый норовил дать денег побольше...

Отсвет володинского благородства сиял на челе жулика, ослепляя окружающих.

Вот что такое — репутация.

И вот что такое — психологический расчет.

Пойди и утопись

Однажды (дело было в середине шестидесятых) ведущих советских драматургов позвали к министру культуры Фурцевой, и та прямо спросила: чем мы можем вам помочь, наши дорогие лучшие советские драматурги?

Дело было накануне съезда КПСС, и у партии ненадолго открылись квоты на заботу об интеллигенции.

Лучшие советские драматурги не стали скрывать от партии свои нужды.

Один из них как раз работал над пьесой о рабочем классе, — но так трудно думать о рабочем классе в этих жилищных условиях! Другой многие годы осваивал ленинскую тему, и муза настоятельно влекла его по ленинским местам: Лондон, Цюрих... Третий, четвертый и пятый тоже поделились с партией и правительством своими творческими нуждами: отсутствие дачи, маленькие авторские проценты, недостаточные тиражи...

Фурцева кивала головой, записывала...

А шестым как раз сидел Александр Моисеевич Володин. Перед походом к начальству для снятия стресса он принял на грудь, но анестезия не помогла, и жалобы товарищей по цеху сорвали резьбу.

— Ничего нам от вас не нужно! — вскричал Володин. — Не трогайте нас, не мешайте нам писать, оставьте нас в покое!..

Ни один мускул не дрогнул на лице министра культуры. Дождавшись конца володинской истерики, Фурцева ласково поинтересовалась:

— Александр Моисеевич, скажите: вы спортом занимаетесь?

— Нет, — ответил опешивший Володин.

— Ну вот видите, — укоризненно покачала головой Фурцева, — до чего вы себя довели! Устали, нервы расшатаны... Так нельзя. Вы наша гордость, фронтовик, замечательный драматург... Надо следить за здоровьем!

И, подумав секунду, объявила:

— Мы вас запишем в бассейн!

И Володина записали в бассейн.

Володин. Утро восьмидесятилетия

Отмечать юбилей он начал уже накануне. Впрочем, совсем трезвым в поздние годы Александр Моисеевич уже не бывал, а незадолго до смерти перестал и закусывать...

В последний раз я видел его за месяц с небольшим до смерти. Володин лежал на кушетке, а рядом на столике стоял графинчик с водочкой и стопка. Время от времени Александр Моисеевич отпивал из стопки, как отпивают лекарство.

В каком-то смысле это и было лекарством.

Никакого блюдечка, хоть с кусочком сыра, на столике замечено не было.

Но это — уже совсем перед концом, а за два года до того, в день своего восьмидесятилетия, Володин был разбужен в восемь утра звонком в дверь.

— Кто? — спросил он.

— Телеграмма, — ответили из-за двери.

— Положите в почтовый ящик, — попросил Володин.

— Не могу, — ответили из-за двери. — Это телеграмма от президента России!

Полуголый классик приоткрыл дверь; прячась за ней, через порог, черкнул корючку в почтальонской книжке — и втянул внутрь простыню кремлевской телеграммы с двуглавым орлом и вензелями.

— И вот, — рассказывает Володин, — я стою в трусах в коридоре и читаю: «Дорогой Александр Моисеевич! Вы зпт выдающийся российский драматург зпт автор пьес и сценариев к кинофильмам двтч фабричная девчонка зпт пять вечеров зпт...».

— Представляете, Витя? — сказал Володин. — Президент России с утра напомнил мне, кто я!

Чья вилла?

Одна западная славистка еще в молодые годы увлеклась творчеством Александра Володина. Юношеский интерес постепенно превратился в дело жизни — славистка переключилась на автора «Фабричной девчонки» полностью (что, заметим, делает честь ее вкусу).

Она публиковала статьи, переводила пьесы... Преподавала, защитила диссертацию...

Честными трудами по изучению Володина славистка скопила денег и купила дом на Адриатике, небольшую виллу на берегу моря. О чем добросердечно сообщила Александру Моисеевичу, доживавшему свой восьмой десяток лет в двухкомнатной квартире на Петроградской стороне...

Володин, часто помогавший женщинам, об этом случае рассказывал с особенной гордостью.

Виктор Астафьев

Журналист Георгий Елин, работая над материалом о классике, с ним подружился. И как-то раз Виктор Петрович позвал его составить ему компанию; а шел он в гости к своему приятелю, там же, в красноярской Овсянке...

— Но только, — предупредил Виктор Петрович, — ты при нем плохо о евреях не говори. Он их любит отчего-то.

(Астафьев был, как видно, толерантный человек — и был способен на дружбу с человеком, который любит евреев.)

На астафьевское предупреждение Жора Елин среагировал вполне честно.

— А чего мне плохо о них говорить — я к ним нормально отношусь.

— Да ну! — Астафьев поразился такой концентрации юдофилов в Овсянке и даже задумался.

— Виктор Петрович, — сказал Жора, осторожно ступая на заминированное поле. — Ну смотрите: вот, например, Бакланов... Хороший человек?

— Гришка? — переспросил Астафьев. — Гришка человек золотой!

— Ну вот видите, — сказал Елин. — А ведь он — еврей!

И тут классик, что называется, закрыл тему:

— Гришка такой хороший человек, что даже не еврей!

Подвел друга

В глубоко советские времена на каком-то кинофестивале сошлись и подружились два режиссера, оба фронтовики: Генрих Габай и другой, фамилию которого, увы, унесла Лета.

Всю неделю они были неразлейвода: пили, вспоминали молодость... Выяснилось, что и воевали неподалеку... И уже чуть ли не в день закрытия фестиваля Габай вдруг обнаружил друга замкнувшимся и хмуро пьющим в одиночку.

Причину разительной перемены удалось выковырять из боевого товарища не сразу.

— Мне сказали — ты еврей... Правда?

В глазах друга еще жила надежда, но Габай безжалостно разрушил ее:

— Ну, еврей. И что?

— Эх, Габай, Габай... — простонал боевой товарищ, в тоске обхватив руками голову. — Огорчил ты меня, Габай!

Соборное отчество

Замминистра культуры РСФСР, вышедший с поздравлениями от правительства на семидесятилетии Райкина, упорно называл юбиляра Аркадием *Александровичем* .

Выступавший следом Утесов начал с того, что в Ленинграде стоит Исаакиевский собор — и его еще никто не переименовывал...

Знающие люди могли расслышать в этих словах печаль: сам-то Утесов переименовал себя еще в юности.

Когда приходит молодость...

В ответ на комплименты по поводу творческой формы пожилой «дядя Лёдя» Утесов сообщил юному Косте Райкину:

— Молодость, Котя, приходит с годами...

Аркадий Райкин был необычайно ревнив к чужому успеху — вплоть до того, что отбирал роли у партнеров по сцене. Иногда — целиком, как в случае со знаменитым «Авасом», игравшимся аж в трех вариантах: сначала Карцевым и Ильченко, потом Карцевым, Ильченко и Райкиным, а потом — Карцевым и Райкиным, уже без Ильченко.

А иногда худрук просто откусывал у сослуживцев самые сладкие реплики. Рассказывают, что однажды он попросил легендарную костюмершу Зину...

Нет, сейчас самое время отвлечься, чтобы рассказать, почему эта Зина — легендарная; точнее, как она легендарной стала! А стала она ею в одночасье, не пустив в райкинскую гримерную министра культуры Демичева.

Тот решил посетить артиста в антракте, а артист лежал на кушетке с привычной таблеткой валидола во рту. И Зина сказала: нельзя, он отдыхает. Ей напомнили: это министр культуры! И тогда Зина произнесла фразу, немедленно сделавшую ее легендарной.

Она сказала:

— Министров много, а Райкин один.

И встала в дверях, как триста спартанцев. И Демичев вернулся в свою ложу.

Но вернемся к истории об отнятых репликах. Однажды перед самым спектаклем Райкин попросил Зину позвать к нему в гримерную артиста N. (допустим, звали его Сережа).

— Сережа, — сказал ему Аркадий Исаакович, — какой там у тебя текст?

— Где? — уже чуя недоброе, уточнил артист.

В такой-то миниатюре, ответил Райкин.

Сережа сказал текст.

— Как-как? Еще раз...

Сережа повторил.

— Ага, — сказал художественный руководитель. — Сережа, давай сегодня я это скажу.

— Аркадий Исаакович, — взмолился артист, — но у меня только одна эта реплика и есть!

И потом, зрители так смеются...

— Сережа, — тихо уточнил Райкин, — а ты думаешь, у меня смеяться не будут?

Дружба дружбой...

Известный советский кинорежиссер обрадовал Аркадия Райкина:

— Вы — наша совесть...

Аркадий Исаакович мягко остановил эти неумеренные обобщения.

— Извините, совесть у каждого своя.

Педагогическая поэма

Юный Константин Райкин вел донжуанский дневник: записывал впечатления от начинающейся мужской жизни...

По всем законам драматургии, однажды Костя свой дневничок забыл, в раскрытом виде, на папином рабочем столе — и, вернувшись из института, обнаружил родителей, с интересом изучающих эту мемуаристику.

— Да... — сказал папа. — Молодец, Котя... Я в твои годы был скромнее, — заметил он, чуть погодя.

— Ну, ты потом наверстал, — заметила мама, чуть не испортив педагогический процесс. Но педагогический процесс только начинался: Райкин-старший вдруг сменил тему.

— Знаешь, Котя, — сообщил он, — у нас в подъезде парикмахер повесился...

«Котя» не сразу уследил за поворотом сюжета:

— Парикмахер?

— Да, — печально подтвердил Аркадий Исаакович. — Повесился парикмахер. Оставил предсмертную записку. Знаешь, что написал?

Райкин-старший взял паузу, дал ребенку время сконцентрировать внимание и закончил:

— «Всех не переброешь!»

— Но стремиться к этому все-таки надо! — смеясь, добавляет Райкин-младший, рассказывая эту поучительную историю спустя десятилетия...

Такая работа

На фестиваль «Кинотавр» привезли живого Майкла Йорка.

Неподражаемый Тибальт, уже совершенно седой, в белом полотняном костюме, стоял на лестнице у веранды летнего кафе, принимая признания в любви.

Это была работа булгаковской Маргариты на балу у сатаны: каждому уделить внимание! На чудовищном английском ему говорили комплименты, которые он знал наизусть тридцать лет, — но ни усмешки, ни гримасы нетерпения не промелькнуло на вышколенном профессией лице.

В это же время в двух шагах от Йорка группа девочек-подростков брала автограф у нашей эстрадной звезды. «Звезда» торопливо черкнула пару раз в блокнотики и раздраженно бросила:

— Ну все, хватит! Дайте отдохнуть.

И пошла по лестнице мимо артиста, о котором в силу возраста и общего развития понятия не имела. А Йорк все выслушивал слова любви и признания и улыбался в объективы «мыльниц», терпеливо дожидаясь, пока их хозяйки справятся с волнением.

Когда, дождавшись своей очереди, я спросил его, можно ли мне с ним сфотографироваться, он улыбнулся и сказал:

— Sure...

Сказал так, как будто всю жизнь мечтал только о том, чтобы сфотографироваться со мной...

Что показало вскрытие

Однажды жизнь свела режиссера Коковкина с Эдвардом Олби.

— Я ставил «Вирджинию Вульф», — сказал Коковкин. — И я уверен, что вскрыл все пласты вашей пьесы.

— Все шесть? — уточнил Олби.

Труба и человек

Как играет Диззи Гиллеспи, я знал и, конечно, видел его на классической фотографии — с трубой, вывернутой к небесам, но как выглядит Гиллеспи без трубы, с ненадутыми щеками, понятия не имел...

И вот: год, наверное, восемьдесят восьмой, железный занавес накрылся ржавым тазом, и где-то в районе полуночи по уже не совсем советскому ТВ — милости просим, оркестр Диззи Гиллеспи!

То есть, что это его оркестр, я понимаю только по титрам на старой пленке: группа черных играет какую-то вещицу, трубачей несколько, но трубы все почему-то стандартные, невыгнутые, и который среди них сам Гиллеспи, я не понимаю.

Они себе трубят, а в сторонке, возле ударных, стоит черный дядька с бубном в руке — и тихонечко подстукивает ритм, и глаз от него не оторвать. Ну так ему хорошо в этом ритме, и так он сам от этого хорош!..

Но бог с ним, с этим черным шаманом, — где же Гиллеспи? Ответа на этот вопрос нет еще две минуты — до тех пор, пока шаман не откладывает бубен и не берет в руки трубу. Ту самую, выгнутую к небесам...

Великого джазмена надо узнавать не по надутым щекам, а по драйву. Гиллеспи — он и с бубном Гиллеспи!

Впечатления от столицы

В конце девяностых в Москву приехал с концертом Рей Чарльз, слепой черный гений. На пресс-конференции у него спросили:

— Как вам понравился Кремль?

Переводчик, слава богу, выкрутился...

Причина остаться

В солнечный летний день в саду «Эрмитаж» навстречу мне под ручку шли Юрий Норштейн и Людмила Петрушевская. На Петрушевской была шляпа с большими полями, в руке — роза. Это было как-то совсем прекрасно...

Я подумал: вот почему отсюда нельзя уехать! Где еще, в каком Париже, навстречу тебе выйдет Петрушевская в шляпе и с розой в руке, и Норштейн рядом с ней... Я подумал это — и поделился с классиками своим счастливым патриотическим настроением.

И Норштейн, в пандан моей мысли, рассказал такую историю...

Стоял девяносто ранний год. Денег не было, работы не было, лекарств не было, мать тяжело болела... Москва умирала от жары. Взмывленный Норштейн носился по аптекам. И на Страстном бульваре вдруг услышал за спиной:

— Норштейн.

Это был даже не оклик, а — удивленная констатация.

Он обернулся. На скамейке сидел художник Эльдар Урманче («Гений, — утверждает Юрий Борисович, — такого мызыкального рисунка нет ни у кого!»); возле Эльдара сидел его приятель, между ними стояла початая бутылка портвейна, тут же другая, уже пустая, и пара пластиковых стаканчиков.

— Налить тебе? — спросил Урманче.

— Налить, — ответил Норштейн.

— Сколько?

— Стакан.

Эльдар налил стакан, Норштейн выпил залпом, и ему полегчало.

— Что ты здесь делаешь? — спросил Урманче. — Я думал, ты давно уехал.

А Норштейна, разумеется, звали и в Японию, и в Америку, и куда только не.

— Почему ты здесь?

И Юрий Борисович ответил:

— Потому что только здесь я могу, идя по улице, услышать за спиной: Норштейн!

Добавлю уже от себя. Услышать за спиной «Норштейн!» — Юрий Борисович по нынешним временам может и в Новой Зеландии, но разве в Новой Зеландии выпьешь на скамеечке из пластикового стакана с родным гением, живущим по соседству?

«Я завоевал славу русскому искусству», —

сообщил интервьюеру Илья Глазунов.

Ну слава богу.

До Глазунова, действительно, рисовали в России слабенько. Суриков, Репин, Коровин, Кончаловский, Серов, Серебрякова, Фешин, Малевич, Шагал...

Вот еще несколько картинок с выставки мажорных самоощущений.

Дело было в начале девяностых. Поиски заработка завели меня в закрома одного маленького благотворительного фонда, где, как я узнал впоследствии, отмывались большие сталелитейные бабки.

Возглавлял фонд средней руки режиссер музыкального театра, крохотный человечек с гигантскими амбициями. И вот мы рассекаем Москву в его серебряном «мерседесе», и режиссер-фондовик интересуется:

— Виктор, а чем вы сейчас занимаетесь?

Да вот, говорю, делаю на Первом канале фильм про Зиновия Гердта.

Фондовик пожал плечами:

— Виктор, зачем вам Гердт? Вот же есть я!

Моя рожа расплылась в неудержимой улыбке. Я был уверен, что стал свидетелем тонкой самоироничной шутки... Слава богу, я успел удержать смех в глотке: режиссер не шутил!

Еще минут пять потом он рассказывал о себе — с нескрываемым пиететом...

Самооценка в полный рост

А эту историю рассказывал Сергей Пархоменко.

В середине девяностых в Нью-Йорке он получил гонорар на «Радио Свобода» и решил по такому случаю сей же час отправиться в универмаг «Сакс» на Пятой авеню и купить себе пиджак. Настоящий, твидовый, с замшевыми локтями!

Как у Роберта Редфорда в фильме «Уоттергейт».

Чтобы почувствовать себя наконец настоящим крутым журналистом, усмехается теперь сам Пархом...

И вот он приходит в «Сакс», находит отдел мужского платья. И видит такую картину: возле примерочной стоит в новом костюме великий музыкант Гергиев... Рукава болтаются ниже колена, штанины волочатся по паркету.

Гергиев зовет продавца и просит принести другой экземпляр.

Тот приносит. Гергиев смотрит на этикетку и говорит, что этот костюм — с пометкой «short», а ему надо — «long». Продавец вежливо поясняет, что в прошлый раз как раз и было «long», и оказалось длинно.

Гергиев настаивает, продавец повинуется...

Пархоменко, затаившись за вешалкой, давно забыл про свою твидовую мечту — не мог оторвать глаз от этой смертельной схватки самолюбия с антропологией.

Маэстро Гергиев перемерил костюмов, наверное, шесть или семь, и каждый раз требовал long, и каждый раз почему-то оказывалось длинно... Так он и ушел из универмага «Сакс» — не одетый, но не сломленный.

Самоидентификация

Модный в тусовке N. зашел в клуб и увидел красивую девушку. Мельком глянув на N., девушка его не узнала.

N., подойдя, стал разглядывать девушку в упор, и дождался внимания.

— Вы кто? — спросила девушка.

И N. ответил с поразившей меня простотой:

— Я — звезда!

После репетиции

Георгий Менглет в молодости учился у Алексея Дикого — артиста, хорошо памятного старшему поколению.

Однажды учитель попросил его о помощи.

— Менглет! — сказал он. — Пойдешь сейчас со мной. Скажешь жене, что мы двое суток репетировали у тебя дома...

По свидетельству Георгия Павловича, внешний вид учителя в этот момент очень мало соответствовал работе над образом.

— Ну как я это скажу? — попробовал слинять из сюжета Менглет. — Вы же...

— Ты артист или не артист? — возвысил голос Дикий, стараясь не дышать в сторону ученика. — Должен убедить!

Щека его (видимо, в процессе последней репетиции) была свежеизодрана женской рукой, но и попытка сослаться на это обстоятельство Менглету не удалась.

— Скажешь, что меня собака поцарапала. У тебя же есть собака!

И Менглет, заранее покрываясь потом стыда, поплелся за любимым учителем.

Они вошли в подъезд, поднялись по лестнице. Юный Менглет встал у стеночки — лжесвидетелем, ожидающим вызова для дачи показаний.

Учитель позвонил в дверь. Дверь открыла жена и, слова не говоря, залепила мужу оплеуху.

Мастер сценической паузы, народный артист СССР Алексей Денисович Дикий выждал несколько секунд, с достоинством повернулся к ученику и коротко распорядился:

— Менглет, свободен!

Страшный довод

Молодой Александр Ширвиндт пришел на службу в «Ленком» расстроенным: у него родился сын (тот самый Миша, которого сегодня каждая собака знает) — а хотели девочку...

— Шура, — успокоил его блистательный Леонид Марков, — ну что ты... Мальчик лучше девочки!

— Почему? — удивился молодой отец.

— Смотри! — охотно пояснил Марков. — Вот проходит шестнадцать лет... Ты сидишь дома, куришь трубку, пьешь кофе... Звонок в дверь. Ты открываешь. На пороге стоит твой единственный шестнадцатилетний сын, а рядом с ним девочка-одноклассница... Ну? Ведь хорошо, Шура, хорошо!

Марков дал товарищу насладиться элегической картиной будущего — и продолжил.

— Теперь — смотри. Проходит шестнадцать лет. Ты сидишь дома, куришь трубку, пьешь кофе. Звонок! Ты открываешь. На пороге стоит твоя единственная шестнадцатилетняя дочка... А рядом с нею, — закончил Марков, — стою я!

Ширвиндт утверждает: всю печаль как рукой сняло.

Грандиозный комик Филиппов знаменит был, в числе прочего, своими алкогольными способностями. Рассказывают, что однажды, уйдя в штопор на пару с поэтом Дудиным, они пропили Большую, во всех смыслах, Советскую энциклопедию.

Все шестьдесят томов.

Жена Филиппова обнаружила пропажу наутро.

— Где энциклопедия? — строго спросила она.

И Филиппов ответил:

— Мишка Дудин взял почитать!

В театре Корша служил трагик Вечеслов.

Дирекция знала, где найти его перед спектаклем: извозчик аккуратно объезжал три заранее оговоренных кабака — и трагика доставляли к служенью муз.

— Что играем? — поинтересовался однажды Вечеслов. Его уже гримировали.

— «Гамлета», — доложил верный гример-лепорелло.

— Интере-есно... — протянул трагик и, помолчав немного, сделал следующий шаг в освоении реальности. — А я кого играю?

— Да вот... собственно... его... Гамлета!

— Да? — удивился Вечеслов. — Ну хорошо...

И через пару минут попросил:

— Пьеску принеси.

Гример на подгибающихся ногах отправился к помрежу. Помреж, только что давший третий звонок, в предынфарктном состоянии прибежал с «пьеской». Вечеслов стоял уже в кулисе, мрачный и торжественный.

Он раскрыл текст, полистал его и озадаченно сообщил помрежу:

— Слушай, а пьеска-то — в стихах!

И пошел играть.

Попадание в жанр

В советские времена был в Одессе знаменитый концертный администратор — Дмитрий Козак, личность вполне легендарная.

И вот как-то город запестрел афишами: в Одессу пожаловали из Баку артисты эстрады... Их звали — Какалов и Кукуй!

Заинтригованный Козак пришел лично встретить артистов на вокзал.

— Вы действительно Какалов? — спросил он.

— Да.

— А вы на самом деле — Кукуй?

— Разумеется.

— Не знаю, какие вы артисты, — сказал Козак, — но фамилии у вас — кассовые!

В хорошей компании

Администратор Козак вообще умел обнадежить артистов.

Как-то, еще в его молодые годы, в Одессу приехал с концертом чтец Вячеслав Сомов.

— Дима, — с тревогой спросил он, поглядывая в окно машины, — почему в городе почти нет моих афиш?

— Не беспокойтесь, Вячеслав Вячеславович, — успокоил его юный администратор, — цыгане, лилипуты и вы — это верняк!

Злободневный репертуар

Борьба с волюнтаризмом спасла молодого Олега Табакова от неотвратимой творческой удачи: ему уже предстояло сыграть главную роль в фильме про юность Никиты Сергеевича Хрущева! Бродить среди кукурузных полей, щупать початки, смотреть вдаль оптимистичным обаятельным взглядом...

Никита Сергеевич успел утвердить кандидатуру Табакова на роль самого себя, но партия уберегла молодой талант.

Вскоре артист встретил уже пенсионера Хрущева в Малом театре. Вокруг бывшего главы государства зияла ощутимая пустота. Однако Табаков мог кое-что позволить себе и в середине шестидесятых — и к Никите Сергеевичу подошел.

Поздоровался, спросил, как жизнь...

— Да вот, Олег, — ответил Хрущев, — пришел посмотреть, как царей с работы снимают! В этот вечер в Малом театре давали «Макбета».

Фотография на счастье

А эту историю рассказывал в стародавние времена Никита Михалков — в ту пору еще любивший подтрунить в компаниях над официальным папой.

А история такая. В октябре 1964-го в коридоры Щукинского училища какая-то сорока принесла на хвосте свежую весть о том, что «Хруща снимают» — прямо в эти минуты!

Студент Никита Сергеевич, еще ребенком представленный своему полному тезке (в честь которого и был назван), помнил, что у папы на рабочем столе стоит фотография, где тот запечатлен с Хрущевым.

И студент полетел сообщить отцу горячую новость.

Он ворвался в родительский дом возбужденный: папа, ты слышал?

— Что такое? — участливо поинтересовался Сергей Владимирович. — Что с-случилось, с-сынок?

Сынок открыл рот, чтобы рассказать, что случилось, и в этот момент увидел фотографию на папином рабочем столе. На фотографии, рядом с папой, стоял Леонид Ильич Брежнев.

— Что ты так разв-волновался, сынок? — спросил папа.

Про михалковский цинизм ходят легенды, и легенды почти восхищенные. Ибо Сергей Владимирович был циник принципиальный! В его исполнении это была не пошловатая уступка обстоятельствам, а твердая жизненная позиция. Как в старом анекдоте про скорпиона и черепашку: вот такое я говно!

Многие в нашем писательском цехе поворовывают сюжетные ходы и даже тексты; но для того, чтобы миллионными тиражами опубликовать под своим именем диснеевских «Трех поросят», надо быть Сергеем Михалковым!

Рассказывают: однажды он пришел в «Детгиз» за очередным гонораром. Был день получки, и к окошечку кассы тянулась очередь. К очереди этой Герой Соцтруда подошел, разумеется, с головы, отодвинув безымянного типографского рабочего.

Кассир посмотрел в ведомость и понял, что если свои деньги возьмет Михалков, остальным можно уже не стоять. Кассир робко предложил компромиссный вариант: выдать половину суммы, а остальное — завтра.

Михалков не согласился.

Позвали главного бухгалтера — ни в какую! Пришел директора издательства: Сергей Владимирович, войдите в положение... люди, очередь... завтра привезем домой...

Герой Соцтруда был непреклонен:

— Д-давайте всё!

И тогда директор не выдержал и возопил:

— Но почему?

Михалков ответил просто и прекрасно:

— А-алчность.

Теория комического

Юмор — дитя контекста.

Глубокий старец в ответ на вопрос, как ему удалось дожить до таких пределов и сохранить ясные мозги и крепкое здоровье, отвечает:

— Я всю жизнь работал и жил честно.

Ничего смешного, только немного пошловато, не так ли?

Теперь — внимание — ввожу контекст! Эти слова в дни своего девяностолетия произнес герой предыдущих сюжетов, Сергей Владимирович Михалков.

Вот вам уже и смешно, правда?

Ромм, принимая экзамены во ВГИКе, обожал мучить абитуриентов просьбой пересказать «Анну Каренину». Коварный Михаил Ильич справедливо полагал, что в процессе пересказа образование, интеллект и вкус поступающего проявятся в достаточном объеме.

Обратился он с аналогичной просьбой и к абитуриенту Шукшину.

Шукшин, говорят, даже возмутился:

— Какая «Анна Каренина»? У нас в посевную горячего нет! Школу ремонтировать надо, котельная старая...

Присутствовавшие на экзамене, вполне сочувствуя хозяйственным трудностям советского Алтая, поняли, что во ВГИКе юноше не учиться. Но Ромм, ко всеобщему изумлению, нарисовал против его фамилии плюсик.

— Он же не читал «Анны Карениной»... — осторожно высказался кто-то.

— Да, — ответил Ромм, — но вы представляете, что будет, когда он прочитает?

Лучшее место

— Пойдемте, я нашел!

С этими словами молодой режиссер повел мэтра операторского цеха Вадима Юсова куда-то вглубь еловой чащи.

Шли минут пять, и наконец остановились на небольшой поляне. Было совсем тихо. Свет еле пробивался сквозь густые кроны.

— Ну и?.. — спросил Юсов, осмотрев пейзаж.

— Здесь мы будем снимать лирическую сцену! — сказал режиссер.

— Нет, — ответил Юсов. — Здесь мы будем проявлять пленку.

Расширение кругозора

Поезд в Нижний Новгород с гостями фестиваля «Кинотавр» должен был отойти с минуты на минуту. У окна стоял Олег Янковский; уже полчаса его донимала общением явно не самая близкая его знакомая, дама из оргкомитета.

— Как жизнь? — спросил ее, наконец, Янковский (видимо, чтобы не говорить самому).

Дама, отчаянно кокетничая, ответила:

— Помните, у Блока, Олег Иванович? «Сотри случайные черты и ты увидишь — мир прекрасен!»

Олег Иванович вздохнул и со словами: «Секундочку, сейчас запишу...» — полез в карман пиджака за блокнотом.

На левом фланге

На закрытие сочинского фестиваля приехал Вячеслав Зайцев со своим модельными девочками — праздник так праздник!

По всем законам военного искусства, девочки решили нанести массированный удар на поражение — и вышли на утренний пляж вместе. Восьмером! Они красиво разрезали толпу отдыхающих «звезд» кино и эстрады, дружно отстегнули «верх» и улеглись топлесс на краю пляжа.

Пляж накренился.

«Звезды» кинематографа, прогуливаясь вдоль моря, невзначай застревали неподалеку от новых красот... Как бы любуясь морскими просторами... Как бы увлеченные беседами об искусстве...

Когда мужчин, забывших вернуться к женам и детям, набралось с десятков, нужда в конспирации отпала сама собой — и «звезды» завели тихий мужской разговор... Подойтик оптовой «обнаженке» вплотную не рискнул, однако, никто.

И тут на пляже появился Борис Моисеев.

— Девочки, привет! — крикнул он.

— Боря! — обрадовались девочки старому знакомцу.

Через несколько секунд певец сидел рядом с ними и балагурил, бескорыстно похлопывая ближайшую «модель» по голому животу; девочки жизнерадостно смеялись...

В мужской группе за невидимым шлагбаумом раздался сдавленный стон. Моисееву было можно — нам нельзя!

И тут сюжет заложил новую петлю: сидя в недостижимом малиннике, Моисеев начал внимательно разглядывать нашу мужскую группу (да-да, пора признаться: среди гостей «Кинотавра» любовался открывшимися пейзажами и автор этих строк).

Не знаю, как остальные, а я почувствовал себя рыбой, приплывшей на живца...

Потом певец приветливо помахал нам рукой. В жесте не было ничего особенного, но в следующую секунду меня пробило незнакомое чувство: я вдруг понял, что тоже стою топлесс — и именно этим могу представлять интерес!

Ужас был кратким, но сильным, и я дезертировал с боевого дежурства на левом краю пляжа.

Не для себя

Знакомая театроведка попросила добыть ей контрамарку на спектакль, а через неделю...

Сажу в театральной библиотеке, марая бумагу. В дверях появляется моя контрамарочница, видит меня и в порыве благодарности громко, на весь зал, сообщает:

— Витя, как это было замечательно!

В библиотеке повисает окончательная тишина. Девушки перестают писать рефераты. С интересом смотрят на меня, на мою знакомую (молодую интересную брюнетку), снова на меня... Они ждут развития сюжета, и знакомая не обманывает девичьих ожиданий:

— Витя! Я хочу попросить тебя еще раз о том же, но не для себя!

Во втором часу ночи в клуб явился N. — и не один, а с девицей совершенно недвусмысленного вида; она шла в метре за его плечом, как радиоуправляемый предмет.

Гость был не чересчур трезв и очень печален, и сразу направился к стойке бара, чтобы печаль усугубить. Девица же на хороших ногах прошла к столику и села, умело продемонстрировав достоинства. Достоинства ограничивались телом — лицо у девицы было совершенно пуговичное...

А в клубе, надо заметить, знали и жену N., и некоторое количество его постоянных девушек, и ко всем относились очень хорошо. Поэтому хозяйка клуба и позволила себе окликнуть гостя не без укоризны в голосе.

N. и сам чувствовал неловкость, и, прижав руки к груди, оправдался, как мог:
— Лариса! Не со вкусом плохо — времени нет!

Это случилось давным-давно.

Автоматической телефонной связи в СССР еще не было, но девушки в номера уже ходили. Одна из них зашла в тот, где, находясь на гастролях, жил известный драматург, которого мы тактично назовем Савелий Михайлович.

Драматургия в тот вечер сложилась без его творческих усилий, сама.

Постоялец уже был в душе, когда в номере раздался звонок. Отзывчивая гостья сняла трубку и сказала «алло» (при выборе девушки драматург ориентировался не на интеллект).

А звонила меж тем — жена. Немного удивленная женским «алло» в номере мужа, она попросила к телефону Савелия Михайловича. Варианты ответа: «вы не туда попали», «вас неправильно соединили», — не так ли?

Но Савелию Михайловичу досталась честная девушка.

Она сказала: он в душе.

Когда драматург бросился к трубке, трубка уже гудела короткими возмущенными гудками.

Высказавшись по адресу птичьих мозгов, Савелий Михайлович собрался с мыслями и снова снял трубку. Попросил соединить с Москвой, назвал номер. В крепких драматургических мозгах уже сложилась версия, достойная Штирлица (которого, впрочем, в те времена еще не было, как и автоматической связи): мол, трубку взяла горничная, пришедшая убираться после того, как он заказал ужин в номер...

А он, конечно, был не в душе, а просто чистил зубы!

Верь не верь, но попробуй опровергнуть...

— Говорите, — сказала телефонистка, и в трубке щелкнуло.

— Лена? — сказал Савелий Михайлович и набрал в грудь воздух, чтобы приступить к изложению «легенды».

Но не успел.

Услышав голос мужа, жена драматурга загрузила междугороднюю линию плотным монологом. Слово «козел» было одним из немногих, позволенных к цитированию. Герой сюжета терпеливо ждал секунды, чтобы вклиниться, но не дождался: высказавшись, разъяренная половина бросила трубку.

И тогда в ухе у драматурга раздался голос телефонистки:

— Три минуты *разговаривали*, — вкрадчиво сообщила она.

Начало девяностых. Заселившись в Дом Писателей в Дубултах, я побрел вдоль по Рижскому взморью — и через несколько метров наткнулся на стройное мускулистое тело Бори Н., моего приятеля-журналиста.

Боря, жмурясь, лежал на солнышке, как кот в расцвете возможностей. Усиливая сходство, вокруг него полулежали на песке три молодые женщины. Все они мурлыкали вполне интимно.

— Привет, Боря! — сказал я.

— А, привет... — разлепив глаза, но не подняв головы, отвечал коллега.

Стайка испугнутых мною девушек полетела к морю.

— Давно приехал? — спросил Боря.

— Да только что.

— Здесь живешь? — мотнув дремотной головой в сторону Дома писателей.

— Ага, — говорю.

— Отлично. Я тут в тридцать третьем номере, заходи вечерком, девчата будут...

— Да я с женой, — виновато признался я.

От изумления мой собеседник разлепил глаза и даже приподнялся на локтях.

— Вить! Кто ж в Юрмалу — с женой?

Трава не расти

С женою, конечно, надо не в Юрмалу...

Банкир N., имея тайную благую мысль растормозить свою половинку в сексуальном плане, повез ее прямиком в Амстердам. По мысли N., правильная доза марихуаны должна была унести их в нети по лучшим образцам мирового кинематографа.

Жена с удовольствием покурила, и проверенная сладкая травка дала быстрый эффект — но не вполне тот, на который рассчитывал N.

А именно: когда уже в отеле он приступил к активной фазе уходаживания (по-русски говоря, попытался жену раздеть), она начала отбиваться с криком:

— Ты синий и квадратный!

И битый час после этого пресекала этим категорическим заявлением все его заходы. Так они и провели ночь: она — расторможенная и счастливая, а он — синий и квадратный.

На будущее...

Страстный мужчина пришел к приятелю с просьбой об алиби.

— Дай мне справку!

— Какую справку? — опешил приятель.

— Для жены. Напиши, что я был у тебя!

Войдя в положение (хотя, конечно, вполне идиотское), приятель, из мужской солидарности, начал кропать записку...

— А ты когда у меня был? — уточнил он.

Пришедший подумал и сказал:

— Дату не ставь.

В мужской компании

...обнаружился серьезный филолог.

— Сколько ж у тебя языков? — спросили у него.

Филолог ответил с достоинством:

— Знаком с одиннадцатью, работаю с четырьмя.

Господин средних лет, сидевший по соседству, меланхолически вздохнул:

— У меня то же самое — с женщинами...

...начиналась часов в десять вечера, когда спадала жара.

На скамейке сидели пожилой богатый кавказец и робкая девушка.

— Откуда ты? — спросил он.

— Из Калуги.

Он немного помолчал, а потом спросил:

— Где это?

Хорватское табу

По старинному хорватскому городу заездили авто с заманчивой рекламой ночного клуба «Табу».

Эта культурная новость страшно возбудила двух немолодых россиян, изможденных здоровым образом жизни. Они запомнили адрес и ночью приехали на задворки города.

Заведение оказалось неприхотливым шалманом, крытым чуть ли не брезентом. Но не за архитектурой приехали сюда любители прекрасного!

Они сели за столик. В заведении было пусто. За столиком в углу сидели три рослые немолодые хорватки в униформе. Одна неторопливо подошла взять заказ. Приятели попросили для разгону джина с тоником. Официантка покачала головой: только вино.

Приятели в огорчении достали сигареты, чтобы обсудить ситуацию.

— У нас не курят, — пресекла процесс официантка.

— Ну хорошо, — уже в некотором раздражении спрямил сюжет один из гостей. — А где, собственно, девочки?

— Какие девочки?

— Проститутки! — совсем прямо пояснил гость.

Официантку аж перекосило от ужаса.

— Вы что! Какие проститутки! Что вы себе позволяете!

Сказано же было: ночной клуб «Табу»...

Объявление в женском журнале

...гарантировало «настоящий отворот вплоть до полного омерзения».

Надо заметить: мужчины справляются с этой задачей без потомственной колдуньи и бесплатно.

Дело было в конце восьмидесятых. Молодая русская актриса уже два месяца жила в Париже, работая над ролью Нины Заречной. И, как полагается русскому человеку, надолго попавшему в хорошие условия, сильно затосковала.

Актриса пила в своем полулюксе, врубив на полную громкость Высоцкого.

Дверь в номер была приоткрыта, и вскоре на сочетание хриплого голоса с женским одиночеством в номер заглянул пожилой азиат. С корректным поклоном что-то спросил, явно интересуясь, можно ли поучаствовать в процессе. Актриса ни на каком языке, кроме своего, не понимала, но излить душу хотелось.

— Китайца! — сказала она, махнув рукой. — Заходи!

«Китаец» зашел, присел. Она ему налила:

— Пей!

«Китаец» с поклоном пригубил.

— Нет, ты пей! — сказала актриса. — Ты по-человечески выпей, до дна!

И, заставив азиатского старика выпить до дна, она приступила к изливанию себя:

— Я актриса! Понимаешь? Актриса! Станиславский, слышал?

— Станиславский... — понимающе закивал «китаец».

— Ни хера ты не слышал, — определила актриса. И, еще выпив, длинно исповедалась гостю — про русскую душу, про жизнь, до капли отданную искусству, про Высоцкого, про Нину Заречную... Азиат сочувственно кивал, гладил по плечу, потом по коленке...

— Отстань ты, китайца дурная! — кричала актриса. И снова рассказывала ему, как это мучительно — все время жить жизнью роли, которая не отпускает, живет в тебе и днем, и ночью... И открыла еще бутылку, и налила себе и гостю, — и в ожидании нехитрых, но особенно желанных в пожилом азиатском возрасте радостей гость еще битый час слушал монолог на чужом языке про русскую душу, Высоцкого и Нину Заречную...

Радостей он не дождался. По крайней мере, так утверждает актриса, с нервным смехом рассказывавшая потом эту историю.

Причина нервного смеха — вот какова.

Наутро, вернув себя к жизни, актриса спустилась на завтрак. В холле отеля стоял вчерашний «китаец» и негромким голосом отдавал распоряжения. Короля играли придворные: вокруг стояла свита и подробно, с огромным почтением, записывала слова, которые тот негромко ронял.

«Китаец» мельком глянул на остолбеневшую невдалеке актрису — на лице его не дрогнул ни мускул — и продолжил монолог. Она отошла в сторонку и осторожно уточнила: кто это?

Оказалось: Акиро Куро сава.

Удачный случай

Дело было на Средиземноморье.

Светская львица и журналистка Божена Рынска вошла на светский раут в открытом платье, поежилась и на хорошем английском велела ближайшему человеку в черном побыстрому убрать кондишен и сделать теплее. Только бегом, бегом! Дама мерзнет.

Человек в черном удивленно приподнял бровь, а стоявший рядом с опозданием ввел светскую львицу в курс дела:

— Божена, это министр юстиции Сингапура!

— Блять, — озадаченно произнесла Божена, немного подумав. — Даже не знаю, о чем его попросить.

Таких не берут в космонавты?

— Знаешь, — не без гордости сказала Лена, — я та-ак вожу машину!.. У меня есть приятель, американец... Так он боится со мной ездить!

Проведя в «пежо» рядом с Леной несколько минут, я понимал этого американца вполне и не увидел бы в рассказе ничего особенного, не узнай я его профессию.

Американец этот — астронавт НАСА!

Дважды летал на Международную космическую станцию.

А садиться в Ленкин «пежо» боится.

Не дурак!

На зависть драматургу

...— какая-то высшая, неевклидова геометрия царит в очаровательной женской головке:

— Мне муж пятьдесят штук в месяц дает! У меня муж самый лучший, хоть и бросил меня, козел.

Поди сформулируй, что хотела сказать — а ведь все понятно!

А вот — мечта драматурга, весь человек в одной фразе:

— Они мне говорят: вы такая таинственная, такая таинственная... Я им говорю: хули таинственного, задавайте вопросы!

Фильм из жизни английской графини с восковой красавицей Кирой Найтли в главной роли — XVIII век, страсти, разрывы, примирения, предательства... Тайные письма, любовники, любовницы...

Моя жена смотрела на все это, смотрела, а потом заметила:

— Четверо детей, а сколько свободного времени!

Мужчина и женщина

- Почему ты опоздала?
- Поздно вышла из дома.
- А почему не вышла из дома раньше?
- Поздно было раньше выходить!

Юная прекрасная особа вздохнула, смиряясь с судьбой:

— Из большей части моих влюбленностей не вышло бы ничего хорошего...

— А из меньшей? — уточнил собеседник.

— А из меньшей и не вышло.

Инструкция

Женским голосом:

— Как найти мужа, как найти мужа... Да просто класть его на место!

Сразу к делу

В компании за столиком — милая молодая женщина. Негромко знакомлю ее с пейзажем...
— Обрати внимание, — говорю, — позади тебя сидит олигарх N.
Женщина, не оборачиваясь, сразу уточняет главное:
— Женат?

Дама бальзаковского возраста рассказывала драматическую эпопею о борьбе с лишним весом.

— Я слышала, — сказала она, — что хозяева становятся похожими на своих собак, и завела двух левреток...

— Ну и?..

Дама вздохнула.

— Теперь у меня в доме — две толстые левретки.

Карьера

Моя подруга школьных лет, девочка из первой «табаковской» студии Лена Антоненко совсем молодой уехала в Америку и начала пробиваться в Голливуд, для чего имела некоторые основания (хороша была — очень).

Но отечественный типаж и неисправимый акцент намертво прилепили к ней амплуа, и Лена начала играть русских проституток. Она утверждает, что их всех звали Наташами.

Годы летели, и в творческой жизни у Елены произошли качественные изменения.

— Я сделала карьеру, — сообщила она недавно. — Мне предложили роль бандерши...

Вместе по жизни

Моя знакомая вышла замуж — и рассказывает о своем избраннике. И какой он умный, и какой хороший, но самое замечательное — они все-все понимают одинаково!

— Что, например? — спросил я, завидуя заранее совпадению жизненных идеалов.

— Он тоже считает, что мне надо покупать красивые и дорогие вещи!

— Зашла на полчаса в бутик — узнать, что происходит в мире...

Буколические мотивы

Молодая журналистка, гостившая в столице, исполняла классический монолог приезжего — рассказ об этой ужасной, озлобленной, грязной, суетной Москве! Разобравшись с Москвой, девушка перешла к нравоучительному рассказу о жизни в прекрасной северной провинции...

— У нас, Виктор, — мечтательно говорила она, — тишина, покой... Из дома выйдешь — лес, лыжники ходят...

Тут ее лицо вдруг исказила гримаса тоски:

— До июня!

— Пустите ее по МИРАНу, — сказал лечащий врач медсестре.

Имелось в виду оформление пациентки; аббревиатура означала название института, но молодая пациентка была не в курсе.

— Пустить меня помирану?

И заплакала.

Из объяснительной записки

...девушки, только что принятой на работу:

«После дождя на асфальт выползли дождевые червячки, мне пришлось их всех перенести назад на газон. Поэтому я опоздала».

И вот, сетует начальник, не знаем теперь, что с ней делать...

— А недавно, — сказала N., — я была на дне рождения у Далай-ламы.
За столом настала благоговейная тишина.
— Правда, Далай-ламы там не было...

Одухотворенность

Девушка в метро.

В руках — маленькая книжечка в бархатном переплете, и она не отрываясь смотрит в эту книжечку. Внимательное одухотворенное лицо... Не перелистывает, смотрит...

Заинтригованный — что же это за книжка? Библия, Коран? — я улочаю наконец момент, чтобы заглянуть внутрь.

Это была пудреница с зеркальцем.

Старость не радость

Мой друг Юрка — экстремал, но ничто не вечно под луною...

В дни страшных рождественских холодов 2006-го он пожаловался на подступающую старость:

— В проруби, — говорит, — на выходные купался, а с парашютом прыгать — чего-то, чувствую, влом...

Чей засор?

Мой приятель вызвал сантехника. Сантехник заглянул в унитаз и авторитетно сообщил:

— Это засор.

— Ну, — подтвердил приятель вещь, ясную и без сантехнического образования.

— Это ваш засор... — уточнил сантехник.

— В каком смысле? — опешил приятель.

— Ну ваш. Вы виноваты.

Сантехник стоял в коридоре, явно не расположенный к работе. Рядом стоял обезоруженный хозяин квартиры, ученую голову которого разом покинули все доводы, способные подвигнуть работника РЭУ к труду по специальности.

По счастью, у него гостил друг, хирург по специальности. И довод нашелся.

— Слушай, — сказал гость сантехнику, — вот тебя привезут ко мне с гнойным аппендицитом, я тебя разрежу, посмотрю и скажу: это твой засор...

И улыбнулся ему доброй улыбкой профессионала.

В глазах сантехника пролетел ужас; через минуту он уже ковырялся в унитазе.

А иногда полезно быть совсем даже и не врачом.

Двое приятелей-петербуржцев решили для бодрости выпить на крыше бастиона Петропавловской крепости. Не то чтобы им было негде выпить, но душа требовала чего-то выдающегося...

Они расположились возле пушечки и уже почти приступили к процессу, когда рядом из ниоткуда возник сержант милиции с вопросом, предвещающим неприятности:

— Нарушаете?

Один из приятелей уже потянулся было в карман за отступным, но выручил друг-юрист.

— Нет, товарищ сержант, — твердо заявил он. — Мы хотели нарушить, но вы пресекли!

Сержант не нашелся, что возразить, и, пораженный, удалился бесплатно.

И они выпили.

Однажды жена Зиновия Гердта стала виновником ДТП.

ДТП было пустяшным: притормаживая у светофора, Татьяна Александровна чуть не дожала тормоз и легонько прислонилась к «жигулю», стоявшему впереди.

Но — виновата так виновата! Татьяна Александровна вышла, повинилась, дала свой телефон и выразила готовность оплатить ремонт. Всего и было того ремонта — вмятинка на бампере.

За рулем «жигуля», однако, случился смысленный гегемон.

Увидев перед собой виноватую интеллигентную даму немолодых лет, он решил оттянуться с пользой. Через пару дней выяснилось, что от той царапины на бампере у «жигуля» повело колесные диски, пробило бак, треснул коленвал — короче, все надо менять!

Сумма возрастала несусветно. Татьяна Александровна пыталась образумить размечавшегося гегемона, но тот отказывался брать адекватные деньги и закрывать вопрос: продолжал звонить, давить на психику и вымогать большее...

Так продолжалось несколько месяцев, пока, во время очередного сеанса телефонной пытки, в приятном статусе хозяина положения, потерпевший не спросил с вальяжным нахальством:

— Ну а чего же вы хотите?

Вопрос носил риторический характер, но потомственная дворянка Татьяна Александровна Правдина ответила на него с неожиданной ясностью:

— Я хочу, чтобы вы взяли деньги — и пошли на хуй!

В трубке случилось молчание, а потом начались гудки.

Больше он не перезвонил.

Дело было в советские времена. В «Комсомольскую правду» повадилась звонить неизвестная гражданка и спрашивать: «Это публичный дом?». В редакции не знали, как отделаться, пока Юрий Рост не ответил ей строгим голосом:

— Да, и почему вы до сих пор не на работе?

Чем и решил проблему.

Ночь. Лето. Озеро Балатон.

За окном, сотрясая гостиничные корпуса, поют пьяные немцы. Поют не так, как тоскливо и одиноко поют о загубленной жизни отечественные пьяницы, о нет! — поют слаженным хором, наводящим на жуткие подозрения о предварительных спевках; поют патологически бодрые марши и, спев, сами себе аплодируют, хохоча.

В полтретьего ночи выясняется, что мы с женой ненавидим немцев.

Я с юных лет зачитывался Беллем — жена, правда, предпочитала Гессе. Бах, понимаешь, Дюрер, Кант... А тут, всего за пару часов, — чувство такой силы, вы не поверите!

Непростительная вольность

N. нашел в Париже площадь Бастилии — и некоторое время стоял на ней, озираясь и глядя в карту. Он что-то искал. И, не найдя, спросил у старичка-киоскера на ломаном французском:

— А где Бастилия? Где-то тут должна быть Бастилия...

Старичок прижал руки к груди в молитвенном жесте:

— Простите нас, месье! Мы ее разрушили.

В начале 70-х компания московских студентов путешествовала по Грузии. Голодные, зашли в духан. Хозяева, завидев гостей, раскрылись на всю широту кавказского гостеприимства:

— Шашлык дарагой! Вино дарагой!

Откуда у студентов деньги? Пошли дальше.

Но и в другом духане услышали аналогичное предложение:

— Шашлык дарагой! Вино дарагой!

Так и не поели.

— У одной из моих жен, — рассказывал Владимир Тольц, — была бабушка-венгерка. По-русски говорила плохо, только материлась. Сказала мне, русский беднее венгерского: у вас можно лишь в мать, у нас — даже в табуретку твоей двоюродной бабушки!

Все люди братья

Знакомый, специалист по восточноевропейским этносам, ошарашил меня довольно очевидным созвучием фамилий Щорс и Сорос. Он утверждает, что это, в сущности, одна балканская фамилия, и знатный биржевой игрок с несомненностью является родственником легендарного революционера!

По крайней мере, это было бы поучительно...

Педро Шендерович

В начале XX века один из дедушкиных братьев уехал в Аргентину. Век спустя оказавшись в Буэнос-Айресе, я первым делом добыл телефонную книгу и погрузился в поиски...

Выбор оказался богатейшим: к моим услугам обнаружилась целая колония аргентинских Шендеровичей во всех фонетических вариантах, вплоть до почти графского «Сендровиц» (так и хочется сказать — «фон Сендровиц»).

Пабло Шендерович, Педро Шендерович... Гуляй не хочу!

Я наметил себе в жертву Исаака Шендеровича из элитного района Санта-Фе. Сейчас, думаю, позвоню ему и скажу: здравствуйте, а вот и мы, ваши родственники из России... Приехали за наследством!

(Глухой стук тела на том конце провода.)

Но Исааку повезло: на дворе стоял январь, по тамошнему — летние каникулы.

Родственничка не было дома.

Ну и бог с ним, пускай живет...

Калькуляция

В Бишкеке по случаю свержения Акаева народ громил магазины. Демократии было — завались!

N. ехал в сторону Иссык-куля, когда, перекрыв узкую дорогу «жигулями», его иномарку остановили трое граждан без всякого следа гуманитарного образования на лицах. Он подумал: сейчас убьют. Но смутная троица через приоткрытое окно предложила неожиданное: купи калькулятор!

N. вздохнул с облегчением. Как минимум, намечалась перспектива уйти живым.

— Почему?

— Две тыщи рублей, — ответили мародеры, правильно понимавшие, что с родной валютой в разгар революции дело иметь не стоит.

— Дороговато за калькулятор, — заметил осмелевший N.

— Ну тыщу давай, — разрешил покладистый мародер.

N., от греха подальше, больше торговаться не стал и покорно отдал тыщу рублей. Мародеры велели открыть багажник, что-то туда положили и отпустили с богом.

Через пару километров N. пошел на всякий случай заглянуть в багажник. Там стоял новый ноутбук фирмы «Sony».

Только что за тысячу рублей у мародеров купленный.

N. быстренько развернулся и газанул к мародерскому блок-посту:

— Нет ли у вас, — спрашивает, — еще калькуляторов?

— Нет, — отвечают, довольные, — последний тебе продали!

Счастливый двоечник

Дочь-антрополог писала диссертацию, посвященную самоидентификации поляков между славянством и Европой.

Своим опросником она разбредила старые раны, и в деревне под Познанью, в подсобке, семеро польских мужиков не первой молодости, крепко взяв на грудь, хором спели ей на языке оригинала песню «Пусть всегда будет солнце»!

А восьмой с гордостью сказал:

— А я по-русски знаю только одну фразу!

— Какую?

— «Я забыл домашнее задание».

Не наш путь

Юрий Рост путешествовал по Исландии.

Возили его по этой чудесной стране представители российского посольства. И вот на развилке в каменной тундре джип вдруг остановился.

— Заблудились, — озадаченно сообщили Юрию посольские. — Слушай, видишь дом? У тебя же с английским хорошо — пойди спроси, как отсюда выбраться.

Недоумевая, почему, собственно, послали его, Рост пошел к домику.

Позвонил.

Открыла женщина средних лет, в домашней одежде.

Рост извинился, спросил направление.

Женщина показала направление, подробно пояснила маршрут, пожелала удачи...

Юра поблагодарил и вернулся к машине.

Посольские стояли и улыбались, довольные:

— Да знаем мы, куда ехать! Просто хотели, чтобы ты увидел премьер-министра Исландии...

Усвоение материала

Мы ехали в автобусе по Хорватии.

Гид Володя, наполовину русский, рассказывал трагическую здешнюю историю — от хамских опытов Иосифа Броз Тито до взаимного варварства последних лет.

Мы проезжали брошенные сербские деревни, заросшие бурьяном огороды, дома, выщербленные пулями и осколками...

Володя рассказывал. После его экскурсии можно было защищать диссертацию.

Российская туристка, тетка средних лет, внимательно выслушав трехчасовой рассказ, спросила напоследок:

— А чем сербы вообще отличаются от хорватов?

Володя ответил, не моргнув глазом:

— У них квадратные головы и хвосты.

— Какой ужас! — ахнула туристка.

Когда в Мельбурне я обнаружил, что еду по району Balaclava, по улице Inkerman — логическая конструкция сложилась в два счета.

Я спросил провожатого:

— Тут живут наши?

— Ага, — подтвердил он, — русский район.

Я навалился на дедуктивный метод и уточнил:

— Выходцы из Крыма?

Тут-то дедуктивному методу и вышел облом.

Никакие не крымчане назвали этот район Балаклавой, и улицу в честь Инкермана назвали тоже не они. Сами же австралийцы и назвали — в память о погибших на Крымской войне!

Той самой, позапрошлого века, в которой Австралия воевала, разумеется, на стороне британской короны, изо всех сил пытаясь убить поручика артиллерии Льва Толстого, отвечавшего им полной взаимностью.

Через толщу лет этот свет прошел преломленным, и сегодня в мельбурнском районе Balaklava, на улице Inkerman говорят по-русски. Не скажу, что на языке Толстого, но все-таки...

Типа наша взяла.

Точный хронометраж

Русская телефонная компания в Мельбурне предоставляла подписчикам бесплатное время для разговоров: рекламная акция! Когда кредит подходил к концу, абоненту об этом сообщали...

Однажды в компанию позвонил пожилой и сильно раздраженный эмигрант.

— Я знал, что вы нас подслушиваете, — заявил он, — но чтобы вмешиваться в разговоры — это уже ни на какую голову не налезает!

Обескураженный сотрудник компании попросил объяснить, что случилось.

— Как что? Вчера мы разговариваем с братом, два старых человека... Я говорю ему: возраст, болезни, не знаешь, сколько осталось... Так она прямо в трубку говорит: «Вам осталось десять минут!».

Дело было в Италии, в Бергамо.

Ночью какой-то труффальдино вскрыл нашу машину и спер чемодан со всем содержимым.

Утром мы пошли в ближайший полицейский участок. Карабинер попросил написать заявление с перечислением вещей. Жена, нетвердый носитель английского языка, битый час вспоминала содержимое чемодана и грамматики. Документ был передан карабинеру, и карабинер пожелал нам счастливого пути.

Любознательная жена поинтересовалась ходом дальнейшего расследования.

— О, теперь ваш чемодан будут искать по всей Италии! — пообещал служитель закона.

— Но вы даже не спросили, какого он цвета!

— В этом нет необходимости, — заверил карабинер.

До сих пор небось ищут, ночей не спят.

Местный обычай

Лазанья требует вниманья! Стихи, практически.

Потерявшая бдительность от здешних красот (а обедали мы с видом на Пизанскую башню), жена посадила пятно на брюки. И, разумеется, попросила у официанта — что?

Правильно: соль.

Официант принес соль и пару минут с тревожным интересом смотрел, как моя жена солит брюки. Было видно, как его мозг накрывается вслед за башней. Когда брюки были достаточно посолены, официант тактично сообщил:

— А мы делаем это жидкостью для выведения пятен.

И принес пятновыводитель.

«О, сколько нам открытий чудных!..»

Мой знакомец, экстремал, организовал тургруппу экстремалов из Швеции и Польши и повез их по России.

Но не по Золотому кольцу, а — вдоль...

И вот в районе Иркутска родные польские могилы разбредили в одном пане генетическую память. Вечером, крепко взяв на грудь, он надерзил российскому экскурсоводу — и пошел из принципа допиваться со шведами.

И стал жаловаться шведам на Россию.

— Они увозили наших предков сюда, в Сибирь, — говорил поляк, — они нас здесь убивали...

Шведы с сочувствием выслушали всю историю до конца и спросили:

— Почему вы не позвонили в полицию?

На отдалении

«Шотландцы — замечательные люди! — поделилась своим восторгом знакомая, много лет живущая в тех краях. — В прошлом году решила показать ребенку Израиль, и в Иерусалиме получаю коллективную эсэмэску от подруг: ну как там твой Иран?

Поэтому, — пишет она, — в Шотландии и нет антисемитизма: не видят разницы!»

Включай мазган

Дело было в Израиле.

В номере было холодно, и жена позвала горничную. Горничная с ясной украинской мелодикой русской речи посоветовала жене просто:

— Включи мозган.

Жена поняла, что ей в довольно незатейливой форме предложено подумать. Она подумала, заглянула в шкаф в поисках запасных одеял, ничего не нашла и снова обратилась к горничной с вопросом: как бы сделать так, чтобы не было так холодно?

— Включи мозган! — ответила та уже с некоторым раздражением.

Моя смиренная жена подумала еще, но холод явно сказывался на ее умственных способностях.

— Включи мозган! — закричала горничная. Потом махнула рукой, вошла в номер и сама включила мазган.

«Мазган» на иврите — кондиционер.

Интересная штука — эмоциональная память!

...Маленький пансион в Италии. Ливень застал врасплох — бегу забирать купальники и полотенца, сохнувшие на лежаках. Немецкая пара, мимо которой я бегу обратно, дружелюбно подбадривает:

— Шнель, шнель!

И меня пробирает животный генетический ужас: шнель, хальт, цурюк, хенде хох... Только это мы и знаем из немецкого.

То ли дело итальянский! Как всякий человек, учившийся музыке, в Италии я не пропаду. Вот автобусная остановка, а на ней написано: фермата... Ну разумеется!

Уже упомянутая в этой книге экскурсовод Елена Галесник рассказывала об этом трогательную историю.

Пробка у входа в музей: несколько экскурсионных групп в ожидании. Экскурсоводы на английском, французском и испанском клянут нерасторопность хозяев, а в сторонке стоит их печальный коллега-итальянец, которому тоже хочется поучаствовать, а подходящего языка — нет.

Итальянец, лишенный возможности общения, — это трагическое зрелище! Лена видит, как он страдает, но помочь ничем не может. И вдруг вспоминает свое музыкальное детство и говорит:

— Molto lentamento?

«Очень медленно». Так обозначался темп исполнения...

— О, molto lentamento! — кричит благодарный итальянец. — molto lentamento!

Культуру в массы

Давид Ойстрах, впервые попавший в Италию, был поражен культурным уровнем трудящихся. Грузчик, приподняв его чемодан, вздохнул: «Molto pesante» — очень тяжело...

Ах, волшебная страна, где грузчики разговаривают языком музыкантов!

Впрочем, иногда понимание итальянского обходится без музыкальных терминов.
— Баста, кретино! — кричала венецианка на ревущего сына...

Краткое содержание

В раздевалке в Сандунах, отмывшись всласть, одевались в чистое строители-татары. Рядом на лавочке раздевался мой друг Шевелев. Раздевался — и слушал взволнованную повесть, которую описывал так:

— Тыр-пыр-мыр... Быр-тыр-мыр... Первомайская улица! Тыр-пыр-мыр... Знак сорок! Быр-тыр-мыр... Мент! Тыр-пыр-мыр... Быр-тыр-мыр... Кто пьян блять? Я пьян блять?

— И вот, — сказал изумленный Шевелев, — оказалось, что я понимаю по-татарски!

В греческой глубинке

...на табличке с правилами пользования лифтом я обнаружил слово «метафора»!

Ну разумеется! То, что переносит на иной уровень — как еще назвать?

А на кнопке остановки лифта было написано — «летаргия»...

И грелись под солнышком неподалеку друг от друга населенные пункты с названиями Лира, Таланта и Метаморфозы...

Вот уж точно: в Греции все есть!

Дело было на Пелопонесском полуострове. Остановились в отдаленном отеле у моря. Приехали в соседний городок с древней крепостью на перешейке. Поужинали.

Официант, немолодой импозантный мужчина, с благодарным поклоном принял от меня пять евро чаевых. Я был богатый иностранец, он — прислуга...

Жена поехала в отель, а я перешел в соседний бар, чтобы посмотреть на большом экране долгожданный полуфинал Лиги Чемпионов.

Спустя два с половиной часа в прекрасном настроении я вышел на пустой пятачок центральной площади. Такси не было. Я вернулся в бар и попросил вызвать машину. Бармен куда-то позвонил. Потом позвонил еще и даже с кем-то поговорил. А потом покачал головой и сообщил: никто не приедет.

Как не приедет?

А так. Маленький город, одна фирма, несколько машин. Все уже спят.

До отеля было шесть километров. Я ткнулся еще в пару баров — с тем же результатом. Я вышел на дорогу и минут пять постоял с протянутой рукой; никто, разумеется, не притормозил.

Я вернулся к закрывавшемуся бару; вышел на набережную, повертел бедовой головой. Такси не было — и взяться ему было неоткуда.

Шесть километров, подумал я, — в конце концов, час с небольшим пешего хода. Дивная теплая ночь... Приключение так приключение! И я пошел. И вернулся, потому что через пять минут уже не шел, а переставлял ноги, растопыбив руки — за городом цивилизацию как отрезало ножом, царила крошечная тьма.

Ориентироваться можно было только на плеск воды.

Наощупь этого серпантина было не одолеть.

Я вернулся в городок и пошел сдаваться в полицию. Полицейский изобразил на лице сочувствие, но на отдыхающих таксистов его власть не распространялась.

Я снова вышел на пятачок перед баром. Представил, как жена просыпается среди ночи и обнаруживает, что меня нет; как звонит мне и слушает сообщение на греческом языке о временной недоступности абонента. (Батарейка в моем мобильном давно сдохла.)

Я стоял в ступоре на краю Пелопонесского полуострова. По лысине сквозил теплый ночной ветерок. В рок-баре на углу веселился молодежь. Из пустого ресторана по соседству вышел импозантный господин.

Я не сразу узнал в нем официанта, который обслуживал нас несколько часов назад, — а узнав, опрометью бросился к нему: это был мой последний шанс!

Официант уже садился в свой «мерседес». Несколько секунд он слушал мои нервные вскрики — и молча указал на место рядом с водительским. Через несколько секунд мы ехали в сторону моего отеля.

Но когда у отеля я вынул двадцать евро и протянул их моему спасителю, он посмотрел на меня надменным взглядом — и этот взгляд вернул в мои покоренные мозги правильное представление о мире.

Да! Несколько часов назад этот человек с поклоном и благодарностью принимал из моих рук чаевые: он был официант, а я — богатый иностранец. Теперь на меня смотрел владелец «мерседеса», из милости подобравший на дороге бедолагу-туриста.

И этот турист явно не понимал правила приличия...

— Спасибо, — с поклоном сказал я греку в «мерседесе», отчасти имея в виду и этот

социальный урок.

Блуждающий статус

— вообще вещь вполне обычная...

Аэропорт Лиссабона. За мной, в очереди на посадку, шумно балагурит на португальском группа крепких мужчин. Сразу бросаются в глаза гендерный состав и телосложение: это спортсмены, и это — команда!

Через пару секунд глаз начинает различать знакомые лица. Знакомые — не мне одному, а небось половине Европы: Фернандо Коуту, Паулета... Игроки звездной португальской сборной! Поймав взглядом привычное остоленение болельщика, Паулета привычно улыбается в ответ: да, дядя, ты угадал, это я!

Кланяюсь, прикладываю руку к сердцу: «убригаду». Спасибо за все!

Прилетаем в Москву, стоим на паспортный контроль — что забавно, в том же порядке.

— Ой! — говорит вдруг проходящий мимо пограничник. — Это вы! А автограф дадите? Узнаешь? — говорит он, обращаясь к своей спутнице-пограничнице.

И она кивает мне, улыбаясь...

И я даю им автограф.

И ловлю недоуменный взгляд Паулеты: мол, не понял — кто тут звезда?

Тут — я!

Пятнадцать человек на сундук мертвеца

Дело было в Лас-Вегасе, в казино «Остров сокровищ». Так сказать, пятнадцать человек на сундук мертвеца... В огромном зале стоял грохот монет, перемежаемый механическим криком: «You are winner!».

Детская обманка, а как работает! В автоматную утробу монетка проваливается беззвучно, а выигрыш с разгона бьется в металлический поддон, и в зале царит ощущение сплошного фарта: звон стоит непрерывный!

«You are winner!», дурачок ты эдакий, кидай еще...

Вот я и сидел, и кидал в автомат «квотеры». И докидался: разом выиграл этих «квотеров» тысячу! По-русски говоря, 250 долларов.

Толстая черная тетя стала лопаткой засыпать монеты в автомат, чтобы я мог получить свой выигрыш, а я пересел за соседний — и через несколько секунд в окне автомата остановилось первое колесо с надписью ДЖЕК-ПОТ.

«Дразнится», — успел подумать я, и тут на линию встало второе колесо с той же надписью. Я ойкнул. До выигрыша оставался только один квант удачи: чтобы заветное слово встало на линию на третьем колесе. И это третье колесо уже заканчивало вращение...

Читатель ждет уж рифму «розы». Ну разумеется! В окошко выползло слово ДЖЕК-ПОТ...

Но тут автомате что-то звонко щелкнуло, и желанное слово, как приколоченное, встало, не дойдя дюйма до линии.

Я поднял глаза. По большому табло под потолком, нарастая, ползла сумма текущего выигрыша: чуть меньше двух миллионов долларов.

Карамба! Я несколько раз ударил по бандитскому ящику, — как в детстве бил по заклинившему автомату с газированной водой. Подлая американская машина, как ни в чем не бывало, осталась стоять в дюйме от моего джек-пота. «Сундук мертвеца», полный золотых дублонов, шел ко дну...

Видимо, я все-таки вскрикнул.

На вопль игроцкого отчаяния среагировала черная тетя, засыпавшая лопаткой мой прошлый выигрыш. Она посмотрела на меня, перевела взгляд на мой недоехавший джек-пот, на табло с суммой, снова на меня и негромко сказала:

— Get away...

Проваливай отсюда.

Я не внял ее совету, и снова и снова проверял судьбу, и через час уползал из «Острова сокровищ» с пустыми карманами.

Расширение ассортимента

Проигрывающий быстро проникается ненавистью к крупье.

Ему кажется, что все его беды — не оттого, что вместо консерватории он пришел в казино, а оттого лишь, что девушка в униформе вместо искомой десятки открыла пятерку...

Некий восточный господин, уйдя в глубокий минус, начал отрываться на всю лингвистическую катушку.

— Я твою маму!.. — кричал он на весь зал девушке, стоявшей напротив. — Я тебя!.. Я твоих друзей!.. Давай, блядь, карту!

В сущности, давно следовало вызвать милицию, но кто будет сдавать в милицию человека, приносящего сто долларов в минуту?

Крупье открывала карту, и опять не ту, и игрок взмывал на новую ступень бешенства:

— Я твоих детей!.. — кричал он. — Я твоего отца!.. Я твоих братьев!..

Девушка бросила короткий взгляд на менеджера, но менеджер, закаменев лицом, только повел бровями. Девушка стасовала колоду и снова сдала карты. Игрок, получивший свои шестнадцать очков, сошел с катушек окончательно.

— Я твоих сестер!.. — заорал он. — Я твоих подруг!.. Я твою маму!..

Когда клиент исчерпал список родных и близких девушки и пошел на второй круг, она наклонилась к нему и вежливо подсказала:

— А еще у меня есть собака.

«Только все же не Россия...»

N. давно переехал в Монреаль и поднаторел в жизни среди аборигенов.

— Знаешь, как остановить толпу пьяных разбушевавшихся канадцев? Им надо сказать: прекратите, пожалуйста.

Канадский юмор

...наполнен самоиронией.

— Что такое жизнь в Виннипеге? Это — ты пинаешь собаку и смотришь, как она убегает за линию горизонта...

Ассоциативный ряд

Социолог Дмитрий Орешкин рассказывал об удивительной африканской реакции на встречу с русским человеком. Дело было в универмаге в Найроби...

— О! Бобчинский-Добчинский! — радостно воскликнула образованная продавщица.

Мне повезло меньше.

Таиланд, острова... Группа полуголых здоровяков — папа с сыновьями — просят сфотографировать их на фоне открыточного пейзажа.

Дело нехитрое. Щелкаю их, обмениваемся традиционным туристическим «where are you from?».

Австралийцы!

Узнав, что я из России, глава семейства показывает мне большой палец в знак приязни к нашей великой Родине и говорит:

— Костя Цзю!

Толстой, Чайковский и Гагарин нервно курят в углу.

Зато...

В Сан-Франциско

...в лавке китайской одежды обитала хозяйка, маленькая старушка. Былая красота просвечивала сквозь возраст...

Узнав, что я из России, она просветлела и сказала, что знает по-русски одну фразу. Какую — я мог бы, конечно, догадаться сам...

— Йа тэбья лублу!

Какой-то русский моряк обучил ее полвека назад главным словам...

Гийом Проценко

Гийомом он стал в Париже.

До того, под природным именем Григорий, Проценко был генералом у Колчака. Ушел через Шанхай. Потом был Бейрут, потом Франция...

В сорок третьем году, уже Гийомом, он оказался в Сопротивлении. Снова воевал и был представлен к награде — о чем, собственно, и история...

Де Голль, обходя строй отличившихся, спрашивал у каждого:

— Кем вы были до того, как стать солдатом?

И боец французского Сопротивления Гийом Проценко ответил ему:

— Генералом, мой генерал!

Год на дворе стоял 1997-й, стадион назывался «Камп ноу», матч — «Барселона — Эспаньол».

Сбагрить десятилетнюю дочку было некому, и наш несчастный ребенок был привезен через пробки на край спятившего города — и вместе с сумасшедшим папой посажен в самую гущу «сине-гранатовых».

Мы немного опоздали, матч уже начался, вокруг стоял вой и свист.

Дочь Валентина, сидя на верхотуре, пыталась понять, куда она попала: ей было неуютно и неуместно... Когда, больше для куража, я вместе со всеми стал кричать «Барса, Барса!», — дочь зашептала со страданием в голосе:

— Папа, веди себя прилично! Мне неловко...

Она была хорошей воспитанной девочкой.

На поле разгоралось дерби, — кастрюля стадиона помаленьку закипала и к шестидесятой минуте бурлила уже крупными пузырями. «Барса» забила, пропустила, осталась вдесятером и продолжала переть вперед. И забила снова под самый свисток! Это было что-то с чем-то... Иван де ля Пенья был гениален в тот вечер.

Но рассказ не про де ля Пенью, а про мою десятилетнюю дочь.

Приличная девочка, только что шипевшая на родного невоспитанного отца, к середине второго тайма истошно кричала «Барса, Барса!», она визжала и прыгала вместе со всей трибуной, — молекула в кипящем бульоне «Камп ноу».

А рядом прыгал и орал дурным голосом я, взрослый дядька, никакого отношения к «Барселоне» не имеющий, но впервые ощутивший кишками, какой это неумолимый водоворот — многотысячная толпа.

Слава богу, они кричали всего лишь «Барса!» — могли кричать «хайль» или «распни»...

И попробуй удержи себя на краю воронки.

— Онанисты из Тоттенхема пришли к Папе Римскому. Папа сказал им: идите на хуй. Но прежде скажите мне: что это за расчудесная команда, которая зовется «Арсенал»?..

Содержание этой речевки мне перевел мой друг Стивен — в лондонском пабе неподалеку от стадиона «Хайбери».

Почти полвека назад, маленьким мальчиком, отец впервые привел его на «Хайбери», и жизнь Стивена обрела смысл и перспективу.

В свободное от футбола время Стивен занимается Россией — он работает в русском отделе Би-би-си и женат на русской женщине, так что деваться ему от нас некуда. Знаток российской истории, ценитель Чехова и Достоевского, Стивен — тонкий интеллигентный человек...

Но только не на «Хайбери».

— *Come on, «Arsenal»!* — кричит он, и судорога искажает его тонкое лицо. Хором с фанатами Стивен поет непристойные речевки; весь сжимается, когда воротам «Арсенала» угрожает опасность, и, расплескивая пиво, вскакивает с первобытным охотничьим криком, когда набирает скорость Тьерри Анри...

Когда матч закончился (слава богу, красно-белые выиграли), Стивен перевел дыхание, допил пиво, пришел в себя и смущенно сказал:

— Ты видел меня голым.

Его сыну в ту пору было пятнадцать месяцев.

— Он тоже болельщик «Арсенала»? — спросил я.

— Да, — ответил Стивен, — просто он еще об этом не знает.

Почувствуйте разницу

После возвращения из мест не столь отдаленных великий Эдуард Стрельцов в мужской компании делился впечатлениями, накопленными вдали от «Уэмбли».

Некоторые подробности с непривычки изумляли слушателей.

— Эдик, — спросил наконец один из них, — но это — быль?

Стрельцов возмутился:

— Какая на хуй «быль»? Чистая правда!

С обратной стороны

...к вопросу подошел тренер Анатолий Бышовец, сказавший однажды: «Нужно быть полным идиотом, чтобы верить всему тому, что происходит».

Вот она, высшая форма агностицизма!

Он же как-то сообщил прессе: «Кризиса в команде нет, но ситуация близка к катастрофической».

Эдуард Стрельцов пошел на выходные в Сандуны — и встретил там «хоккейщиков» во главе с Виктором Коноваленко. Был шокирован. По его собственному выражению, хоккейщики «пили из шаяк»...

Что характерно

Виктор Коноваленко — вратарь горьковского в ту пору «Торпедо» и сборной СССР — не был чересчур большим интеллектуалом. На пресс-конференции на вопрос: «Что сегодня было характерно для игры нашей сборной?» — он ответил с некоторой тревогой:

— Что характерно-то? Вроде все нормально было...

Другая жизнь и берег дальний

Рассказывают, что великий Харламов, узнав о предложении «Монреаль Канадиенс» (миллион долларов за сезон), только пожал плечами:

— Зачем мне миллион долларов? У меня есть «Волга» и дача в Сосновом бору...

Шотландский синдром

Был в семидесятые годы в футбольном ЦСКА такой вратарь — Леонид Шмуц...

Но сначала — анекдот.

Старый шотландец напивается в пабе и разговаривает сам собой.

— Я своими руками построил свой дом. Но разве кто-нибудь называет меня Джонни-Строитель? Я посадил и вырастил чудесный сад, — но разве кто-нибудь называет меня Джонни-Садовод? Я воспитал двоих сыновей — никто ни разу не назвал меня Джонни-Воспитатель! Но стоило мне один раз трахнуть овцу...

Так вот, был в ЦСКА такой вратарь — Леонид Шмуц.

Однажды (в матче с ереванским «Араратом») он поймал мяч, размахнулся — и мяч, выскользнув из руки, ускорился в ворота. И судья показал на центр поля.

Я это видел своими глазами, — увы, не я один.

И вот — прошло сорок лет, но при слове «Шмуц» все знатоки футбола разом вспоминают одно и то же:

— А-а, это тот, который забросил мяч в свои ворота!

Леонид Шмуц был очень хорошим вратарем. Даже, можно сказать, отличным. Был чемпионом СССР. Пару раз играл за сборную. Спасал ворота в потрясающих прыжках.

Но стоило один раз...

Шел прощальный матч Михаила Месхи.

Тбилисское «Динамо» играло с какой-то уругвайской командой, но тренер уругвайцев не знал, что это прощальный матч Месхи — думал, просто товарищеский. (Я тоже сомневаюсь, что такое возможно, но так мне рассказывали в Тбилиси, а мы же с вами договаривались, что мы не в суде.)

Так вот (рассказывают в Тбилиси), этот уругвайский тренер после матча и говорит:

— У нас, — говорит, — в Уругвае тоже темпераментные болельщики, но я впервые вижу, чтобы после первого тайма игрока уносили с поля на плечах...

Ему на это:

— Вы не поняли. Он уходит из футбола!

Тогда уругвайский тренер и сказал фразу, ради которой в Тбилиси рассказывают эту историю:

— Он — уходит, а эти остаются?

О спорт!.

Великие комментаторы иной раз договаривались до великих перлов. Котэ Махарадзе с мягким обаятельным акцентом так описал происходящее на поле:

— Гаврилов перекинул мяч через шотландского защитника и овладел им...

Финал чемпионата мира по футболу 1998 года мы смотрели всей редакцией «Московских новостей», в сильно расширенном составе. Как говорится, пришли все: от Жванецкого до послов Франции и Бразилии...

Сняли на Ордынке клуб с большим телевизором, накрыли «поляну» и устроили, для пущего веселья, тотализатор. Касса собралась основательная, — что, конечно, придавало грядущему финалу дополнительное напряжение.

«Линия» на этом тотализаторе была только одна — счет матча.

А играли знатоки со стажем! Я краешком памяти помню матч СССР — Чили 1962 года и могу «близко к тексту» назвать состав сборной Голландии времен Круифа, — что ж говорить о тех, кто помнил состав «Динамо» против «Челси» в сорок шестом! А были в тот день на Ордынке и такие...

Кто-то из знатоков и должен был взять кассу, наполнявшуюся на глазах.

За компанию решила поучаствовать в тотализаторе и Елена Веселая из отдела культуры. Про футбол Лена знала, что это такая игра ногами, а про Пеле думала, что это марка плохого кофе. Ну отдел культуры, что взять?

Вокруг Лены образовалась толпа доброжелателей. Пиши «два один», советовал один умный; пиши «один ноль», советовал другой...

— А кто играет? — спросила Лена.

— Как кто? Бразилия — Франция!

— Ой, Франция! Я Францию люблю! — обрадовалась Лена и написала на бумажке: «Франция. 3–0».

Ну, ее, конечно, начали отговаривать от такой глупости, но Лена не сдавалась: люблю, говорит, Францию, и все тут! Ну хорошо, люби, но не три же ноль — против Бразилии! Это же деньги на ветер!

Вы когда-нибудь пытались отговорить женщину от заведомо идиотского поступка? То-то и оно. Так и оставила Лена свои «три — ноль» в пользу Франции...

И взяла кассу.

Ветераны

Саша Володарский, вместе со всем человечеством, десятые сутки напролет сидел у телевизора.

— У Батистуты это третий чемпионат мира, — сказал комментатор.

— А у меня — четвертый, — вздохнула жена Володарского...

Уезжая, эмигранты прихватывали с Родины самое ценное и легкое, чтобы довезти до Рима и толкнуть на пересадке.

Знающие люди утверждали, что кроме икры, водки и оптики на Западе хорошо идет советская атрибутика — армейские шапки, вымпелы и прочая краснознаменная ерунда...

Н. подошел к вопросу кардинально и вывез из своего Житомира пару килограммов октябратских значков. Но — не попал в спрос: мода на социализм в Италии прошла; Ленин, даже маленький с кудрявой головой, всех достал и гроша ломаного не стоил.

По всему выходило, что значки ждет помойка в Римини, — но нет таких крепостей, которые бы не брали большевики!

Н. пошел навстречу спросу и совершил фантастический ребрендинг: он выдал юного Ильича за футболиста Заварова, который только что приехал играть за «Ювентус».

И итальянцы расхватали октябратские значки как миленькие!

Матч Англия — Эквадор я смотрел в кафе, в компании группы московских армян. Все они страстно болели за Эквадор!

Это была моя первая встреча с людьми, питающими пристрастие к эквадорскому футболу, и я осторожно поинтересовался причиной этого странного недуга.

И услышал поразительное признание:

— У них флаг на наш похож...

Премия Дарвина

Эта премия — плод черного юмора — предусмотрена за самую идиотскую смерть. Пьяный поляк на спор отпилел себе башку автопилой... ветеринар в зоопарке поставил слону клизму и остался посмотреть на результат... какого-то японца подбросили и не поймали на корпоративной вечеринке...

Я мог стать лауреатом этой премии в номинации «геополитика».

Дело было так.

В Хорватии, летом, я зашел в спорт-бар — занять столик на вечерний матч английской премьер-лиги. Увы, ответили мне, здесь будут показывать не Англию, а главное хорватское дерби.

Тут-то я и проявил осведомленность:

— «Партизан» играет?

Настала тишина.

«Партизан» — сербская команда.

Что во мне замкнуло, до сих пор понять не могу. Переотдыхался, видать.

С перепуга я немедленно вспомнил и озвучил имена Шукера и Просинечки, вспомнил славный хорватский «бронзовый» 1998 год...

Только это и спасло меня от линчевания.

Двойной стандарт

Комментатор футбольного матча Германия — Украина сообщил россиянам об антиукраинской кампании в немецких СМИ:

— Немцы возмущены отношением на Украине к собакам...

И подумав секунду, закончил с некоторым недоумением:

— Почему-то именно к собакам...

Тревожный сигнал

Во время матча итальянской футбольной лиги комментатор заметил:

— Генуэзцы ни в чем не уступают миланцам...

Моя жена, услышав это, удивилась:

— Откуда он знает?

Действительно, откуда?

И главное: откуда сведения по этому вопросу у моей жены?

С чего бы вдруг?

Шел матч «Фейенорд» — «Бавария». Играли в Роттердаме.

Чуткий российский комментатор, понаблюдав за реакцией трибун, сообщил телезрителям: «Почему-то в этом городе не любят немцев...».

Роттердам был стерт с лица земли авиацией Геринга 14 мая 1940 года, но знание об этом выходило за пределы специализации...

Фашисты были не вовсе чужды культуре.

Один любитель живописи из числа офицеров вермахта посетил (в заблаговременно оккупированном в Париже) мастерскую Пикассо.

Ходил, разглядывал холсты. Остановился у «Герники».

Поинтересовался:

— Это ваша работа?

— Нет, — ответил Пикассо. — Это — ваша работа.

Страшная месть

Замечательного фантаста Михаила Успенского пригласили на семинар в Польше. Сделав ваучер в какой-то турфирме, Миша рванул из своего Красноярска в неблизкий путь.

Белорусских пограничников Успенский прошел без помех, но их польские коллеги проявили похвальную бдительность, обнаружив, что какая-то строчка в ваучере не заполнена на компьютере, а вписана от руки.

Сутки Успенский просидел в приграничном «обезьяннике» с группой задержанных цыган-контрабандистов. Цыгане оказались милейшими людьми — и помогли русскому фантасту снять сердечный приступ от польской бдительности легкой дозой кокаина...

На родину Мицкевича Успенского так и не пустили — и отправился он поперек всех меридиан обратно через всю Евразию...

— И что же, ты все это так и оставил? — вскричал я, выслушав этот рассказ.

Успенский улыбнулся широкой доброй улыбкой:

— Ну уж нет! Я же пишу новый роман. Теперь там появился новый персонаж — польский нунций, педераст и страшный мерзавец...

Страшная месть-2

Фотографа Валерия Плотникова тоже лучше не огорчать без надобности...

Когда-то, давным-давно, он сделал замечательный портрет нашего общего друга, театрального режиссера. Режиссер стоял, ироничный и немного печальный, чуть облокотившись на спинку кресла.

В кресле сидела его жена.

Потом он умер.

А жена повела себя не лучшим образом...

Спустя несколько лет Валерий Федорович показывал мне свои новые работы. Потом в его голосе прозвучала какая-то новая нотка.

— Смотри!

Это был хорошо знакомый мне портрет нашего покойного друга. Тот стоял, ироничный и немного печальный, чуть облокотившись на кресло...

А в кресле никого не было!

Подлокотники, высокая резная спинка, обивка в цветочек... И все. Так булгаковский Коровьев дунул в домовую книгу, и из книги исчез Алоизий Могарыч.

Страшная месть-3

Рассказ Александра Николаевича Яковлева о временах его партийного руководства:

— Разные люди приходили... Один, помню, пришел и начал рассказывать про космос. Вообще-то он пожарный, но пожаров-то нет, вот он и начитался. Сидит, рассказывает... Слушаю его, слушаю — и вспоминаю: у нас в Архангельском обкоме сидит один тип — антисемит и вообще страшная сволочь. Погодите, говорю пожарному этому, который про космос. И звоню в Архангельск. Скажите, спрашиваю, у вас там не намечается семинара по астрономии? (А звоню-то я из ЦК.) Намечается, отвечают! Отлично, говорю, я вам докладчика пришлю...

Академик широко улыбнулся и торжественно закончил:

— Четыре с половиной часа, бляди, слушали его!

Страшная месть-4

В юных годах N. была любовницей большой советской «шишки», редактора популярной газеты. В числе главных характеристик «шишки» значился типовой партийный антисемитизм.

Ухнули в небытие восьмидесятые, пролетели девяностые, проползли нулевые... Партийная «шишка», приватизировав газету, стал миллионером, но стать миллионершей у N. не получилось: промурыжив до бальзаковского возраста, босс-антисемит отправил ее в отставку и перешел на подросших лолит...

Мы встретились с ней случайно на какой-то тусовке.

— Вышла замуж, — рассказала о себе N.

— И кто твой муж? — спросил я.

N. помолчала и ответила с плохо скрываемым торжеством:

— Еврей!

Страшная месть-5

Дело было в Париже, на фабрике по производству резиновых женщин.

Журналист желтой российской газеты поинтересовался у хозяина фабрики подробностями кастинга: как определяется рост этих безотказных франсуаз? объем груди и талии? черты лица, наконец... Анонимные опросы? Квоты на худеньких и полненьких?

Хозяин заведения усмехнулся: какие, говорит, квоты? Я, говорит, в юности ухаживал за одной женщиной... Долго ухаживал... А она мне так и не дала. Теперь — вот!

И указал на ряд голых резиновых женщин с одинаковым, очень интересным лицом.

Сотрудник глянцевого журнала задумал слетать на халяву в Лондон, на Уимблдон.

Газетное начальство дало отмашку на эти немаленькие расходы, но с одним условием: журналист привезет эксклюзивное интервью с Андре Агасси! (Личная жизнь Агасси в то время жутко интересовала планету.)

Журналист прилетел в Лондон и сразу прилип к теннисисту, как банный лист — собственно, требовалась ему самая малость, буквально пара слов в диктофон, для оправдания слова «эксклюзив», а про личную жизнь Агасси он давно все мог рассказать сам.

Но чемпион раз за разом проходил мимо молча.

Турнир близился к концу; Агасси, круша соперников, летел к финалу. Российский журналист не сдавался, выныривая с диктофоном наперевес из-за каждого угла, и уже перед самым финалом подстерег теннисиста чуть ли не у дверей номера.

Тут чемпионские нервы наконец сдали, и количество стремительно перешло в качество.

— Пошел на хуй! — на хорошем английском закричал Агасси. — Ты меня заебал!

Подоспела охрана — и пинками погнала российскую журналистику прочь от теннисной элиты.

Через пару недель глянцевого издание вышло с фотографией великого теннисиста на обложке и анонсом: «Я смертельно устал, — заявил в эксклюзивном интервью нашему корреспонденту Андре Агасси...»

И попробуйте сказать, что перевод неточен!

Руководитель клуба самоубийц

...позвонил в желтую газету с предложением об интервью.

«Клуб самоубийц»! — это было круто даже по меркам сумасшедших 90-х. Пока этого перца не перехватили конкуренты, к идеологу суицида была отправлена журналистка.

Ожидался гвоздь номера, и ожидался не зря.

— Жизнь не имеет смысла! — витийствовал герой номера. — Надо уходить из бытия самим, смерть — это избавление...

Журналистка радостно кивала, и вдохновенный чувак навалил этой уцененной брюсовщины на печатную полосу.

...Он позвонил в ту же газету через восемь лет — и предложил сделать новое интервью.

— О чем будем говорить? — поинтересовались в редакции.

— Ну как же! — с готовностью откликнулся потертый временем ветеран суицида. — Жизнь не имеет смысла! Надо уходить из бытия самим...

Говорят, фамилия этого человека была — Шлипентох. Ну, может, и не Шлипентох, но что-то очень похожее. Он был обладателем роскошного баритона и работал диктором. Сначала на Всесоюзном на радио, потом еще каком-то...

А потом начал путешествовать по стране.

Потому что пил.

И неотвратно допивался до того, что срывал эфир.

Начальство ярилось, но баритон, очищаемый спиртовыми растворами, хуже не становился — и Шлипентоха снова брали на работу, благо страна большая. Города сменялись, как женщины; Шлипентох кочевал по России, как древний калмык.

Шли годы.

Однажды он проснулся от треска будильника. Голова привычно болела после вчерашнего. За окном было темно. Он добрылся до работы, сел в студию, прокашлялся, подождал, когда дотикают сигналы точного времени, и сказал:

— Доброе утро! Говорит...

И остановился, потому что понял, что не помнит названия города, в котором находится. Пермь? Вологда? Ульяновск? Но горела красная лампочка: шел прямой эфир.

И ветеран советского радиовещания, презрев географические подробности, закончил скромно и величественно:

— Говорит Шлипентох!

...пропитывают нас и становятся нами.

Стоя над гробом, безутешная вдова повторяла сквозь рыдания: «Самый человечный человек... Самый человечный человек...».

Тут надо заметить, что хоронила она вовсе не Ульянова-Ленина, в честь которого была написана эта небольших достоинств строчка, — а совершенно другого человека.

Пятилетняя девочка увлеченно играла сама с собою под деревом — к удовольствию и гордости бабушки, сидевшей на скамеечке поодаль.

— Хорошо тебе там играть? — спросила наконец бабушка.

— Да! — крикнула счастливая девочка.

— А ты иди сюда, ко мне, на солнышко, — посоветовала бабушка.

Послушная девочка нехотя оставила игру и побежала куда было велено.

— Не беги! — прикрикнула мудрая бабушка. — Иди шажочками, а то упадешь. Яблочко хочешь?

— Да! — обрадовалась девочка.

— На вот тебе сливу, — сказала бабушка.

Девочка удивилась, взяла сливу и побежала обратно под дерево, но споткнулась и упала.

— Вот! — с удовольствием сказала бабушка. — Говорила я: упадешь! Говорила! Ты ж бегать не умеешь, ноги у тебя неправильные...

Пятилетняя обладательница неправильных ног изо всех старалась не расплакаться.

— Она бегать-то не умеет, — громко разъяснила бабушка соседке по скамейке. — Неправильно ноги ставит!

Соседка, кивая, рассматривала девочку вместе с ее неправильными ногами, и девочка все-таки заплакала.

— Она и ходит-то неправильно... — сообщила бабушка. — Ты на скамейку сядь и сиди! — снова переключилась она на предмет воспитания. — Раз ноги не умеешь ставить.

Девочка уже выла.

— Еще раз побежишь — домой пойдешь, дома будешь сидеть! — Бабушка прибавила звук и перешла на следующую октаву. — Нечего бегать, а потом мне тут плакать!

— Я не плакала, не плакала! — закричала девочка, еще две минуты назад счастливо игравшая под деревом.

Но правда восторжествовала.

— А я видела, видела! — радостно настояла бабушка. — Плакала, плакала!

Вообще-то я против смертной казни, но иногда очень хочется...

Проверка грамотности

Девушка застала маму в своей комнате над раскрытым конвертом. Мама, учительница русского языка, читала письмо дочери, адресованное ее юноше.

Девушка лишилась дара речи, — в отличие от мамы.

— Учила, учила тебя «не» с глаголами писать... — неприязненно сказала дочери работница просвещения.

На школьной дискотеке погасили свет, но интим продержался только полминуты: классная руководительница с диким криком вернула иллюминацию.

Наутро вместо первого урока в девятом «А» искореняли безнравственность. Классная руководительница ходила катком и равняла развратников с землей. Педагогический процесс завершился грандиозным обобщением:

— Хорошие дела в темноте не делаются!

И тут руку поднял Дима — закоренелый отличник, тихий мальчик из хорошей семьи.

— Да, Дима, — с легким сердцем разрешила классная руководительница.

— Марь Иванна, — с тревогой в голосе спросил Дима, — а как же шахтеры?

Антисоветчина

В глубоко советские годы в школе задали сочинение на тему «Что бы ты сделал, если бы увидел живого Ленина?». Один мальчик написал просто и гениально: «Я бы очень удивился». Родителей вызывали в школу.

Твердая пятерка

Юный сын Михаила Таля не был силен в школьной программе по литературе, но не губить же отпрыска советского чемпиона мира!

Не сильно уповая на конкретику — названия романов, герои, коллизии — учительница литературы поставила вопрос максимально размыто:

— Что оставил после себя Достоевский?

И юный Таль ответил:

— Хорошее впечатление.

Мадам Капулетти

— А вашу Юльку Ромка любит! — крикнул со двора какой-то мальчишка.

— Ты! — грозно ответила ему женщина в окне. — Выбирай выражения!

Насчет имен — Ромка и Юлька — это я не выдумал, честное слово...

Страшный репертуар

Молодые родители пошли в гости, оставив шестилетнему сынишке на сон грядущий кассету с какой-то милой фантастикой. И уже в гостях вспомнили, что милая фантастика эта была записана поверх довольно жесткой «порнушки» — и закрывала ее отнюдь не целиком...

Наутро мама предприняла осторожную разведку: мол, как кино?

Сынишка был очень доволен увиденным.

— Ты только один фильм посмотрел? — уточнила мама. — Там еще второй был...

В глазах ребенка мелькнула тень ужаса.

— Не-е... — сказал он. — Я его смотреть не стал. Там пытки!

Родители ушли в кино, оставив с ребенком бабушку — приезжую и религиозную.

— Молись и кайся! — потребовал внучек.

— Что?

— Молись и кайся!

Кошмар продолжался весь вечер. Бабушка охала, махала руками, предлагала игрушки, но отвлечь внучика от нравственного максимализма не удалось ничем.

— Молись и кайся! — кричал он и сам рыдал в голос.

Доведенная до стенокардии, бабушка тоже рыдала, пила капли и с ужасом ждала возвращения родителей.

А просил мальчик — поставить ему кассету с мультиком...

«Малыш и Карлсон»!

Признание

В не самые сытые советские годы на дачу художника Ореста Верейского повадился ходить деревенский мальчик. Собственно, добросердечные хозяева сами его и «прикормили»: то вынесут к калитке конфету, то яблоко...

Однажды позвали внутрь, напоили чаем с пирожками.

Попив чаю и доев пирожки, мальчик вздохнул и высказал заветную мечту:

— Тетя Люда, я хочу у вас жить и кушать...

Как победить склероз

Нобелевский лауреат Петр Леонидович Капица сформулировал однажды: «Если хочешь ничего не забыть, надо спать с секретаршей».

У меня секретарши нет, и родная дочь по заслугам выдала мне погоняло «кладбище приветов»...

А маленькая Яна Иртеньева однажды встретила отца-поэта радостным сообщением:
— Папа! Кто-то звонил, просил что-то передать!

Цирк

Мальчик и бабушка ехали в цирк.

Они вышли из вагона на станции «Цветной бульвар»; бабушка встала посреди платформы и, задрав голову, начала изучать указатели. Пятилетний внук пяти тащил ее за руку к выходу — бабушка отбивалась и кричала «не мешай».

Она простояла под указателями добрую минуту.

А выход со станции был только в одну сторону!

Пятилетнему человеку в этой ситуации все ясно; в шестьдесят лет он должен изучить инструкции...

Решение еврейского вопроса

Десятилетний Марк нацелился на бутерброд с ветчиной, но был остановлен отцом.

— Видишь ли, сынок, какое дело... — задумчиво произнес папа. — Если ты еврей, тебе свинину есть нельзя!

— А если русский? — уточнил Марк.

— Если русский, то можно...

Мальчик задумался. Ехидный еврейский папа и веселая русская мама с интересом ждали результатов провокации.

— Хорошо, — сказал Марк, — я съем пол-бутерброда!

Не прошли проверку

Десятилетний Иван, сын наших друзей, попал в наш дом впервые. Минут десять он молчал, производя чинное впечатление, а потом сказал:

— Меня предупредили, что мы идем в интеллигентный дом. Поэтому у меня только один вопрос: горячее будет?

Когда взрыв хохота улегся, Ванечку заверили, что — будет непременно. Мы сели за стол, и жена, имея в виду поскорее насытить подрастающее поколение, вынесла кастрюлю с картошкой и блюдо с мясом — и все это поставила между салатами.

Ванечка еще немного подумал и сказал:

— В интеллигентных домах горячее подают потом.

Про Вадима Жука я уже рассказывал в этой книге и расскажу чуть ниже. А еще среди моих друзей есть замечательный фотограф Юрий Лев и (увы, была) великолепная поэтесса Рената Муха.

Потомки бывают умнее, чем предки,

Но случаи эти сравнительно редки...

Здорово, да?

Но история не о стихах, а о том, как мы приехали навестить нашу дочь-семиклассницу, отдохавшую под Москвой в компании с подружкой.

Подружка сидела на диване с книжкой, а мы делились с Валентиной новостями и приветами:

— Тебе передавал привет Жук... — говорила моя жена. — Скоро приедет Лев... У Мухи наконец вышла книжка...

Дочка радостно подпрыгивала, а подружка начала тихонько забиваться в угол: она вдруг поняла, что находится в компании сумасшедших, которым передают привет жуки, в мире, где мухи пишут книжки...

Цена за квадрат

- Ленин, — сформулировал юный москвич, — это такой богатый коммунист.
- С чего ты взял?
- Ну-у, у него такая большая могила в центре Москвы!

Зоологическая бабушка

— Летом мы поедem к бабушке, — рассказывала мама маленькой Лeнoчкe. — Там будут лошадки, овечки, коровки...

— Бабушка живет в зоопарке?

Ромашка

В спецшколе для одаренных детей, в пустом классе, девочка лет шести, встав на стул у доски и высунув от усердия язык, рисовала цветными мелками ромашку. Проходивший мимо педагог успел умилиться этой картинке, будто взятой из советской книжки...

А девочка посмотрела на часы, вздохнула и сказала:

— Блять, на сольфеджио опаздываю!

Острое желание

Эта фраза приписывается Питеру Бруку — и сказана она была, якобы, во время съемок фильма «Повелитель мух»:

— Когда вокруг много детей, никогда не знаешь, кого из них схватить за ноги, чтобы ударить другого по голове!

Когда-то я преподавал в Московском дворце пионеров и школьников. В бруки не вышел, — но если бы вы знали, как понимаю коллегу Питера!

Рефлекс

Мать троих детей, по собственным ее словам, поняла, что с деторождением надо завязывать, когда на бизнес-встрече начала резать мясо в тарелке у собственного начальника...

Африканские друзья

Школьное задание звучало так: «написать письмо африканскому другу и объяснить ему содержание стихотворения». А стихотворение было есенинское, хрестоматийное:

Белая береза под моим окном

Принакрылась снегом, точно серебром...

По мысли авторов учебника, ребенок должен был сформулировать, что такое береза, снег, иней...

Но не все русские мальчики живут в России. Однажды это задание досталось сыну моих друзей, рожденному в Испании — и никогда не видевшему ни этого снега, ни этого инея...

Он прочел задание, подумал и сказал:

— Мама! Африканский друг — это я.

А пятнадцатилетняя дочка другого приятеля-эмигранта решила сама «взять» курс родного языка, потерянного за годы англоязычной жизни.

На занятиях им дали читать «Повести Белкина». Вечером отец спросил, все ли понятно. Все понятно, ответила умница-дочка, только два вопроса: что такое «станционный» и что такое «смотритель»...

Эмигрировав в Канаду, Лена вырастила дочку в уважении к родному языку. На бескрайних просторах Британской Колумбии девочка читала отечественные сказки и пела русские народные песни...

Однажды она спела маме «Рябину красную».

— Ты все понимаешь в этой песне? — спросила Лена.

— Конечно, — ответила дочка. — Это песня про salmon.

Когда первый шок прошел, Лена решила уточнить: причем тут лосось?

— Ну как же? «Ры́бина красная»...

Ментальный разрыв

Та же самая продвинутая девочка решила однажды уточнить у мамы, что означает пословица «Кто не работает, тот не ест».

Мама объяснила.

Дочка удивилась: как? а велфер?

Велфер — пособие по безработице. Кто не работает, все равно ест! Чай, не социализм.

Русский мальчик в Баден-Бадене прочитал надпись на мемориальной доске и в сильнейшем возбуждении побежал к маме:

— Мама! В этом доме жил русский писатель Николай Гугл!

Да-да, тот самый Николай Васильевич Гугл.

Дай ответ, Гугл... Не дает ответа.

Сын моего приятеля, закончив университет, все не мог трудоустроиться — и занимался этим, по наблюдениям отца, довольно вяло... Сидел в интернете, манкировал собеседованиями и вообще не проявлял особого интереса к жизни за пределами Сети...

А на прямой вопрос ответил просто:

— Понимаешь, там я — Ваня с химфака. А здесь — эльф 76-го уровня!

Приглашение в группу на интернет-ресурсе:

«Хватит быть как все! Мы уникальны!»

И в верхнем углу состав группы — 36 849 участников.

Кто будет богатым

Стояли мы как-то втроем — я, Вадим Жук и продюсер Юлий Малакянц. И подошел к нам мальчик с ладошкой и скорбным голосом. Работал он довольно убедительно, и скорее из уважения к профессии лицедея, чем из жалости, мы выгребли из карманов мелочь и отдали ее юному дарованию.

Разговор тут же соскочил на тему профессионального нищенства, и каждый вспомнил историю на этот счет.

Вадик рассказал о своем друге, питерском скульпторе Василии Аземше, к которому как-то подошел несчастный бомж и сказал:

— Брат! Дай на хлеб.

А Аземша как раз шел из булочной, и из авоськи у него торчал батон (или, говоря по-питерски, булка). Поняв просьбу буквально, скульптор отломил свежую горбушку и протянул ее страдающему брату.

Страдающий брат плюнул, грязно выругался — и долго еще потом грязно ругался в удаляющуюся спину добросердечного скульптора.

В ответ я поделился воспоминанием о Григории Горине: мы стояли в тамбуре поезда Нижний Новгород — Москва, ожидая отправления, когда с аналогичной просьбой (насчет финансовой поддержки в счет человеколюбия) у ступенек возник юноша призывного возраста.

На юноше были кроссовки «адидас», джинсы «левайс» и фирменная курточка.

И Григорий Израилевич нравоучительно сказал ему:

— Юноша! Вы недостаточно плохо одеты.

Возможно, продюсер Малакянц тоже вспомнил бы какую-нибудь историю на эту трехгрошовую тему, но тут Жук заметил, что на парапете чугунной ограды, возле которой мы стоим, лежит горстка медных монеток.

Происхождение этой мелочи мы поняли через пару секунд: монетки оставил мальчик, просивший подаяния. Серебро взял, а медью — побрезговал.

— Ни фиги себе, — сказал я.

— Да, неглупо, — сказал Жук.

А продюсер Малакянц аккуратно собрал медь и, положив ее себе в карман, наставительно произнес:

— Мальчик никогда не будет богатым.

Мы с Жуком, видимо, тоже.

Приход в голову настоящей шутки — всякий раз чудо и счастье.

Дело было в Риге (Рига — в этой истории обстоятельство важное, оставьте его, пожалуйста, в голове на пару минут).

Мы ужинали большой артистической толпой в каком-то клубе. На стене висела картина — обычная, признаться, мазня: дворик, домик, дерево, собачка... И вот встал Вадим Жук и вкрадчивым голосом экскурсовода начал раскрывать нам художественные тайны этого полотна.

Молол что-то несусветное (Вадим Семенович — один из немногих моих друзей, знающий живопись по-настоящему; это и дает ему возможность качественно валять дурака).

Цветовая гамма, говорил Жук... работа со светотенью... школа Рембрандта... композиционное решение... обратите внимание на собачку...

Я обмирал от наслаждения — так это было изящно. Пять минут монолога — и ни единого шва, ни малейшего усилия, никаких следов внутренней работы! Когда с собачкой было покончено, все уже не смеялись, а всхлипывали от смеха.

И тогда Вадик казенным голосом сказал:

— Перейдем к следующей картине...

И обернулся наугад.

А никакой картины не было: за его спиной висели на стене обычные часы. Но паузы в монологе Жука не случилось. Он сказал:

— Эта картина называется «Латышские стрёлки»...

Концептуальненькое

Вадим Семенович Жук вошел в зал концептуального искусства лондонской Tate Modern, осмотрелся и спросил:
— У вас тут — ремонт?

Визитка впрок

На его визитке в давние советские годы значилось: «Вадим Жук, отец Ивана».

Ване в ту пору было совсем немного лет, и такая самоидентификация выглядела милой шуткой.

Как писалось в старых романах: прошли годы...

У меня брала интервью молодая журналистка. Среди прочего, поинтересовалась, кто пишет куплеты для программы «Плавленный сырок». Я назвал Вадима Жука, предупредив: вы вряд ли знаете это имя...

— Не знаю, — призналась она. — Я знаю — Ивана Жука!

— А кто это? — поинтересовался я.

— Ну как же! Известный рок-музыкант.

Правильно было написано на той визитке!

В шляпе

И привез я из Австралии шляпу из шкуры кенгуру — и в день рожденья Вадима Жука, посреди застолья, водрузил на ее новое законное место. Раздался хор одобрения — Вадим Семенович в кенгуриной шляпе был неотразим!

Когда восторги стихли, за столом раздался скептический голос Аллы Боссарт:
— Недорогая, наверное...

Уважительная причина

Убегаю на прямой эфир, засидевшись за компьютером, — дикий цейтнот, суета... Где ключи, где кошелек?

Зашедшая в гости взрослая дочь меланхолически наблюдает за моим броуновским метанием по квартире. Ключи найдены, но собака унесла ботинок! Ботинок отобран, но где мобильный телефон?

Наконец, уже в дверях, крик отчаяния:

— Рыб не покормил, еб твою мать!

Дочь, с неподдельным интересом:

— Поэтому и не покормил?

Где сядешь...

Поинтересовался у N. деловыми характеристиками общего знакомого и получил ответ:
— Попросишь его об эвтаназии — будешь жить вечно!

Метафоры

Про пессию своего племянника N. выразилась так:

— Она длинная и скучная, как Профсоюзная улица!

А художник Жутовский заметил по адресу одного господина:

— Холодный, как батарея летом.

Какая ужасно-прекрасная точность! Не как айсберг (это было бы феноменом природы), а именно — «батарея летом».

Не хочет включаться.

Взятка в рабочее время

Дело было в «Литгазете», в редакции «Клуба 12 стульев», в лучшие его годы. Появиться на шестнадцатой полосе было большой честью, и некий автор, получив гонорар, нашел ему наилучшее применение: купил бутылку хорошего армянского коньяка и пришел в редакцию — крепить контакты...

А коллектив редакции был, мягко говоря, пьющий. Оттопыренную полу пиджака, разумеется, заметили сразу — и с нарастающим нетерпением ждали, когда автор вынет и поставит. А тот все мялся, мучаясь порочностью своего замысла. Наконец, решился и водрузил свой коньяк на стол, за которым сидел редактор Виталий Резников.

Резников поднял голову и увидел бутылку. Перевел глаза на автора. Снова посмотрел на бутылку. И строго спросил:

— Что это?

Автор похолодел и забормотал что-то невнятное про свою благодарность...

— Вы хотели предложить мне взятку? — холодно уточнил Резников.

Автор подавился благодарностью и понял, что это конец. На дворе стояли строгие семидесятые годы.

— Взятку. Мне. В рабочее время... — вслух осознал Резников размеры человеческого цинизма.

Автор воровато схватил бутылку и попятился к дверям.

По мнению Владимира Владина, рассказывавшего мне эту историю, в двух шагах от смерти в это время находились уже двое. Гость был на грани инфаркта, а редактора (если бы из редакции ушла бутылка армянского коньяка) убил бы коллектив.

Несчастный уже исчезал с поклонами в дверном проеме, когда Резников сказал:

— Стойте!

И царственно объявил:

— Ваше счастье, что я беру взятки!

В середине девяностых я увидел ужаснувшую меня картину. По аэропорту шел хорошо одетый господин и громко говорил, обращаясь в пространство:

— Я в «Шереметьево». Через час лечу во Франкфурт, оттуда в Оттаву...

Никакого собеседника вблизи господина не наблюдалось, и я понял, что это сумасшедший. Всяко же бывает... Вот, думаю, тронулся человек от счастья, что скоро увидит Оттаву!

Бедолага продолжал громко оповещать пространство о своих планах на будущее, и прошло еще полминуты, прежде чем я увидел, что от уха говорящего под пальто тянется проводок.

Человек разговаривал по телефону — только и всего. А я, не подозревающий о существовании гарнитуры, крался за ним с выпученными глазами, готовый звать санитаров.

И кто, спрашивается, сумасшедший?

Вот еще похожий случай — и тоже через восприятие собственными глазами.

На тротуаре у Олимпийского проспекта пылилась техника, вещественное доказательство ремонтных работ. Мимо шел человек. Вдруг он остановился, повернулся — и низко поклонился асфальтоукладчику.

И пошел дальше.

Церковь — вдалеке, на взгорке — я увидел только спустя несколько секунд...

Тридцать лет спустя

Вениамин Смехов ждал такси, чтобы ехать на радио «Свобода» — на эфир моей программы «Все свободны». Ну и дождался.

Женский голос в трубке сказал:

— Миледи у подъезда. Можете выходить.

Бывший Атос похолодел.

— Кто?

— Миледи!

— Что?

— Такси приехало! — уже раздраженно пояснила девушка.

«Миледи» — было название фирмы, из которой референтки радио вызывали такси гостям.

Смехов до сих пор уверен, что это я подстроил.

А с раввином Шаевичем мы разговаривали не в прямом эфире, а под запись, — и, расслабившись, я не уследил за хронометражом.

— Лишнее получилось... — говорю.

— Лишнее можно отрезать, — со знанием дела заметил Шаевич.

Загадка

В коридорах «Свободы» висят рядками фотографии гостей. Компания, разумеется, самая разношерстная, гении вперемешку с подлецами... И на каждом портрете автограф, где поизящнее, где побанальнее.

На фотографии бывшего спикера Ивана Рыбкина его рукой крупно и красиво начертано: «Бороться и искать, найти и не сдаваться...».

...Посреди президентской кампании 2004 года Ивана Петровича нашли в малоадекватном состоянии в Киеве, у какой-то девки, — и еще несколько дней потом он нес многозначительную пургу, пытаясь изображать из себя жертву путинского режима.

И после всего этого — «Бороться и искать, найти и не сдаваться»!

Полярник...

И вот я думаю: это он так тонко пошутил — или просто дурак?

В дни «Норд-Оста» в прямой эфир «Эха Москвы» позвонил бывший спикер Государственной Думы Хасбулатов. Попросил дать ему возможность обратиться к террористам. Сказал, что попробует их убедить...

Попытка не пытка; Руслана Имрановича вывели по телефону в прямой эфир.

И Руслан Имранович сказал:

— Я как ректор социального университета требую отпустить наших студентов!

На этом антитеррористическая агитация закончилась.

Озадаченная ведущая спросила:

— Погодите! А женщин? А детей?

— Ну и детей, — согласился Хасбулатов.

Летом 1997-го глава радиостанции «Эхо Москвы» Алексей Венедиктов сумел залучить в прямой эфир Гейдара Алиева.

Разумеется, в комнатке для приема гостей все было заранее накрыто по высшему разряду, чтобы после эфира угостить президента Азербайджана — «согласно законов гостеприимства»...

За несколько минут до приезда высокого гостя Леша поинтересовался у девушек-референтов, все ли готово. Все было готово. И спиртное? Разумеется, ответили девушки. Армянский коньяк, пять звездочек...

— Как армянский?!

Все, кто когда-либо видели Венедиктова в гневе, подтвердят, что это вообще очень страшно. Но в ту секунду Алексей Алексеевич превзошел себя. Сейсмостойкие референтки выдержали удар стихии; уцелевшие еще в процессе крика начали сметать со стола пузатенькие бутылки «Арарата» и ховать их с глаз долой в самые дальние ящики.

Успели в последний момент: на радиостанцию уже входил президент Азербайджана.

Пока Алиев с Венедиктовым в прямом эфире обсуждали вопросы мировой геополитики, референты волками рыскали по Новому Арбату в поисках азербайджанского коньяка. Они нашли его в каком-то сомнительном ларьке, но было уже не до стандартов качества...

Политкорректные бутылки успели встать на место за несколько минут до конца эфира.

Президент Азербайджана вышел из студии и вместе со свитой прошел за стол. Сел, осмотрел пейзаж, благожелательно улыбнулся. Потом взял бутылку азербайджанского коньяка и осмотрел ее еще благожелательнее. Потом посмотрел на своих и коротко скомандовал:

— Уйдите все.

И когда все ушли, с обаятельной улыбкой спросил Венедиктова:

— А армянского нет?

«Минуй нас пуще всех печалей...»

Рассказ артиста Мамуки Кикалейшвили о его встрече с Шеварднадзе:

— Когда он сказал мне: «Ты не представляешь, как я тебя люблю», у меня внутри все похолодело. А когда он сказал: «Мамука, ты мне дороже родного сына», я понял, что надо уносить ноги.

Противоядие

Профессор Ленинградской консерватории Натан Перельман на десятом десятке жизни в разговоре с любимым учеником раскрыл секрет своего долголетия:

— Потому что я каждый день своей жизни начинал с Моцарта! Когда каждый день своей жизни вы начинаете с Моцарта, вам уже ничего не страшно...

И, помолчав, профессор уточнил размеры бесстрашия.

— Вы даже можете смотреть новости!

Анекдот

Ко времени встречи с Никулиным я уже догадывался о главном проклятье его жизни: разумеется, каждый второй из числа узнававших (а узнавали все) норовил схватить классика за локоть и рассказать ему анекдот.

И ведь главное, я это знал — и все равно не удержался: Юрий Владимирович, говорю, а вы слышали такой-то анекдот?

— От вас — еще нет, — смиренно ответил Никулин.

Встреча с классиком

Дело было в Сургуте. Я ужинал после концерта, когда из аэропорта в отель привезли — Евгения Евтушенко! Он выступал на следующий день...

Вскоре мы сидели за одним столом.

Классик был ко мне расположен и решил по-отечески похвалить за «Куклы».

— Знаете, Виктор, — сказал он, — про вашу программу мне рассказал мой старый друг, капитан дальнего плавания. Мы познакомились с ним в Монтевидео, когда в шестьдесят втором году я...

И Евгений Александрович рассказал увлекательнейшую историю из своей жизни. Год я могу путать, но за Монтевидео ручаюсь. От Монтевидео покатило дальше, замелькали имена — Хемингуэй, Неруда... Мы еще выпили, и классик вспомнил, что хотел меня похвалить.

— Да! — сказал он. — Про вашу программу! Я увидел ее недавно, но похожую видал еще в Америке, в шестьдесят пятом году, когда мы с Робертом Кеннеди...

И Евтушенко рассказал еще одну потрясающую историю — про себя и Роберта Кеннеди. Мы снова выпили. Потом классик увидел перед собой меня и сказал:

— Виктор! Так вот, насчет ваших «Кукол»!..

В этот вечер он еще несколько раз пытался меня похвалить. Он поднимал в воздух тяжелый бомбардировщик своего комплимента, но по дороге отвлекался, ложился на крыло и улетал в сторону автобиографии. Там и бомбил.

И все это было намного интереснее, чем комплимент, который он хотел мне сказать.

Если только это был комплимент.

Надежный метод

Молодой Андрей Вознесенский поил в цэдээловском буфете «молодогвардейского» критика Елкина, подсовывал ему стишки и провоцировал на рецензию.

А критик Елкин певца «треугольных груш» не переносил и в трезвом состоянии.

Короче, счастье привалило: Елкин взял у Вознесенского стихи — и через пару недель с разбегу обрушился на него погромной статьей в газете «Правда»!

И Вознесенский проснулся знаменитым.

Встреча в лифте

Фазиль Искандер любил и умел описывать громких дураков. Он даже посвятил этой разновидности стихотворение...

Одну встречу Искандера с дураком я видел своими глазами.

Дело было в конце семидесятых, в старом Дома Актера на Тверской (в ту пору — улице Горького). В лифт, где уже стоял я, вошел Искандер, а следом — громкий дурак с женой.

То, что этот дурак — громкий, выяснилось через несколько секунд, вот каким образом.

Искандер нажал на кнопку с цифрой, но лифт никуда не поехал: нужно было еще нажать кнопку «ход». И дурак, указав пальцем на Фазиля Искандера, громко сказал жене:

— Не знает, как пользоваться!

И радостно рассмеялся.

Фазиль Абдулович посмотрел на него посветлевшим благодарным взглядом. Это была долгожданная встреча писателя со своим персонажем...

Сама героиня этого сюжета на прямой вопрос: было или нет? — отвечала прекрасно-уклончивым образом... Имеет право: она — поэт, и не просто поэт, а Белла Ахмадулина!

Так вот: рассказывают, что осенью 1999-го в доме Ахмадулиной и Мессерера раздался телефонный звонок, и некто учтивый предложил Белле Ахатовне «войти в комиссию по выдвижению Владимира Владимировича».

— Не знаю, право, — принялась рассуждать Ахмадулина, — стоит ли выдвигать Владимира Владимировича... Мы так привыкли к нему, он так хорошо там стоит, на Триумфальной площади... зачем же его выдвигать?

— Дурочка, — зашептал любящий Мессерер, — это они про Путина!

— Я полагаю, — рассеянно маша на мужа рукой и кося своими прекрасными глазами куда-то вдаль, в эмпиреи, продолжала петь в трубку Ахмадулина, — что нам нет особенной необходимости выдвигать куда бы то ни было Владимира Владимировича... Он уже полвека стоит на своем месте, и, право, я не вижу достаточных оснований...

Наконец от нее отстали (что взять с небожительницы) и попросили передать трубку мужу — и довольно быстро подписали здорового Мессерера войти в «комиссию по выдвижению».

Но когда через некоторое время друзья начали недоуменно пожимать плечами по поводу его подписи и сам Мессерер начал чесать в голове: мол, как-то само собой получилось — Белла Ахатовна невинно, но вполне отчетливо спросила его:

— Ну, Боря? И кто же из нас дурак?

Диагноз

Главный редактор милостью божией, Егор Яковлев сообщил как-то одному журналисту: «Ты пишешь, как корова ссыт: много, муторно и в разные стороны».

Егор Владимирович вообще умел ободрять пишущих. Классический образец яковлевской рецензии на летучке: «Материал — говно, но лучший в номере»...

По окончании семинара молодые литераторы, уже в неофициальной обстановке, начали выпытывать у Леонида Лиходеева главную тайну писательского ремесла: где взять денег?

— Ребята, — ответил Лиходеев, — запомните слова старика...

И, значительно подняв палец, произнес:

— Деньги дают кассиры!

...в Безбожном переулке жили и Давид Самойлов, и Окуджава, и Левитанский... Жил там же и поэт-песенник Андрей Дементьев.

Как-то, во время совместной поездки в лифте с Окуджавой, Дементьев пожаловался ему на трудности жизни. Трудности эти состояли в организационных проблемах при постройке трехэтажной дачи...

Окуджава смиренно поинтересовался финансовым фундаментом такого строительного размаха, и Дементьев по-дружески посоветовал:

— Песенки надо писать, Булат...

Ошибочка вышла

Окуджаве предложили написать песню для фильма про гражданскую войну. Окуджава мягко, но категорически отказался. Режиссер решил уточнить причины отказа.

— Так ведь вы, наверное, за красных? — предположил Окуджава.

— Конечно!

— Вот видите. А я — за белых, — извинился Булат Шалвович.

Как только — так сразу

Не открывая глаз, я нашарил трубку:

— Алло!

— Доброе утро, Виктор, — сказала трубка. — Это Эльдар Рязанов.

Вам утром звонил Эльдар Рязанов? И мне раньше не звонил. Поэтому я, разумеется, сразу проснулся.

— Виктор, — сказал из трубки приятный голос Эльдара Александровича, — я прочел вашу пьесу. Хорошая пьеса. Как вы смотрите на то, чтобы я снял по ней кино?

О, какое начало дня!

Я смотрел на это положительно.

— Замечательно, — сказал Эльдар Александрович, другого ответа и не ожидавший. — У меня сейчас как раз перерыв между большими картинками, а у вас небольшая пьеса, я посчитал — мы уложимся за двенадцать съемочных дней... Группа у меня прекрасная...

Через минуту мы обсуждали распределение ролей.

— Там у вас пара антагонистов, — говорил Рязанов, — я предлагаю: Янковский и Стеклов. Вы как относитесь к Янковскому?

Как я отношусь к Янковскому? О-о-о...

— А к Стеклову?

...В постели, не открывая глаз, с трубкой у уха лежал человек. Он лежал, постепенно увеличиваясь в размерах. Это был не хрен с горы, как еще недавно, а — автор сценария к новому фильму Эльдара Рязанова! Из трубки в ухо лежащему медленно тек мед...

— Супружеская пара, — говорил трубка голосом всенародно любимого режиссера, — я думаю: Гундарева — Калягин. По-моему, это будет хорошо... Как вы считаете?

Я не заставил себя уговаривать. Я согласился на то, чтобы роли в моей пьесе играли Гундарева и Калягин... Я был удивительно покладистым в то утро.

— А старушку сыграет Ахеджакова, — продолжал Рязанов. — Вы ничего не имеете против Ахеджаковой?

Я не был против и Ахеджаковой! Моя толерантность вообще не знала пределов.

Рязанов продолжал фантазировать еще минут десять. К концу разговора фильм, в сущности, был уже готов, оставалось его снять за двенадцать съемочных дней с гениальными актерами...

— Да, — сказал классик уже на выходе из разговора, — и последнее: у вас есть пятьсот тысяч долларов?

— Что? — не понял я.

— Пятьсот тысяч долларов, — просто повторил Рязанов. — Это смета.

Пятисот тысяч долларов у меня не было.

— Странно, — удивился Рязанов. — Вы же на телевидении работаете...

— Да.

— И у вас нету полмиллиона долларов?

Мне стало стыдно.

— Ну хорошо... — смилостивился классик. — Виктор, давайте договоримся так: как только у вас будет полмиллиона — дайте мне знать. Мы снимем замечательное кино!

Этот утренний разговор случился почти двадцать лет назад.

Эльдар Александрович! Я коплю помаленьку.

Краткая автобиография

В начале семидесятых молодой Константин Райкин снялся в фильме у режиссера Самсона Самсонова. Через несколько лет случай свел их посреди Москвы.

Самсонов стоял в предбаннике гастронома «Смоленский», пережидая внезапный дождь. Он был небрит, и вообще вид у режиссера был, что называется, усталый... Не товарный.

— А, Костя! Привет.

Райкин тоже поздоровался, спросил, как дела.

— Дела отлично, — мрачно ответил Самсонов. — Снимаю новое кино. Антониони — слышал такую фамилию?

Костя слышал.

— Вот, с ним и снимаю.

Самсонов помолчал, глядя в ливень, и продолжил жизнеописание.

— Женился, — сказал он. И чуть погодя, дополнительно помрачнев, уточнил: — На Клаудии Кардинале.

— Поздравляю, — неуверенно сказал Костя. Помятый вид и мизантропические интонации Самсона Иосифовича как-то мало соответствовали этой праздничной автобиографии. Что-то не совпадало...

Самсонов помолчал еще немного, уставившись в непогоду, а потом сказал:

— Видишь, «мерседес» стоит? Мой.

В «мерседес» сел человек и уехал.

— О! — сказал Самсонов. — Угнали.

Ночная репетиция

Моим соседом в «Красной стреле» оказался — Юрий Григорович! Учтивый, легкий, контактный, остроумный...

Немедленно достаётся коньяк; десятки историй, портретов, воспоминаний следуют одни за другими. Время от времени, почти незаметно для себя самого, он переходит на французский... Богема!

Ложимся спать уже на подъезде к Бологому.

Григорович засыпает почти мгновенно — и во сне, не теряя времени, сразу приступает к репетиции.

— Корова! — кричит он. — Жопу подбери!

Я никогда не был на репетициях Григоровича, но этой, ночной, мне с лихвой хватило, чтобы узнать цену всем этим летучим амурам — и навсегда проклясть попытки человека преодолеть гравитацию.

Проехали и Бологое, и Тверь, а классик все мучил неведомую мне корову громкими требованиями подобрать жопу.

Забыться мне удалось только под утро.

Когда я очнулся, поезд подходил к Москве. Классик пил чай, был свеж и учтив, много говорил по-французски.

— Это Джигарханян.

— Добрый день, Армен Борисович!

— Виктор, дорогой мой, если бы ты знал, как я люблю тебя! Ты мой замечательный, ты мой золотой... Я горжусь тобой, я тобой люблюсь...

Ну, голос Джигарханяна вы себе представляете. Как женщины не отдаются ему прямо на улице, когда он включает этот тембр?

Через минуту, однако, сладкий обморок проходит, и я соображаю, что корифей достал где-то номер моего телефона — и, наверное, не для того, чтобы с утра пораньше сказать мне, что я его золотой.

— Армен Борисович, — говорю. — Я тоже очень рад вас слышать... Наверное, у вас есть какое-то дело... Так уже я готов!

— Виктор, дорогой, не мешай мне, — после небольшой паузы ответил Джигарханян. И еще несколько минут продолжал обволакивать меня обворожительной лестью.

Когда Армен Борисович наконец приступил к делу (а хотел он, чтобы я адаптировал для его театра один старый сюжет), я уже, как муха со склеенными лапками, мотался в его паутине. Я был в таких долгах с процентами, что отказаться не мог!

И корпел потом над чужим текстом, и сам мучился, и его мучил, и ничего не получилось... Но попробуйте сказать Джигарханяну «нет», если он хочет вашего «да»!

Что за речка?

«Расколоть» товарища по сцене — нет для артиста занятия запретнее и слаще! В конце концов, должен же один спектакль хоть чем-то отличаться от другого?

...В товстоноговском «Тихом Доне» казаки, возвращаясь с фронта, в восторге хором кричали:

— Дон! Наш Дон!

Реплика эта, встроенная в музыкальную партитуру, прозвучать должна была в определенную секунду, ни раньше ни позже.

Вопрос Михаила Данилова прозвучал, когда товарищи по сцене уже набрали в груди воздух.

— Простите, — тихо поинтересовался артист Данилов, — вы не скажете, что это за речку мы проезжаем?

— Дон! — хором, в соответствии с партитурой, с перекошенными от смеха лицами закричали артисты БДТ имени Горького.

— Не кричите, пожалуйста, — попросил их Данилов, — я вас прекрасно слышу.

И уточнил:

— А чья это речка?

— На-аш До-он! — хором закричали «казаки», подыхая от смеха и ужаса одновременно: Товстоногов за такие штуки мог и погнать из театра.

Смерть героя

Легендарный в будущем Котэ Махарадзе, уже вовсю промышляя конференсом, работал в театре имени Руставели.

Любимым его спектаклем был самый короткий.

В районе половины восьмого вечера Котэ Махарадзе получал в свою фашистскую спину партизанскую пулю, с криком падал за кулисы, переодевался из фашистского в человеческое — и уезжал на хлебную «халтуру».

Надо ли говорить о чувствах, которые Махарадзе вызывал в коллегах?

Короче, однажды «партизаны» сговорились — и Махарадзе получил свою пулю не в спину у кулисы, а в грудь и посреди декорации.

Ну, делать нечего — упал. А сцена длинная. А концерт через двадцать минут.

И вот партизаны видят — фашист не убит, а только ранен. Стонет и ползет к кулисе!

Похолодев, партизаны произвели несколько контрольных выстрелов в голову. Не помогло.

Живучего фашиста изрешетили из автоматов, но он продолжал ползти к кулисе — воля к жизни в эсэсовце обнаружилась совершенно незаурядная!

И тогда старый партизан — легенда утверждает, что это был великий Серго Закариадзе — настиг ползущего почти у самой кулисы и преградил ему путь. Молодой фашист Махарадзе ткнулся головой в сапоги корифея и замер, предчувствуя недоброе.

Закариадзе присел у тела, взял фашиста за волосы, приподнял голову, заглянул в лицо и со значением сказал:

— Умер.

И Махарадзе пролежал до конца сцены.

Борьба с пьянством

Сегодня мой товарищ по «табакерке» Саша Марин — известный канадский режиссер (как говорится, будете в Монреале — заходите). А в студенческие годы он замечательно играл главную роль в дипломном спектакле по пьесе Барри Киффа «Прищучил». Те, кто это видел, не дадут соврать.

Увидел это и Евгений Евтушенко — и пришел в полный восторг.

— Так играют только на Пикадилли! — категорически заявил он.

В семьдесят девятом это звучало немыслимой похвалой. Сегодня рискну заметить: на Пикадилли играют хуже.

Как бы то ни было, Евтушенко заметил Марина и вскоре позвал его на роль в фильм «Детский сад». Пробе на киностудии предшествовала краткая встреча с поэтом-режиссером.

— Ты пьющий? — прямо спросил Евгений Александрович.

А Марин в рот не брал, но, положившись на интуицию, сходу разыграл перед Евтушенко этюд на тему мятущейся русской души: мол, да, бывает... Когда, мол, тоска эдак, знаете... прижмет, разбередит... — бывает!

И посмотрел на режиссера честными глазами.

Очень хотелось роли.

А роль была как раз вполне «пьющая», что и успел сообразить ушлый Сашка.

И вот пришел решительный день. Марин, железный профессионал табаковской школы, пришел, готовый к пробе, с текстом, отскакивающим от зубов, с планом сцены...

Камера, мотор... Начали!

И Марин начал: что-то крикнул, рванул ворот рубахи, налил стакан, начал пить...

И понял, что пьет настоящий коньяк.

Полный стакан!

Краем глаза он увидел позади камеры сияющего Евгения Александровича (рубахи у Евтушенко такого цвета, что его видно и в темноте). Коньяк был режиссерской находкой, и классик был счастлив.

Марин доиграл сцену на аварийном самоконтроле. Сцена была длинной. Партнеры и павильон расплывались, звук собственного голоса приходил снаружи...

...— Ты кончай пить! — строго сказал ему Евтушенко. Он отвозил Марина домой. — Кончай пить, я тебе серьезно говорю! Сколько поэтов на моих глазах спились вот так. А были талантливей меня! — заявил Евтушенко уже совершенно невозможную вещь.

И еще полчаса компостировал Саше мозги, затуманенные его же собственным коньяком. Непьющий Марин приехал домой косой и пристыженный.

На роль взяли другого.

Дело было в начале двадцать первого века.

Артист Машков ехал со съемок домой — по самой что ни на есть России. И практически посреди Родины сломался у Машкова его «мерседес». Причем сломался кардинально — чуть ли не выхлопную отломало на очередной колдоебине.

А ближайший сервис (не «мерседеса», но хоть какой-то) — в городе. А ближайший город — хрен знает где...

И Вова Машков пошел в народ. Народ (в ближайшей деревне) почесал в голове и указал направление, по которому обитал механизатор Серега. До Сереги машковский «мерседес» волокли на тросе трактором.

По счастью, умелец был на месте и трезв. Он оглядел фронт работ и велел Машкову прийти наутро.

Наутро «мерседес» был на ходу — и, полагаю, менеджмент немецкого автопрома дорого дал бы за то, чтобы увидеть этот технологический процесс!

Обрадованный Машков задал ключевой вопрос:

— Сколько?

— Сколько-сколько... — крикнув, повторил довольный монополист Серега и внимательно рассмотрел кинозвезду, оценивая кредитоспособность.

И Машков понял, что сейчас отдаст монополисту половину гонорара за съемки в «Капитанской дочке».

Серега выдержал паузу и, шалея от собственной наглости, произнес:

— Сто рублей!

Если выходит хорошо...

— Это артист театра и кино Табаков, — говорит голос в трубке. — Помнишь такого?

— Вас забудешь... — отвечаю.

Через минуту выясняется: «артист театра и кино Табаков» звонит с предложением, чтобы я написал еще одну пьесу для его театра. Но главное — не само предложение, а довод.

— Витёк! — говорит Олег Павлович. — Я тут смотрю на Марию Олеговну... — (у семидесятилетнего Табакова только что родилась дочь) — ...и думаю: если что-то выходит хорошо, надо это делать!

А в середине семидесятых Олег Табаков был директором театра «Современник».

Разумеется, «расколоть» его на сцене было отдельной радостью для товарищей. Счеты с наглецами директор сводил не в кабинете, а тут же, на сцене.

В «Двенадцатой ночи» Табаков играл Мальволио — тоже, можно сказать, человека из администрации! Группа шекспировских шутов гороховых во главе с сэром Тоби в полном согласии с Шекспиром буйствовала под окнами и не давала администратору спать. Дурацкий смех одного из них Мальволио — Табаков осаживал фразой:

— Что это вы, сэр Эндрю?

Мол, что вы себе позволяете?

И вот как-то раз этот сэр Эндрю (молодой Константин Райкин) разгулялся сверх меры: уже осаженный Мальволио, он продолжал подхихикивать, взблеивать, всхрюкивать — в общем, валял ваньку и изводил партнера, благо драматургия позволяла...

Мальволио — Табаков терпел-терпел, а после очередного взблеивания надменно поинтересовался:

— Чем это вы, сэр Эндрю?

Смешливого Костю унесло со сцены.

— Витёк!

Это, уже в глубоко путинские времена, я привел съемочную группу телеканала «Дождь» во двор родной Табакерки, а там — сбор трупы! И Олег Павлович — на крыльце, собственной персоной.

— Витёк! Они должны наградить тебя Орденом Почета!

О да. Удушение в объятиях — способ известный. На этот счет Табаков и рассказал мне поучительную историю из личного опыта...

Вскоре после августа 1968 года он получил посылку из Праги. В ней без лишних объяснений лежали подарки — его, Олега Табакова, подарки Вацлаву Гавелу, Милану Кундере и другим друзьям-чехам... Задавленные танками Варшавского договора, чехи молча возвращали свидетельства былой дружбы.

Уязвленный Табаков намек понял. И, собравшись с духом, выступил по пражскому вопросу на каком-то мероприятии в ЦК ВЛКСМ. Мол, что за гадость ваши танки!

Устроили они этот либеральный демарш вместе с Олегом Ефремовым — и сели в уголку ждать, чего будет.

Советская власть взяла паузу. Кровавая бабушка Софья Власьевна могла сказать надвое довольно категорическим образом, и Табаков был готов к переменам в судьбе — он хотел этого и боялся, боялся и хотел...

Профессия и репутация лежали на разных чашах весов.

Но советская власть умела быть тонкой — и члену ЦК ВЛКСМ Табакову дали Орден Почета. На тебе цацку — и оправдывайся дальше перед Гавелом!

Хорошая технология, иезуитская, проверенная...

— Они должны дать тебе Орден Почета, Витек!

О да. И, по новым временам, долю в «Газпроме».

«И быстро уйти»

Проклятье театрального критика — просмотр спектакля в присутствии режиссера. Кинокритику легче: поглядел фильм на диске — написал рецензию... А тут — зажигается свет, а этот ирод сидит в трех метрах и смотрит тебе в глаза!

Рецепт спасения принадлежит Александру Свободину. Он инструктировал молодых коллег: бежать не надо! Надо самому подойти к режиссеру, крепко пожать ему руку, с вызовом сказать «А мне понравилось» — и быстро уйти.

Второй вариант текста при рукопожатии: «Есть о чем поспорить!»

И быстро уйти.

Как видите, быстро уйти — общий знаменатель в этом несчастном случае...

Гастроль

— Старик! — вскричал Александр Филиппенко. — Какое счастье, что я тебя встретил! Это судьба! Осенью летим в Кахетию!

— Мы с тобой?

— Да! Ты был в Кахетии?

— Нет.

— Ты ничего не понимаешь в жизни! Осенью надо лететь в Кахетию!.. С концертами! Два концерта, по отделению!

— А...

— Всё! Молчи пять минут, завтра с утра звони, согласуем даты. Пока! Осенью, в Кахетию, с Александром Филиппенко! Мысленное троекратное раскатистое «ура»... Утром первым делом бросаюсь к телефону.

— А Александра Георгиевича нет.

— А когда будет?

— Через две недели. Он сейчас в Берлине.

— Как в Берлине?

Несколько секунд мысленно щиплю себя за все места. Нет, вроде бы вчера не привиделось...

— Передайте, что я звонил...

Через пару месяцев случайно встречаемся снова.

— Как насчет Кахетии? — спрашиваю.

— Какая Кахетия? Ах, да... Забудь. Старик! Я сейчас репетирую Платонова... Слушай! И, взяв за рукав, большими вкусными кусками, прямо в фойе зала Чайковского, выдает мне Платонова...

Какое, действительно, счастье, когда встречаешь Филиппенко! Никакой Кахетии не надо.

Дело было в середине восьмидесятых в газете «Собеседник».

Я сидел, правя свою колонку, а рядом с дикой скоростью колошматил по электрической пишмашинке «Оптима» юный Дмитрий Быков. В комнате стоял пулеметный треск.

Не переставая колошматить, Быков рассказывал какой-то анекдот, в голос ржал над анекдотом ответным, о чем-то с кем-то спорил и одновременно разговаривал по телефону, прижав трубку ухом к плечу и не забывая пощипывать проходящих мимо девиц. В этом последнем случае он продолжал колошматить по клавиатуре пальцами свободной руки. Треск не прекращался ни на секунду.

Минут через десять он протяжно выкрикнул женское имя. Вошла секретарша, и Быков широким дугообразным жестом передал ей вынутый прямо из машинки горячий лист — на полосу!

Я оторопел.

— Быка, — говорю, — ты с ума сошел. Ты хоть перечитай, чего написал!

— А чего там читать, — отвечает это дите Парнаса. — Там все нормально.

— Девушка, — говорю, — дайте листик.

И вот я читаю быковскую колонку, написанную при мне за десять минут этого бедлама, — и холодею от зависти. Потому что это — хороший текст! С мыслью, с композицией, с юмором, с внутренними перекличками. Без единой синтаксической ошибки или опечатки.

Вот же гад...

— один из сценаристов гайдаевской классики.

Однажды я видел своими глазами (и имел счастье рассказать об этом Якову Ароновичу), что такое настоящая слава.

Дело было в московском артистическом клубе в начале двадцать первого века. В полумраке над стойкой работал телевизор — без звука, как часть дизайна и осветительный прибор. И пошла по телевизору «Кавказская пленница»...

Кто-то из сидящих в зале «поймал» и озвучил одну реплику. Из-за соседнего столика тут же подали следующую. Постепенно в игру включились другие столики...

И мы озвучили фильм до самого конца!

Текст отскакивал от зубов — страна знала его наизусть.

В последний раз

...мы встретились с Костюковским совсем незадолго до его смерти. Девяностолетний Яков Аронович предупредил:

— Виктор, я вам сейчас скажу слова, которые мне почти некому сказать.

И после паузы произнес:

— Я рад вас видеть.

Требовательность

— Я останавливаю съемки на год, — заявил Алексей Герман. — Мне нужен падающий лист...

— Но ведь еще только октябрь, — робко возразил кто-то.

— Этой осенью лист падает не так, — отрезал Герман.

— Мне очень нравятся женщины, — сказал Резо Габриадзе, — но они такие странные...

— Да чем же странные?

— Им нравятся мужчины!

Парадокс у Габриадзе — не попытка остроумия, а воздух, которым дышит этот нежный гений.

— Виктор, знаете, что такое двадцать первый век? Это когда едешь по Осло, а тебе звонят из Канберры и говорят: «Вам направо».

Или:

— ...Ах, Виктор, я самый трусливый человек на свете, но под диваном больше нет места...

Его трусость — особого рода.

— Я уже тридцать лет борюсь с грузинским народом... — посетовал как-то Резо. — У меня возле дома есть маленькая цветочная клумба. Очень маленькая. Я посадил там фиалки.

Вздых и завершение экспозиции:

— Но людям короче идти через клумбу, чем ее огибать...

Пауза, дающая собеседнику время уяснить экспозицию.

— На следующий год я посадил фиалки снова. Их снова вытоптали.

Пауза.

— Еще через год я посадил фиалки в третий раз...

Резо подвесил еще одну паузу — и взял в руки невидимые монтажные ножницы:

— Так мы и прожили эти тридцать лет. Я весной сажаю фиалки, но люди идут только прямо.

Вздых притворной покорности пролетел по веранде тбилисского кафе, и сюжет вышел на коду:

— И постепенно я стал приходить к выводу, что, возможно, они меня победили...

Дело было в семидесятые годы прошлого столетия.

Петр Наумович Фоменко поставил в Тбилиси спектакль. Банкет по этому случаю имел место в гостинице «Иверия», в ресторане, располагавшемся на высоком этаже.

Когда тосты пошли на второй десяток, слово взял немолодой грузин торжественного вида.

— Я хочу предупредить, — сказал он. — Если кто-то не выпьет со мной этот тост — клянусь, я выпрыгну в это окно!

И, подняв бокал, произнес:

— За великого сына Грузии, вождя народов, Генералиссимуса Иосифа Виссарионовича Сталина!

В драматической тишине раздался голос Петра Фоменко:

— Прыгай, сука.

Встреча с прекрасным

Дело было в середине шестидесятых.

Михаил Козаков, зайдя навестить маму, застал у нее немолодую пару: русского эмигранта, приехавшего по случаю «оттепели» посмотреть на Родину, и его жену, француженку.

К прискорбью, она не понимала по-русски и участвовать в разговоре не могла.

А разговор как раз пошел об «оттепели», о поэзии, о классических именах, только-только легализованных после смерти Сталина: Мандельштам, Цветаева...

Из Цветаевой молодой вдохновенный Козаков и начал читать — «Попытку ревности». Недавно узнавший эти великие строки, он с пылом неопита спешил поделиться ими с миром.

Как живется вам — хлопчется —

Ежится? Встается — как?

С пошлюхой бессмертной пошлости

Как справляетесь, бедняк?

Немолодой эмигрант слушал с большим интересом.

После мраморов Каррары

Как живется вам с трухой

Гипсовой?..

— Замечательно, — вздохнул гость.

Потом мужчины отошли к окошку покурить.

— А знаете, Михаил, — помолчав, сказал гость, — это стихотворение посвящено мне...

А труха гипсовая — вот.

И показал на свою жену. Та церемонно поклонилась. К счастью, она совсем не понимала по-русски.

Типичный случай

— Вот, — скорбно молвил бородатый детина рядом со мной. (Дело было в ЦДЛ, у книжного развала.) — Рубцов! Гноили его, не печатали... А умер — оказалось: гений!

Он помолчал и добавил:

— Вот и я так же.

В семьдесят пятом году на экраны вышел фильм «Звезда пленительного счастья». Молодой артист Владимир Качан спел там песню Булата Окуджавы на музыку Исаака Шварца — ту самую, про кавалергардов.

Может быть, век и недолог, — но не у этой песни!

Счастливая судьба «Кавалергардов» обеспечила артиста надежным куском хлеба. К концу третьего десятилетия, однако, этот кусок начал вставать у Качана поперек горла: где бы он ни выступал, дело неизбежно заканчивалось «кавалергардами».

Россия и заграница, рабочий класс и трудовое крестьянство, элитарные залы и «чес» по клубам... Десятилетия напролет, не реже двух раз в неделю... И взгляд туманится слегка.

В общем, Качан допелся!

Как-то, под восьмое марта, его позвали выступить перед работницами ЗАГСа. Артист запел «Кавалергардов» и пел, как говорится, на автомате, пока, на словах «не обещайте деве юной любви вечной на земле», не уперся взглядом в надпись «Комната жениха»...

Шляпа

Маленькая Мила и ее мама привезли из Одессы подарок для дедушки — соломенную шляпу с кантом.

— Какая прекрасная шляпа! — воскликнул дедушка. — У нас в Тамбове до революции продавали такие шляпы!

Он немного помолчал и закончил:

— Их надевали на лошадей.

Дедушке (тому самому мальчику Володе, чье скрипичное выступление сорвала Великая Октябрьская революция — см. т. 1, с. 223) было уже за восемьдесят, когда его увезли в больницу с инфарктом.

Юная, едва вошедшая в совершеннолетие внучка Мила, моя будущая жена, пришла навестить дедушку, и тут выяснилось, что в больницу привезли и после обеда покажут — кино.

Больные расселись в холле (внучка села рядом с дедушкой), киномеханик наладил аппарат, запустил пленку и пошел курить на крылечко.

Кино оказалось зарубежное и почему-то без перевода. Называлось — «Весенняя прогулка». Или «Летний денек». Или что-то еще в этом роде. В общем, что-то легкое, ни к чему не обязывающее...

Содержание и впрямь было довольно немудреным. Три девушки сели на велосипеды и поехали в поля. На опушке они встретили юношу. Девушки раздели юношу и начали им заниматься, не забыв достать из сумочек искусственные фаллосы... Это была немецкая порнушка, каким-то неведомым путем перекочевавшая в народ из комсомольских закров.

Сначала немолодой контингент кардиологического отделения ничего не понял, а потом все понял и поднял страшный крик. Советские бабушки побежали искать начальство. А киномеханик курил себе на крылечке...

Наконец его нашли — и процесс был прерван на самом интересном месте («О-о, йа, йа, даст ист фантастиш»).

Дедушка, все это время молча сидевший рядом с юной внучкой, так же молча поднялся, и они пошли в палату. Разговаривать после такого совместного просмотра было не то чтобы не о чем, но — затруднительно...

Молчание прервал Владимир Вениаминович.

— Знаешь, Милочка, — задумчиво сказал он, прислушиваясь к организму, — кажется, мне пора на выписку.

Козлиная вибрация

«Дедушка Володя», а на самом деле давно уже прадедушка, девяностолетний Владимир Вениаминович стоял вплотную к телевизору, наклонившись к экрану и качая головой. Он был глуховат, и звук был включен на полную катушку. Играл какой-то скрипач...

Впрочем, Владимир Вениаминович так не считал.

— Нет, — говорил он, — это не скрипка.

И сощурившись, снова наклонялся к экрану. И спустя полминуты выносил новый диагноз:

— Это какой-то ужас!

Через пару пассажей дедушка торжественно объявлял:

— Вибрация — козлиная!

— Так выключи! — взмолилась наконец его дочь, моя теща.

— Нет, — твердо отвечал старый музыкант, — это настолько чудовищно, что я должен рассмотреть это досконально!

Когда меня спрашивают о причинах моего неослабевающего внимания к российской политике, я вспоминаю формулировку «дедушки Володи»...

Журнал «Magazine» Жванецкого в самом начале девяностых редактировал Семен Лившин — человек приятнейший, но чересчур склонный к дружбе.

Зайдешь к нему, бывало, с текстом или за гонораром, а он и говорит: о, как кстати! Не в службу, а в дружбу — там как раз тираж пришел, поднимешь пару-тройку пачек?

Однажды в редакцию пришел один из наших постоянных авторов, Геннадий Попов, — и не один, а с каким-то еще человеком.

— О! — обрадовался Лившин. — Как кстати!..

Через минуту Гена и его спутник (которого Лившин видел первый раз в жизни) уже ехали в лифте вниз, чтобы не в службу, а в дружбу поднять в редакцию по паре-тройке пачек свежего тиража...

Спутник Гены исправно доволол пачки до редакции (последний пролет — без лифта), вежливо попрощался и ушел.

— А кто это был? — поинтересовался Лившин, когда дверь за гостем закрылась.

— А это был мой брат, — ответил Гена Попов. — Он бизнесмен, хотел дать пару тысяч долларов на журнал...

Вскоре в кресле главного редактора журнала «Magazine» Лифшина сменил Игорь Иртеньев. Зайдя однажды к нему, я обнаружил в кабинете гостя — модного молодого прозаика, номинанта Букеровской премии...

Говорили, как ни странно, о профессии. (Странно, потому что обычно пишущие люди говорят промеж собой о чем угодно, кроме этого.) Но разговор шел именно о литературе, — и разговор довольно кардинальный!

А именно: молодой прозаик отказывал мировой литературе в праве на жизнь. Немолодой поэт за мировую литературу заступался и, разделяя критический взгляд на частности, просил пощадить старушку в целом.

Я застал диалог в острой фазе: «старик Иртеньич» хлопал явно не первую стопку коньяка; номинант брезгливо морщился на фамилии, предлагаемые к рассмотрению. Он еще был готов считать своими коллегами Пруста и Джойса, ну, с натяжкой, Стерна, но остальные...

— Бел-ле-тристика! — надменно цедил букеровский номинант.

«Старик Иртеньич» еще выпил и пошел вдоль этой юной надменности, пытаясь понять, где она заканчивается. Довольно быстро миновав Бабеля и Толстого («Толстой не умел писать»), слово за слово дошли до Дюма...

На слове «Дюма» номинанта аж скривило.

— Это вообще не литература! — бросил он.

Тут Иртеньев встал. Глаза его горели темным огнем мщения.

— А «Париж, сударь, не вымощен батистовыми платочками!» — это вам не литература? — вскричал поэт.

Я понял, что сейчас стану секундантом.

Но дуэль не состоялась. Иртеньев насупился и замкнулся, и вскоре номинант ушел.

...А Толстой, действительно, писать не умел. Только почему-то плачешь всякий раз, когда старик Болконский прощается с сыном.

Иртеньеву позвонила старинная знакомая, преподаватель столичного вуза: не выступишь ли в институте? Студенты так хотят, так хотят... О гонораре было даже смешно спрашивать, и благородный Иртеньев, русский поэт о седьмом десятке, поперся пешим ходом через осеннее московское месиво читать стихи бедным, но благодарным студентам...

Был, разумеется, успех, после которого русский поэт о седьмом десятке вышел обратно в осеннее месиво и побрел домой. И увидел двух своих слушательниц, садящихся в отменную иномарку!

— Вас подвезти? — спросила та, что садилась за руль.

— Если можно, — обрадовался застенчивый Иртеньев. — Тут недалеко, до Белорусской...

— Стольничек, да? — уточнила любительница поэзии.

Те же яйца, только в профиль...

Место действия: джип с наворотами.

Действующие лица, они же исполнители: поэт Игорь Иртеньев, бард Михаил Кочетков, ваш покорный слуга и хозяин джипа, некто Леша — здоровенный детина, работавший в ту пору администратором у известного эстрадного артиста. Обстоятельства: едем вместе из посольства, где получали визы в Латвию...

Теперь — собственно история.

У светофора хозяин джипа увидел «уазик» военной автоинспекции и сказал:

— О! У меня в армии смешной случай был...

И начал рассказывать смешной случай. Звучало это примерно так:

— Это уже перед дембелем было. Иду старшим патруля, вижу — чурка, самовольщик! А у меня глаз наметанный, я сразу вижу: самовольщик. «Стой, ко мне!» — а он бежать. Ну, я за ним. А он, сука, маленький, но шустрый. Но я ж спортом занимался, у меня ж дышалка — я на принцип! Пять минут за ним гонялся: он на станцию, я туда, он по путям — я за ним! И на запасных догнал! Он, сучонок, сдох через рельсы бегать. Догнал я его — и как дам по балде! Он с копыт — башкой об уголь (там склад был угольный) — ну и лежит. А я сел на рельсы, отдыхаюсь, жду, пока ребята подойдут. И представляете — застудил яйца! Мне на дембель, а у меня вот такие вот стали, как у слона! А куда мне такие? мне ж на дембель! В медсанбате потом кололи какой-то гадостью — стали маленькие... Только чего-то совсем маленькие. А куда мне маленькие, мне ж на дембель...

И замолчал. А обещал смешной случай.

Он посидел еще, охваченный нежданным воспоминанием, а потом бросил через плечо Иртеньеву:

— Теперь ты смешное расскажи.

Игорь думал не больше трех секунд.

— А я, — сказал он, — как-то в армии иду в самоволку, а навстречу — патруль. А старшим патруля — здоровенный такой детина. «Стой, ко мне!» Ну, я бежать, а он за мной. Здоровый, гад — спортсмен, наверное... Где-то на путях догнал — как даст по башке! Я упал, ничего не помню... На гауптвахте сидел... А дембель этот (ребята потом рассказывали) яйца себе застудил. На рельсах сидел, идиот.

Игорь помолчал, очень довольный своим рассказом, а потом велел:

— Ну, Шендерок, теперь давай ты смешное расскажи.

Ну а мне при таком раскладе — что оставалось?

— К нам, — говорю, — в медсанбат привозят как-то старшину — вот с такими яйцами! Ну, мы колем ему, колем — они у него маленькие стали. Но чего-то совсем маленькие. Фельдшер меня тогда спрашивает: мы чего ему колем? Я говорю: откуда мне знать, ты ж раствор даешь, мое дело шприц...

Хозяин джипа уже давно сидел, вцепившись в руль, и боялся повернуть голову.

А сзади ждал своего часа бедный Миша Кочетков: снаряд сюжета давно летел в него, и Кочетков это понимал.

— Давай, Миш, — сказал я, — теперь ты смешное рассказывай.

— А я, — помолчав, печально сказал Миша, — в прошлой жизни был яйцом. Обыкновенным мужским яйцом...

Пожив «во грехе», Варя и Сергей Пархоменко надумали наконец жениться.

Для этого, как минимум, следовало развестись с предыдущими супругами. Предыдущие супруги не возражали, поставив, однако, одно и то же условие: чтобы всю волокиту новобрачные взяли на себя.

Желая по возможности эту волокиту сократить, Пархоменко позвонил своей давней знакомой, видной юристке. Юристка пообещала помочь, и в один прекрасный день позвонили уже ему.

— Сергей Борисович! — сказал женский голос в трубке. — Это приемная Лебедева. Вячеслав Михайлович хотел с вами поговорить.

И в трубке раздался голос Председателя Верховного суда Российской Федерации:

— Здравствуйте, Сергей Борисович! Я звоню сказать вам, чтобы вы не волновались. Ваше дело будет решено положительно в самом скором времени.

Надо сказать, что как раз до звонка Пархоменко не волновался. А тут начал. И, поблагодарив, стал извиняться за свою знакомую: он не предполагал, что ее забота о его разводе примет такие избыточные размеры...

— Вот и я удивляюсь, — задумчиво произнес Лебедев. — Потратить на такую ерунду целого Председателя Верховного суда. Хоть бы вы убили кого-нибудь, Сергей Борисович... — задумчиво пошутил глава судебной системы России.

Но давняя знакомая, видать, решила помочь не на шутку, и вскоре Пархоменке позвонил глава Конституционного суда Владимир Туманов.

— Я по поводу развода вашей жены, — сказал он. — Вы не волнуйтесь, Сергей Борисович, все будет сделано, я уже говорил с Лебедевым...

Пархоменко похолодел.

— Как с Лебедевым?

— Да, вы знаете, он тоже удивился моему звонку, — признался Туманов.

— Что он сказал? — спросил заинтригованный Пархом.

И Туманов, помолчав, ответил:

— Он сказал: твою мать! Я ж его на прошлой неделе уже разводил!

...повадилась ходить дочь Рауля Валленберга.

Собственно, о том, что она дочь Рауля Валленберга, никто, кроме нее, не знал, зато она сама знала это твердо!

Немолодая женщина изводила сотрудников подробными описаниями своей жизни, полной сюжетов, которым позавидовал бы Дюма... Она подстерегала немецкого посла и преследовала его с криками «Верните мне моего отца!».

Сумасшедшая.

Однако ж несчастную надо было как-то спровадить, и посол поручил Ирине А., сотруднице посольства, поговорить с женщиной по душам, дать высказаться... Авось потом оставит в покое.

Ну, надо так надо. Ирина усадила ее в своей комнатке, дала чаю и села напротив, чтобы выслушать вполуха заведомый бред. Слушала, слушала — и вдруг поняла, что все это может быть правдой!

Уж больно многое совпадало — даты, обстоятельства...

Сердце ее забило в сильнейшей тревоге — чего не бывает на свете! Она уже была почти готова поверить в невозможное, когда «дочь Рауля Валленберга» сказала:

— И тогда моя мать, Мария Каллас...

Посильно участвуя в тамошней избирательной компании, мой иерусалимский приятель Марк Галесник получил заказ на изготовление нескольких тысяч маек с эмблемой некой партии.

Дешевле всего это было сделать, разумеется, не у евреев, и Марк нашел подходящую арабскую лавочку под Иерусалимом. Хозяин предложил заказчику присесть и налил кофе. Марк неторопливо выпил кофе, беседуя ни о чем: Восток дело не только тонкое, но и несчетное...

Наконец он изложил дело. Узнав о размерах заказа, хозяин пересадил Марка в кресло поудобнее. Цену обсудили за второй чашкой, и тут гость перешел к самой тонкой части вопроса, предупредив, что в деле есть некоторые препятствия...

Араб сделал жест, совершенно исключающий наличие каких бы то ни было препятствий к тому, чтобы он получил несколько тысяч долларов прибыли!

Марк, придвинувшись, сообщил пикантное обстоятельство: речь идет о майках для израильских выборов.

— Прекрасно! — воскликнул хозяин лавочки, и на лице его появилась счастливая улыбка: он всю свою жизнь мечтал именно о том, чтобы поработать на какую-нибудь израильскую партию.

— Я вас должен предупредить: это правая партия, — сказал Галесник.

— Замечательно! — воскликнул хозяин лавочки. — Все будет готово через два дня!

Но Марк решил довести эксперимент до конца — и, еще приблизившись, шепотом сказал:

— На майках должно быть написано: «Смерть арабам!».

— Я сделаю в три цвета, — без паузы ответил хозяин лавочки.

Два письма

Мечта любого писателя — деталь, образующая портрет...

Письмо дяди Бони из израильского города Ашдод выпало на юного Марика из кипы старых родительских бумаг. Написано оно было в 1964 году на половинке знакомого всем советским школьникам тетрадного листа — за две копейки, с красными полями... — а на Марика выпало в 1990-м.

Марик, уже имевший к тому времени планы отъезда на ПМЖ, дяде Боне написал наугад — и вскоре получил ответ. Содержание ответа не так важно, как его материальное воплощение: письмо было написано на другой половинке того же тетрадного листа...

В Одессе живет фантастический человек — Борис Давыдович Литвак.

Дом на Пушкинской улице, с золотым ангелом над входом, где уже много лет бесплатно лечат детей, больных церебральным параличом, с бесплатной гостиницей для матерей по соседству... — этот дом один искупит половину грехов черноморского побережья.

Боречка (так он представляется друзьям, когда звонит) — человек алмазной крепости. Бывшего мэра Одессы он, депутат горсовета, много лет называл в лицо «гражданин Боделан», поясняя, что именно так принято обращаться к заключенным.

Боречка считал, что Боделану следует привыкать к такому обращению.

Когда «дом с ангелом» незадолго до выборов, в пиаровских целях посетила жена президента Украины, Боречка подвел итоги ее визита так:

— Приезд мадам Кучмы, — сказал он журналистам, — идет у нас со знаком плюс: после ее приезда ничего не пропало...

Лжец, еврей и «пидараст»

Художник Борис Жутовский (в дружеском просторечии — Боба) широко известен общественности с осени 1962 года: именно ему были адресованы знаменитые хрущевские слова на выставке в московском Манеже — об «абстакцистах и пидарастах»!

Спустя почти полвека, вслед за сексуальной принадлежностью, «абстракцисту» Бобе в одночасье поменяли принадлежность национальную...

Он стоял в московском дворе-колодце у своей мастерской и осторожно клал в машину холсты. Был тихий летний день. Через двор шла женщина средних лет, интеллигентного вида, в очечках. Возле Бобы, которого она видела первый раз в жизни, женщина остановилась и сказала:

— Завтра небось опять про Холокост врать будете!

И ушла.

С тех пор, не без вызова заявляет русский шляхтич Жутовский, я — законный еврей!

«Много было гуманного»

Название для графической серии Жутовского придумал Фазиль Искандер: «Последние люди империи». Были среди этих людей и гении, но встречались и убийцы.

Одного из них, генерала НКВД Судоплатова, Боба рисовал в начале восьмидесятых.

Бывший заместитель Берии предавался воспоминаниям. На постели, в глубоком паркинсоне, лежала генеральская жена Эмма Карловна и эхом повторяла ключевые слова. Под этот страшноватый парный конференс Жутовский увековечивал черты одного из главных убийц эпохи.

— В начале тридцатых, — мерно излагал Судоплатов, — в Одессе появились антисоветские листовки. Написаны они были явно молодым человеком... Мы его, конечно, быстро нашли...

— Нашли-и... — сладострастно отзывалась Эмма Карловна.

— Нашли и тех, кто за ним стоял, — продолжал генерал НКВД. — Их всех, конечно, расстреляли. А насчет мальчика Косиор велел: не трогать.

Судоплатов взял паузу и завершил сюжет.

— И мальчика не тронули!

Он еще помолчал, суммируя прожитое, и вздохнул:

— Много было гуманного... Много...

— Мно-ого... — отозвалась Эмма Карловна.

Виктор Шкловский, позируя, рассказывал Жутовскому подробности из жизни Лили Брик, и мемуары эти были самого непарадного свойства. И интриганка, и стерва, да и блядь впридачу.

Через пару часов Жутовский закончил работу:

— Поеду, Виктор Борисович.

— А вы сейчас куда?

— К себе, на Кутузовский.

— О! Подвезете меня? — спросил Шкловский.

— Конечно, Виктор Борисович. А куда подвезти?

— К Лильке поеду, чай пить.

Однажды Жутовский решил обзавестись, для солидности, костюмом, и по рекомендации друзей пришел к портному Соломону Ефимовичу, обшивавшему Литфонд.

— Что будем шить? — поинтересовался пожилой Соломон.

— Тройку, — твердо ответил Боба.

Соломон одобрил солидность выбора:

— По возрасту, по возрасту... Матерьяльчик?

— Свой.

Боба предъявил ткань. Соломон оценил:

— Финский. Хорошо-о... Приклад?

— Ваш.

— Пра-авильно...

Соломон внимательно оглядел клиента и не спросил, а констатировал:

— И мы не спешим.

— Нет!

Портной снял размеры, они договорились о примерке...

— Простите, — сказал на прощанье Соломон. — Последний вопрос. Вот на вас пиджачок... Это чья работка?

Жутовский назвал имя.

— Я не спрашиваю, как его зовут, — печально уронил портной. — Я спрашиваю: кто он по профессии?

Прощальный тост

Сидели в мастерской Жутовского — сам Боба, Игорь Губерман и Александр Городницкий... На троих им было двести сорок лет, но квадратная бутылка виски пустела с хорошей скоростью.

Классики пили — я, допущенный к процессу, пригубливал.

Губерману надо было идти, но уж больно хорошо сиделось в той мастерской, и уходил он около часа... Но все-таки — пора было в путь, и Губерман (младший из классиков) произнес прощальный тост:

— Давайте выпьем за то, чтобы, когда мы встретимся в следующий раз, мы узнали друг друга...

В любви и смерти находя
Неисчерпаемую тему,
Я не плевал в портрет вождя,
Поскольку клал на всю систему, —
написал Губерман в семидесятих годах прошлого века.

Сажать за стихи было неловко — поэтому система судила Игоря Мироновича за скупку краденого. Друг Губермана, Всеволод Вильчек, был свидетелем этого удивительного процесса.

...Губерман, страстный коллекционер, дал пятьсот рублей неким молодым людям, обещавшим достать для него старинные иконы. Этот эпизод, вскрытый следствием, должен был показать лживость и аморальность подсудимого. Пятьсот рублей! Незнакомым людям!

— Скажите, — ядовито поинтересовался прокурор Сугробов, — а мне вы бы тоже доверили пятьсот рублей?

Удивленный вопросом, Губерман поднял на прокурора свои цепкие глаза, и Вильчек в ужасе обхватил голову руками, поняв абсолютную неизбежность ответной реплики.

Губерман со скамьи подсудимых рассмотрел прокурора и сказал:

— Вам, пожалуй, нет.

Лестный случай: я в Иерусалиме и иду в гости к Губерманам, да еще в славной компании с Диной Рубиной.

Войдя в подъезд вместе с нею и Игорем Мироновичем, обнаруживаем у лифта классического иерусалимского старичка: маленького, подчеркнуто аккуратно одетого.

Он с поклоном здоровается с нами, раскланивается с Диной. Приходит лифт, и следующие полминуты мы выясняем, в каком порядке мы будем в этот лифт заходить. Старичок категорически отказывается сделать это первым: Дина — женщина, а я — гость; нет, он не войдет первым; мы даже можем не тратить время на попытку его уговорить.

Диалог, разумеется, идет на иврите, но я почему-то все понимаю.

Наконец компромисс найден; старичок входит после Дины, но передо мной; на третьем этаже он покидает лифт, успев высказать несколько сентенций и еще раз раскланяться.

Он закрывает дверь лифта и исполняет последний приветственный взмах рукой — уже через сетку шахты. Мы едем дальше, и Дина, полная новых впечатлений (наш попутчик, несомненно, еще прогуляется по страницам какого-нибудь ее романа), говорит:

— Вот от кого я получаю здесь удовольствие, так это от иерусалимских стариков!

Губерман, без паузы:

— Дина, не забудь мне сказать, когда начнешь получать от меня удовольствие!

В следующий раз я попал в дом Губермана в Иерусалиме через три года — с женой и дочкой одиннадцати лет.

Во главе стола сидела Лидия Борисовна Либединская.

Дочка была заранее предупреждена, в каком замечательном доме ей предстоит ужинать. Проникнувшись ответственностью момента, она предстала перед иерусалимскими хозяевами Прекрасной Воспитанной Девочкой. Уместно отвечала на вопросы, вежливо благодарила за предложенные угощения... В общем, как могла соответствовала обществу замечательного русского поэта, стихи которого (ей было это обещано) она обязательно прочитает.

Как-нибудь потом.

Губерман сидел рядом и лично ухаживал за юной гостьей. Предложил налить.

— Я не знаю, можно ли мне, — безукоризненно засомневалась Прекрасная Воспитанная Девочка. — Если только мама разрешит...

— Херня, старуха: шестьдесят градусов! — успокоил Губерман.

На безрыбье...

Бог троицу любит — пусть же историй про мои приходы в дом Губермана будет три! Впрочем, в этот раз дом был Лидии Борисовны Либединской, а израильский зять-гастролер гостевал у нее в Лаврушинском переулке.

И вот, как раз после губермановского концерта, ближе к ночи, сидим, соображаем на троих. И в разговоре выясняется, что я забыл подарить Игорю Мироновичу свою книжку. Причем уже не одну.

— Старик, у меня вообще нет ни одной твоей книжки!

— И у меня нет, — вставляет Либединская.

— Как же вы живете? — в притворном ужасе восклицаю я.

Лидия Борисовна — без паузы, с кротким вздохом:

— Перебиваемся Пушкиным...

Блистательный джазовый пианист Игорь Бриль

...оказался впридачу и человеком с отличной реакцией.

Решил я рассказать ему анекдот:

— Знаете, — говорю, — как старый грешный еврей попадает в ад?

Игорь Михайлович секунду поразмыслил над моим вопросом и ответил:

— Еще нет.

Переходный возраст

— Что такое шестой десяток? — сформулировал как-то Геннадий Хазанов. — На улице еще оборачиваешься на крик «молодой человек», но суставы при повороте уже скрипят...

Переезды

Он же заметил как-то:

— Райкин был в Благовещенском, Утесов — на Каретном... Теперь оба на Новодевичьем... Горин был на Первом Аэропортовском, теперь на Ваганьковском... Сначала переезжают учителя, потом приятели... А потом понимаешь, что какой-то маклер уже начал заниматься твоим переездом...

Долги наши

Приятель снял на лето дачу в бывшем кооперативе РКИ (Рабоче-Крестьянской Инспекции), созданном в лохматые советские годы. Как ни старалась центробежная сила времени, в кооперативе этом до сих пор обитают некоторые потомки советской номенклатуры.

И вот, приятель клянется, что видел на доске объявлений список неплательщиков: Брежнев, Бонч-Бруевич...

Ну да. И Глеб Кржижановский, за электроэнергию!

Эту историю рассказывал Зиновий Гердт.

На дворе стоял тридцать второй год. Шестнадцатилетний Зяма пришел в полуподвальчик в Столешниковом переулке в скупку ношенных вещей, чтобы продать пальтишко (денег не было совсем). И познакомился там с женщиной, в которую немедленно влюбился.

Продавать пальтишко женщина ему нежно запретила («простынете, молодой человек, только начало марта»). Из разговора о погоде случайно выяснилось, что собеседница Гердта сегодня с раннего утра пыталась добыть билеты к Мейерхольду на юбилейный «Лес», но не смогла.

Что сказал на это шестнадцатилетний Зяма? Он сказал: «Я вас приглашаю».

— Это невозможно, — улыбнулась милая женщина. — Билетов давно нет...

— Я вас приглашаю! — настаивал Зяма.

— Хорошо, — ответила женщина. — Я приду.

Нахальство юного Зямы объяснялось дружбой с сыном Мейерхольда. Прямо из полуподвальчика он побежал к Всеволоду Эмильевичу, моля небо, чтобы тот был дома.

Небо услышало эти молитвы.

Зяма изложил суть дела — он уже пригласил женщину на сегодняшний спектакль, и Зямина честь в руках Мастера! Мейерхольд взял со стола блокнот, написал в нем волшебные слова «подателю сего выдать два места в партере», не без шика расписался и, выдрав листок, вручил его юноше.

И Зяма полетел в театр, к администратору.

От содержания записки администратор пришел в ужас. Никакого партера, пуцу постоять на галерку... Но обнаглевший от счастья Зяма требовал выполнения условий! Наконец компромисс был найден: подойди перед спектаклем, сказал администратор, может, кто-нибудь не придет...

Ожидался съезд важных гостей.

Рассказывая эту историю спустя шестьдесят с лишним лет, Зиновий Ефимович помнил имя своего невольного благодетеля: не пришел поэт Джек Алтаузен! И вместе с женщиной своей мечты шестнадцатилетний Зяма оказался в партере мейерхольдовского «Леса» на юбилейном спектакле.

И тут же проклял все на свете.

Вокруг сидел советский бомонд: тут Бухарин, там Качалов... А рядом сидела женщина в вечернем платье, невозможной красоты. На нее засматривались все гости — и обнаруживали возле красавицы щуплого подростка в сборном гардеробе: пиджак от одного брата, ботинки от другого... По всем параметрам, именно этот подросток и был лишним здесь, возле этой женщины, в этом зале...

Гердт, одаренный самоиронией от природы, понял это первым. Его милая спутница, хотя вела себя безукоризненно, тоже явно тяготилась ситуацией.

Наступил антракт; в фойе зрителей ждал фуршет. В ярком свете диссонанс между Зямой и его спутницей стал невыносимым. Он молил бога о скорейшем окончании позора, когда в фойе появился Мейерхольд.

Принимая поздравления, Всеволод Эмильевич прошелся по бомонду, поговорил с самыми ценными гостями... И тут беглый взгляд режиссера зацепился за несчастную пару. Мейерхольд мгновенно оценил мизансцену — и вошел в нее с безошибочностью гения.

— Зиновий! — вдруг громко воскликнул он. — Зиновий, вы?

Все обернулись.

Мейерхольд с простертыми руками шел через фойе к шестнадцатилетнему подростку.

— Зиновий, куда вы пропали? Я вам звонил, но вы не берете трубку...

(«Затруднительно мне было брать трубку, — комментировал это Гердт полвека спустя, — у меня не было телефона». Но в тот вечер юному Зяме хватило сообразительности не опровергать классика.)

— Совсем забыли старика, — сетовал Мейерхольд. — Не звоните, не заходите... А мне о стольком надо с вами поговорить!

И еще долго, склонившись со своего гренадерского роста к скромным Зяминым размерам, чуть ли не заискивая, он жал руку подростку и на глазах у ошеломленной красавицы брал с него слово, что завтра же, с утра, увидит его у себя... Им надо о стольком поговорить!

«После антракта, — выждав паузу, продолжал эту историю Зиновий Ефимович, — я позволял себе смеяться невпопад...» О да! если короля играют придворные, что ж говорить о человеке, «придворным» у которого поработал Всеволод Мейерхольд?

Наутро шестнадцатилетний «король» первым делом побежал в дом к благодетелю. Им надо было о стольком поговорить!

Длинного разговора, однако, не получилось. Размеры вчерашнего благодеяния были известны корифею, и выпрямившись во весь свой прекрасный рост, он — во всех смыслах свысока — сказал только одно слово:

— Ну?

Воспроизводя полвека спустя это царственное «ну», Зиновий Ефимович Гердт становился вдруг на локоть выше и оказывался невероятно похожим на Мейерхольда...

Лучший комплимент

...в своей жизни Зиновий Гердт, по его собственному признанию, слышал от билетерши кукольного театра:

— Когда играете вы, зрители сидят *как живые*...

Случались, впрочем, и комплименты потяжелее.

— Спасибо, спасибо! — тряс руку Зиновия Ефимовича какой-то военный. Дело было на премьере фильма «Фокусник». — Я почти не жалею, что зря потратил два часа!

Истинная причина

А лучший комплимент в исполнении самого Гердта звучал так:

— Мне понравилось! А те, у кого еще хуже со вкусом, — вообще в восторге!

Два в одном

Еще из Зиновия Ефимовича:

— Видеть вас — одно удовольствие! Не видеть — другое...

Как прилетают бумеранги

В середине семидесятых резко подорожали такси. Советский народ не понял юмора, и московские таксисты, потеряв былую надменность, печально выстроились в рядок на стоянках, вместе со своими шашечками.

На эту картину и наткнулся, выйдя вечером из Дома кино, Зиновий Гердт. Таксисты наперебой начали зазывать его в свои машины, и услышали в ответ непреклонное:

— Я — в парк!

Как прилетают бумеранги-2

На настоящую просьбу об интервью Гердт со вздохом ответил молодой журналистке:

— Ах, всем вам от меня только одно нужно!..

Пастернака Гердт знал наизусть.

Это надо понимать буквально: любую строчку из «синего тома» Зиновий Ефимович мог продолжить следующей. Русская поэзия была растворена в нем, кажется, целиком, и для лыка в строку от Гердта не требовалось никаких усилий...

Как-то после творческого вечера Давида Самойлова в Москве в маленькой, но грандиозной по составу компании поехали к Окуджаве, в тот самый, печально упомянутый в «арбатском» стихе, Безбожный переулок.

Самойлов был расстроен. Ему казалось, что вечер прошел неудачно: и актер Н. читал его стихи плохо, и аудитория неуловимо изменилась с прошлых времен...

— Раньше, когда я читал стихи, — стоял гул!

Гердт, уже сидевший над стопочкой, печально развел руками:

— Гул затих...

Это было в день нашего знакомства.

Я приехал на дачу к Гердту, чтобы обсудить сценарий будущего фильма о нем (когда телевизионное начальство предложило мне это, я крикнул «да» прежде, чем начальство закончило фразу).

На третьем часу нашего разговора в кабинет вошла Татьяна Александровна и предложила переместиться за стол. Гердт подозрительно сильно обрадовался моему согласию поужинать вместе с ними и начал лично хлопотать на кухне, приговаривая что-то насчет собственного гостеприимства.

Через несколько минут передо мной, как на скатерти-самобранке, расстелилось еды-питья: лежал на тарелке сочный антрекот, исходила паром картошка, блестели свежeweымытые перцы... А напротив сидел Зиновий Ефимович Гердт — перед стаканом воды и лежащим на блюдечке кусочком мацы.

Всё остальное, по случаю астмы, ему запретили врачи.

Сидевшая рядом с мужем Татьяна Александровна голодала из солидарности.

А я сидел перед антрекотом, и слюноотделение уже шло полным ходом. Я пискнул что-то жалкое в том смысле, что предполагал ужинать вместе с хозяевами...

— Ну что вы! — воскликнул Гердт. — Я обожаю, когда при мне вкусно едят! Сделайте одолжение!

И даже, кажется, приложил руки к груди, изображая мольбу.

Я был ужасно голоден и долго умолять меня не пришлось. Но когда я положил кусочек антрекота в рот и начал его жевать, Гердт негромко (но так, чтобы мне было слышно каждое слово) сказал, обращаясь к Татьяне Александровне:

— Вот молодежь пошла... Напротив него сидят два голодных ветерана войны — а он ест, и хоть бы что!

Видимо, в этот момент у меня что-то случилось с лицом, потому что Зиновий Ефимович немедленно «раскололся» и начал смеяться. И я понял, что сижу в гостях у молодого человека.

Тоже мне препятствие...

Когда летом 1995-го против «Кукол» было возбуждено уголовное дело, Зиновий Ефимович среагировал очень эмоционально.

— Этого не может быть! Они не посмеют этого сделать! — повторял он, имея в виду возможность моей «посадки».

— Почему? — спросил я, не видя никаких препятствий к тому, чтобы они посмели.

Гердт на секунду задумался и ответил:

— Но ведь тогда никто не подаст им руки!

Гердт. Расшифровка старой ленты

Эти истории рассказал мне Зиновий Ефимович Гердт. Разумеется, он рассказывал их не только мне — его творческие вечера наполовину состояли из таких устных новелл, рождавшихся в застольях; от рассказа к рассказу они оттачивались, становясь произведениями искусства... Однажды я догадался принести магнитофон.

Пленка, черт меня возьми, не сохранилась — сохранились листки с расшифровкой.

Теперь, спустя много лет, можно получить двойное удовольствие: от самих сюжетов — и неповторимой гердтовской интонации, которой они пропитаны.

Итак...

— Второстепенные детали отбрасывать нельзя ни в коем случае! Во-первых, создается ощущение правдивости. Помните, у Бабеля, в рассказе «Мой первый гонорар», когда проститутка теряет интерес к рассказу героя? — «Тогда я вложил астму в желтую грудь старика...»

Но вообще-то мои истории совершенно достоверны.

...про Рину Зеленую

Это было в день шестидесятилетия Твардовского. Его только что выгнали из «Нового мира» — ну, и вы представляете, сколько народу пришло, чтобы поддержать. Федор Абрамов из Верколы приехал, Гавриил Троепольский на своем «москвичонке» — из Воронежа! Я уж не говорю о местных.

И вот у него на даче, в Красной Пахре, я стою, разговариваю, кажется, с Лакшиным — и вдруг вижу: вкатывается Рина со своим мужем Котэ. А я знаю, что они незнакомы с Твардовским! Я подбегаю к ней, говорю: Рина, откуда вы здесь? А она говорит: мы приехали к вам (моя дача рядом с дачей Твардовского), а нам сказали: вы тут. Вот мы и приперлись...

Ну, ее, конечно, узнали, отвели на кухню, усадили кормить — и я совершенно о ней забыл. Я же не обязан ее пасти! Отошел куда-то, разговариваю... Вдруг! Подходит Рина и начинает дергать меня за рукав: «Зяма! Я хочу выступить перед Александром Трифоновичем!». Я говорю: «Рина! Вы же не идиотка, это невозможно, это совершенно исключено! Вы посмотрите, что тут происходит, какие люди! Здесь цвет русской литературы, а вы со своими эстрадными штучками... В какое положение вы себя поставите и меня...». А она: «Ну объявите меня, я хочу выступить!».

И так как от желания выступить она уже потеряла представление, где кончается рукав и начинаюсь я, то попросту щиплет и царапает мне руку!

Тогда я решаю: ну ее, в самом деле, пусть делает что хочет! И говорю: «Александр Трифонович, сейчас перед вами хочет выступить Рина Зеленая!».

И только я это сказал, как она набросилась на меня: «Вы что, с ума сошли! Кретин! Идиот!» (И бьет меня по груди.) «В какое положение вы меня ставите! Здесь же цвет русской литературы!» И — Твардовскому: «Как вы его пускаете, этого недоумка, он же вам дом спалит!».

Долго орала на меня.

А потом, со вздохом: «Ну ладно... Раз уж объявил — придется выступить». И начала выступать. Я очень смеющимся Твардовского видел редко, но тут... Он катался по дивану, вытирал слезы...

Шантажистка кошмарная! Ради эстрадного эффекта заложить товарища...

...про женщину «на уровне»

Однажды — вот с этим лицом, которое обрыдло населению, — я вошел в купе, в котором уже ехала какая-то женщина. Она меня узнала — и начала, так сказать, рассказывать историю своей жизни. Желая быть светской и «на уровне», она все время употребляла вводные предложения — и наконец договорилась до нетленной фразы: «Мой муж, конечно, умер в шестьдесят втором году...».

Ну конечно, — у кого же муж не умер в шестьдесят втором году!

...про Жванецкого и Володина

Однажды Жванецкий сказал Володину: «Как же я тебя обожаю за то, что ты не знаешь, как открывается дверь у автомобиля!».

...про Марка Бернеса и Никиту Богословского

Это был пятьдесят седьмой год. Москва, фестиваль молодежи и студентов. Толпы иностранцев! Впервые! И приехали пять французских композиторов, сочинители всех песен Ив Монтана: Франсис Лемарк, Марк Эрраль, еще какие-то... Знаменитейшие фамилии! И к ним был приставлен Никита Богословский — во-первых, как вице— или президент общества «СССР — Франция», а во-вторых, у него прекрасный французский.

Ну вот. А я тогда играл в Эрмитаже «Необыкновенный концерт», а по соседству выступал Утесов. И так как только от меня, «конферансье», зависело, два часа будет идти наш «концерт» или час двадцать, то я быстренько его отыгрывал, чтобы успеть на второе действие к Леониду Осиповичу. Я его обожал.

И вот я выбегаю, смотрю: стоит эта группа — пятеро французов, Никита и Марк Бернес. Он к ним очень тянулся... И идет такая жизнь: Никита что-то острит, французы хохочут. Я ни слова не понимаю, Бернес тоже. И он все время дергает Богословского за рукав: Никита, что ты сказал? Тот морщится: погоди, Маркуша, ну что ты, ей-богу!

Через минуту опять хохочут. Бернес снова: Никита, что он сказал?

На третий раз Богословский не выдержал: «Марк, где тебя воспитывали? Мы же разговариваем! Невежливо это, неинтеллигентно...».

Потом он ушел добывать контрамарку французам и себе, и мы остались семеро — совсем без языка. Что говорит нормальный человек в такой ситуации? Марк сказал: «Азохн вэй...». Печально так, на выдохе. Тут Фрэнсис Лемарк говорит ему — на идиш: «Ты еврей?». Бернес на идиш же отвечает: «Конечно». «Я тоже еврей», — говорит Лемарк. И, повернувшись к коллегам, добавляет: «И он еврей, и он еврей, и он...».

Все пятеро оказались чистыми «французами»! И все знают идиш!

Марк замечательно знал идиш, я тоже что-то... И мы начали жить своей жизнью, и плевать нам на этот концерт Утесова! Тут по закону жанра приходит — кто? — правильно, Богословский! Мы хохочем, совершенно не замечаем прихода Никиты...

Он послушал-послушал, как мы смеемся, и говорит: «Маркуша, что ты сказал?». А Бернес ему: «Подожди, Никита! Где тебя воспитывали, ей-богу? Мы же разговариваем!».

Это был единственный раз в моей жизни, когда мое происхождение послужило мне на

пользу...

Быть знаменитым...

На восьмидесятилетие Зиновия Ефимовича к нему на дачу съехались, по-моему, вообще все. Включая некоторое количество людей, про которых я не поручусь, что Гердт их знал!

По долгу службы явился вице-премьер Илюшин — вручить юбиляру орден, называвшийся «За заслуги перед Отечеством III степени». И, видимо, кто-то подсказал Илюшину, что он едет поздравлять интеллигентного человека.

Вице-премьеру положили закладочку в том Пастернака — и, вручив орден, Илюшин открыл том на этой закладочке. И обрадовал присутствующих сообщением, что сейчас прочет имениннику стихотворение «Быть знаменитым некрасиво».

Отличный выбор в случае с Гердтом, не правда ли?

Зиновий Ефимович отреагировал счастливо и немедленно: «Давайте лучше я вам его прочту!». Но Илюшин же готовился! Нет, говорит, я. Тогда Гердт, мастер компромисса, предложил ему: «Давайте так: строчку вы, строчку я...».

И вот — прошу представить сцену.

Илюшин (по книжке): «Быть знаменитым некрасиво...»

Гердт (наизусть, дирижируя красивой, взлетающей в такт правой рукой): «Не это поднимает ввысь...»

Илюшин (по книжке): «Не надо заводить архива...»

Так они продвигаются по тексту, и всех, кроме вице-премьера, охватывает озноб, потому что все вспоминают последнюю строчку. Которой сейчас лучше бы не звучать совсем.

«Живым и только до конца».

Гердту оставалось жить совсем немного, и он знал это.

Положение спас сам Зиновий Ефимович (раньше других вычисливший грядущую неловкость). И когда вице-премьер пробубнил свое: «Позорно, ничего не знача...» — Гердт, указав на себя, закончил: «Быть притчей на устах у всех...».

И плавным жестом обвел присутствующих, и рассмеялся, и замахал руками, прерывая это мероприятие. Последние строфы прочитаны не были.

Гений не дал чиновнику попасть в идиотское положение.

Степень

С орденом, который привез Гердту этот Илюшин, — отдельная история. Ее рассказал мне Евгений Миронов.

Вечер того же юбилейного дня. В гостиной накрыты столы, а Гердт лежит у себя в комнатке, в халате, и приходящие по очереди присаживаются рядом. Наиболее близким людям Зиновий Ефимович предлагает рядом с собою прилечь. И прикладываются на диван рядышком то Рязанов, то Ширвиндт...

Пришел поздравить Гердта и Евгений Миронов. Присел на кровать, разговаривают. Вдруг Гердт встрепенулся:

— Женя, знаешь — меня же орденом наградили!

Гордость за получение цапки в устах Зиновия Ефимовича звучала так неожиданно, что Миронов растерялся.

— Да, — весомо продолжал Гердт, — я орденоносец! — И, с места в карьер:
— Таня, Катя! Где мой орден? Давайте его сюда!
Пришла Татьяна Александровна: Зямочка, зачем тебе орден?
Гердт — в крик:
— Дайте мне мой орден! Что я лежу, как мудак, без ордена!
Нашли орден. Гердт положил его на халат, полежал так немного и сказал:
— Вот, Женя. «За заслуги перед Отечеством третьей степени».
Помолчал и добавил:
— То ли заслуги мои третьей степени, то ли Отечество...

К девяностолетию

...Зиновия Ефимовича на его родине, в маленьком городе Себеж, благодарные земляки решили поставить памятник. На цоколе придумали написать: «Великому артисту Зиновию Гердту».

Татьяна Александровна забраковала слово «великому». Сказала:

— Оставьте что-нибудь Чаплину...

Ах, как бы Зиновий Ефимович, гений самоиронии, порадовался этой фразе!

Опасные гастролы

Дело было в семидесятых.

Поезд ехал по Средней Азии — от Ташкента вглубь. Наступило очередное утро. За окнами тянулся безнадежный пейзаж; у окон, глядя в этот пейзаж безнадежными взглядами, стояли: Роман Карцев, Виктор Ильченко и их друг, режиссер Исай Котляр, ехавший с ними на гастролы. А рядом с Исаем у окна стоял полковник госбезопасности, ехавший вглубь по своим госбезопасным делам.

Верблюды, саксаулы, домики-мазанки, барханы, барханы...

И Исай Котляр, глядя на все это, вдруг печально и отчетливо молвил, повернувшись к полковнику:

— Вот что здесь было до советской власти...

В этой фразе таилась неуязвимость синкопы, смещающей удар на неударную долю. Чекист захлебнулся от ярости и ушел в свое купе, хлопнув дверью.

Ночной пароль

— Доброй ночи, — сказал в ночи глухой мужской голос, совершенно мне неизвестный. — Передайте, пожалуйста, Людмиле Александровне, что бешеные суки не щенятся...

— Что? — переспросил я, пытаюсь проснуться.

— Передайте Людмиле Александровне, что бешеные суки не щенятся... — настойчиво повторил глухой голос.

— Хорошо, — согласился я, покрываясь испариной.

Неизвестный на том конце провода помедлил секунду и повесил трубку, а я остался сидеть в ночи у телефона, как мешком ударенный.

Я понял, что моя жена начала работать на какую-то иностранную разведку...

Наутро выяснилось: нашу девятилетнюю дочку на даче укусила многодетная собака, и жена (перед тем как на ночь глядя повезти Валентину в больницу) успела по телефону озадачить знакомого врача вопросом о приметах собачьего бешенства.

А меня, значит, решила не беспокоить.

И вот глубокой ночью звонок и — «бешеные суки не щенятся»...

Рыба

Баба Саша работала в регистратуре в поликлинике. Отсидев однажды две смены подряд, она отправилась домой и по дороге зашла в гастроном. В рыбном отделе долго смотрела на витрину, пытаясь собраться с мыслями, и наконец, ткнув пальцем в какую-то рыбу, спросила:

— Как фамилия?

Продавщица посмотрела на рыбу, подумала и ответила:

— Треска.

Профессиональные травмы

...вообще — обычное дело ...

Когда за утренним кофе вместо слова «сливки» глаза прочли на упаковке слово «силовики», я понял, что пора завязывать с политической публицистикой...

Но это что! Мой приятель, женатый на учительнице младших классов, рассказывал: придя домой за полночь, он лег в супружескую постель и, исполнив супружеский долг, услышал от не вполне проснувшейся жены:

— Садись, пять.

Переехав из Москвы в Бостон, антрепренер Табанский вывез на атлантические берега и свою репутацию. Это была репутация человека желчного и прижимистого...

Табанский работал над собой и через какое-то время твердо укрепил репутацию в новом диапазоне — между отсечками «скупердяй» и «жлоб». Оставалось сделать последний шаг к совершенству, и он пришелся на мои гастроли по Америке: Табанский стал «кидалой».

Я не в обиде: за несколько сотен долларов получить в бессрочное пользование полноценный комический персонаж — я считаю, удачная сделка!

Так вот, о персонаже: возя меня по бескрайним хайвеям, мистер Табанский решил потряхнуть советской стариной и завел песню про молодого бойца — того самого, который пытался передать товарищам через коня, что погиб за рабочих... Ну, вы помните эту ужасную историю.

Но рассказ не о песне, а о том, как спел ее старый кидала.

Он спел: «И *бесплатно* отряд поскакал на врага...»

Дивно оговаривалась и немецкая корреспондентка, бравшая у меня интервью: «машины с *могилками* » и (вместо «суверенная») — «сувенирная демократия»...

О, великий и могучий, особенно когда случайно!

Страховка

...была мне предложена недавно — «на случай *потана* и *пожора* »!

Шекспир отдыхает

Актерские оговорки — материал для отдельной книги. Здесь, на посошок, только самое любимое...

Прошу представить: гастроли провинциального театра в Крыму, лето, последний спектакль, трезвых нет. Какая-то шекспировская хроника, финал, на сцене, как полагается, гора трупов... И вот, стоя над телом поверженного соперника, очередной цезарь говорит напоследок:

— Я должен был увидеть твой закат

Иль дать тебе своим полюбоваться...

Но он этого не говорит, потому что забывает текст.

— Я должен был увидеть твой...

А что «твой»? А ничего. Пить надо меньше. Но актер, умница, успевает сориентироваться — и на ходу подбирает слово, близкое к «закату» по смыслу и даже подходящее по размеру.

— Я должен был увидеть твой... конец!

И, уже чуя недоброе, вопрошает сам у себя:

— Иль дать тебе своим полюбоваться?

Мертвые ненадолго ожили и затряслись в последней агонии...

Тюзовский спектакль про пионера-героя Валу Котика начинался скорбно-печально: старый партизан присаживался у могильного холмика с красной звездой, наливал из фронтовой фляжки, выпивал и, обращаясь в зрительный зал, говорил:

— Двенадцать лет ему было...

Немолодой актер, «партизанивший» в этом произведении искусства с незапамятных времен, с течением времени начал выпивать еще в гримерной. Его можно понять: стрезва играть такое было совершенно невозможно.

И дедушка Фрейд подстерег несчастного...

Актер присел у могильного холмика на сцене, еще выпил и доверительно сообщил детям в зрительном зале:

— Двенадцать лет ебу мыло...

Какие старые слова...

Мой приятель путешествовал по Испании.

Однажды, толком не проснувшись, он спустился на завтрак к шведскому столу и начал совать булку в тостер.

Булка не лезла, но мозг все не просыпался, и мой приятель так и пихал ее, несчастную, неразрезанную, в тостер, — пока стоявший сзади испанский мальчик не сказал ему:

— Но пасаран!

Уточнение

Лечу из Азербайджана в Россию. В хвосте у туалета курит южный господин, меланхолически стряхивает пепел на пол, на кресла...

Я ему:

— Мужик, не надо тут курить.

— Почему? — искренне удивляется он.

— Потому что, — отвечаю, — неделю назад вот так покурил один — самолет сгорел!

Гражданин напрягся, спрятал сигарету в кулаке и с тревогой уточнил:

— Баку — Москва?

Триллер

— Самая страшная история, когда в море ходил? Однажды из Китая шли. На два миллиона долларов кукол на борту. Детских кукол. Волна пошла. Баллов на семь. И ветер нехороший. Во-от... И в один момент, понимаешь, судно кренится так... ну, сильно... и вот все эти куклы, на два миллиона долларов, в один момент закрывают глаза и говорят: «Ма-ма...»

Ничего лишнего

Некто уже в зрелом возрасте пришел к иудаизму. Пропитавшись тематикой, он завел разговор о вере отцов со своим пожилым родителем. Типа богоизбранная нация... Типа лучше поздно, чем никогда...

Тексты про Авраама и Исаака папа выдержал стоически, но тему обрезания пресек на корню самым практическим образом.

— Сынок! — сказал он. — В моем возрасте каждый миллиметр на счету.

Тактичный варанчик

Один любознательный россиянин тайно привез из далекой экзотической страны маленького варанчика. Симпатичный такой, хотя довольно индифферентный ящер с ладонь размером.

Контрабандист, любитель экзотики, играл со своим варанчиком, и однажды тот цапнул его за палец. Ну чего не бывает в игре-то...

Палец, однако ж, начал пухнуть.

Варанчик после этого случая потерял свою индифферентность и начал ходить за хозяином по квартире и виновато заглядывать ему в глаза: мол, как ты, дружище? Мол, прости, не хотел...

Трогательной верностью маленький заморский ящер растрогал хозяина до слез.

Опухать, однако, начала уже ладонь, и хозяин варанчика решил все-таки сходить на всякий случай ко врачу. Врач оказал продвинутым товарищем — залез в интернет, с кем-то списался, что-то уточнил и наконец обрадовал пришедшего: варанчик ядовитый.

Яд смертельный, но очень медленно действующий.

Укусит такой варанчик, положим, слона, а потом неделю ходит за ним, дожидается эффекта... Заглядывает в глаза: как ты, мол, дружище? Еще ничего?

Контрабандисту нашли противоядие, и участи слона он избежал. А дружелюбный, хотя и все более недоумевающий варанчик еще долго ходил за ним по квартире и заглядывал в глаза с участливым видом.

Экскурсия по Харькову

До поезда оставалось какое-то время, и гости решили посмотреть город.

Таксист пообещал все показать, округлил сумму, и они поехали. Ехали долго и молча. Кружили по улицам, заворачивали в переулки... Всё — в полной тишине. Наконец выехали на что-то широкое и длинное.

Тут таксист-экскурсовод наконец открыл рот.

— Вот, — сказал он задумчиво. — Транспортная, блядь, артерия.

И снова замолчал — уже насовсем.

Лучший по профессии

Дело было в СССР. В доме, где жил N., обитал вор, сухонький человечек, один из лучших «форточников» страны. Отсидев в очередной раз свое, он присматривался к новой жизни...

Потом снова исчез лет на пять.

Вернувшись, рассказал: пытался угнать машину и попался.

Историю эту N. рассказывал ради морали, которой заключил историю своей жизни старый «форточник»:

— Поделом мне... Есть профессия — работай по ней!

...обнаружилась возле церкви в Сокольниках.

И не просто возле, а в пределах церковной ограды.

— Божеский курс? — предположила жена.

Нашел себе занятие!

За ужином жена спросила:

— А где сейчас Каспаров?

— Улетел тренировать Карлсена [\[2\]](#), — отвечаю.

Жена чуть не выронила из рук вилку:

— Тренировать Карлсона?

И вместе с ней я увидел эту картину.

Стокгольм. В небе, с пропеллером в заднице, Карлсон. Рядом, в симметричном виде, его тренер, тринадцатый чемпион мира по шахматам Гарри Кимович Каспаров.

Жена, скрючившись от смеха, сидела под столом...

Большой успех у публики

Первое гуляние с щенком лабрадора. Пустой парк Сокольники, раннее весеннее утро, тишина и свет... И жена начала воспитательный процесс.

— А вот кто сейчас при мне поссыт под кустик, — громко пообещала она, — получит кусочек огурца!

Бомж, с вечера лежавший под соседним кустом, пришел в полный восторг от этого предложения. Еле остановили.

Вторая реприза

...из этой собачьей комедии положений случилась год спустя — и уже с моим участием. Я стряпал псине завтрак — резал на кухне мяско. Рыжий ждал, заняв безошибочную позицию за моей спиной, на линии маршрута к миске...

А в коридоре работал мастер — чинил розетку. Мастер долго чинил плохую розетку, я долго резал жилистое мяско, лабрадор терпеливо дожидался своего счастья.

Я дорезал мяско, добавил разогретой каши и громко спросил:

— Ну что, убогий, ты еще тут?

И повернулся.

За спиной у меня стоял мастер. Рот у него был открыт, в глазах темнело горькое недоумение.

Место ссылки

Газета «Московские губернские ведомости» в 1848 году сообщила читателям о ссылке «мещанина Никифора Никитина за крамольные речи о полете на Луну».

Но в этой истории главное не «за что», а — куда!

За крамольные речи о полете на Луну предусмотрительная российская администрация сослала мещанина Никитина «в поселение Байконур»...

В жизни, действительно, случаются длинные сюжеты...

Американский астронавт Нейл Армстронг первым из землян ступил на поверхность Луны, где и произнес свою знаменитую фразу о маленьком шаге для человека и огромном шаге для человечества...

Но это были не единственные слова человека на Луне. Перед тем, как вернуться в посадочный модуль, Армстронг сказал нечто интригующее:

— Удачи вам, мистер Горски!

Сначала в Хьюстоне решили, что это обращено к одному из советских соперников: мол, попробуй меня догони! Но никакого Горски (Горского) среди русских космонавтов не оказалось...

Много лет журналисты пытались вывести у Армстронга: что означал его привет с Луны? Кому был предназначен? Кто этот загадочный мистер? Астронавт только улыбался в ответ...

Он открыл свой секрет спустя почти тридцать лет, в середине девяностых.

В 1938 году восьмилетний Нейл играл за домом в бейсбол со своим приятелем. Бейбольный мяч залетел в соседний двор и упал возле окон спальни. А соседями как раз и были мистер и миссис Горски.

И, пробираясь за мячиком, будущий астронавт услышал, как миссис Горски ругалась с мужем.

— Оральный секс? — кричала она. — Будет тебе оральный секс, когда соседский мальчишка прогуляется по Луне!

«И Ленин такой молодой...»

А вот сюжет еще длиннее.

В конце двадцатого века один русский турист, гуляя по Цюриху, наткнулся на библиотеку и решил зайти полистать фолианты...

Библиотекарь, узнав его имя, страшно обрадовался:

— Наконец-то! Вы же не вернули книгу!

Потом всмотрелся в год выдачи — и посмотрел с уважением...

Туриста звали — Владимир Ульянов.

Просьба

— Мама, води машину осторожнее, у меня нет времени умирать, я завтра лечу в Нью-Йорк!

Прецедент

Многие люди недовольны собственной судьбой, но не все достаточно последовательны в этом вопросе. А один румын пришел в суд — с иском к Господу Богу!

К иску были приложены заверенные документы о том, что он тридцать лет и три года был образцовым христианином: ходил в церковь, помогал приходу, не изменял жене... Свою часть договора с Богом румын, таким образом, выполнял исправно — и, понимая происходящее как бартер, ждал от контрагента полной чаши.

А получал ежедневный гулькин хер.

И, отчаявшись, пошел за правосудием!

Местный румынский суд иск к рассмотрению не принял, что не удивительно. Удивительна (и прекрасна) — формулировка отказа.

«В связи с невозможностью установить адрес ответчика»...

Из студенческого реферата

...по культурологии:

«Раньше мы были почти как животные, а сегодня нас не узнать...»

Фраза из школьного сочинения

— предмет моей острой профессиональной зависти.

«Русские всегда были свободолюбивым народом. Их часто угоняли в рабство, но и там они не работали!»

Как всегда, лучше всех

...сформулировал Виктор Степанович Черномырдин.

Он сказал: «Отродясь такого не было — и вот опять то же самое!».

Не выпались. За окном было гнусно, мокро и серо. Издательство, в котором шла к печати книжка, распалось, другой проект, съевший месяц работы, подвис из-за проблем с авторскими правами; надо было срочно найти деньги на медицину: старые родители по очереди лежали под капельницами... В холодильнике шаром покати: забыли сходить в магазин, нечем даже позавтракать...

Нашлись, однако, заварка и сахар, нашлась половина батона и вдруг — о радость! — оставшиеся с какого-то праздника два сантиметра красной икры в банке. Ее и начали есть, в утреннем депрессивном молчании.

И я произнес, вздохнув:

— Бывает, что совсем не хочется жить.

Мы переглянулись — и через секунду рухнули от одновременного приступа хохота, представив эту картину сторонним взглядом.

В просторной московской квартире сидят за столом двое. Держат в руках по бутерброду с красной икрой. И один говорит трагическим голосом: «совсем не хочется жить...».

Полезная вещь — взгляд со стороны. Терапевтическая.

Два мира...

Молодой женщине в день ее рождения позвонила приятельница.

С Кипра.

— Я желаю тебе, — сказала она, — чтобы твоя жизнь всегда была такой же безоблачной и прекрасной, как этот день...

— Спасибо, милая, — ответила знакомая, прижимая трубку к уху плечом. Она варганила детям обед.

За окном стояла гнилая, безнадежная московская осень.

Доброе утро

Я вышел из подъезда в рождественский пейзаж и остоленел от красоты: за ночь все вокруг стало белым-бело, как в хрестоматийном стихотворении; снег, уже украв землю, продолжал бесшумно валить мягкими хлопьями... Счастьем этой секунды хотелось поделиться, и я сказал человеку, стоявшему у калитки дома:

— Как хорошо, а!

И прочел на лице этого человека печальное сомнение в правоте своих слов.

Это был таджик с лопатой. Весь взмокший, он стоял по колено в снегу, который разгребал с раннего утра.

Я лег спать зимней ночью, в пору образцово-показательных крещенских морозов, а проснулся от звука капли.

Я встал и раздернул шторы. По карнизу тарабанила вода. Она била в цинк и, отскакивая, сверкала на солнце. Это было прекрасно. Я открыл окно настежь и вдохнул всей грудью бодрящий утренний воздух, подставил руку под неожиданную капель...

О Господи, ведь действительно — весна! С чего вдруг? Да какая разница — весна!

В совершенно элегическом настроении я высунул башку в окно.

Мимо меня с шипением пронеслась дымящаяся балка.

Я всунул башку обратно в квартиру, подумал и осторожно высунулся снова.

Внизу стояли две пожарные машины. Наверху, через несколько этажей и точно над мной, горела квартира. Бойцы в касках поливали ее из брандспойтов.

Вот тебе и вся оттепель.

Жесткий диск

На экране компьютера выскочила табличка:
«Недостаточно памяти».
О, да...

— Алло! — раздался в трубке густой женский голос.

А звонил мой приятель по поводу установки пластиковых окон.

— Это такая-то фирма? — спросил он.

— Нет, это не такая-то фирма, — с достоинством ответила дама на том конце провода.

— Простите, — уточнил приятель. — По этому телефону — другая фирма?

Ему было отвечено без паузы:

— По этому телефону — другая эпоха!

Объявление

...безо всяких кавычек внутри. А просто: «Продаются крылья для старого москвича».

Клоун Александр Фриш

...сформулировал потрясающе: «Жизнь нельзя продлить, поэтому мы ее расширяем».

Мы с женой шли вдоль берега и искали на линии прибоя «счастливые» камешки с дырочкой посередине. Всякому, в чьем детстве было море, ведомо, что такой камешек называется — «куриный бог».

И жена обронила невзначай великую истину, как раз и вынесенную из детства:

— Засчитывается только тот бог, которого нашел сам!

Да, именно так.

Ах, как жалко было мне подводить на этом месте черту и отдавать рукопись в издательство! Знал же, знал как пить дать: новый день принесет мне в уши очередную чудесную байку.

И принес, разумеется!

Но авось, опять-таки, не в последний раз...

Соавторы

Эту книгу составили собственные жизненные наблюдения автора, а также истории, рассказанные ему десятками людей, чьи имена следуют ниже в алфавитном порядке:

Василий Аксенов
Али Аль-Мусави
Мария Алварова
Людмила Алексеева
Ирина Алехнович
Аркадий Арканов
Юлия Арсентьева
Александр Архангельский
Наталья Асеева

Саид Багов
Тая Бартель
Михаил Бейзеров
Борис Беленький
Марианна Белоусова
Вениамин Белкин
Гия Бердзенишвили
Андрей Бильжо
Александр Бовин
Натэлла Болтянская

Петр Вайль
Владимир Варфоломеев
Алексей Венедиктов
Владимир Видревич
Всеволод Вильчек
Борис Вишневский
Владимир Вишневский
Александр Володарский
Александр Володин
Геннадий Волчек

Елена Галесник
Марк Галесник
Матвей Ганапольский
Алла Гербер
Наталья Геворкян
Анна Герман
Зиновий Гердт
Алексей Германов
Александр Гольдфарб
Александр Гольц

Александр Гордон
Григорий Горин
Александр Городницкий
Владимир Грейсх
Юрий Григорович
Григорий Гурвич

Михаил Державин
Филипп Дзядко
Тихон Дзядко
Андрей Дмитриев
Марина Дмитриевская
Федор Добронравов
Татьяна Догилева
Инесса Дозорцева
Сергей Доренко
Денис Драгунский
Андрей Дроздин-мл.
Марк Дубовский

Георгий Елин
Вадим Жук Борис Жутовский
Наталья Заякина
Александра Захарова
Элла Зельдина
Иннеса Землер

Елена Иванова
Мария Игнатьева
Александр Избицер
Игорь Иртеньев

Александр Кабаков
Михаил Казовский
Сергей Кальварский
Марк Капитанский
Владимир Кара-Мурза
Роман Карцев
Барбара Кархофф
Гарри Каспаров
Игорь Кваша
Мамука Кикалейшвили
Юлий Ким
Татьяна Кисилевская
Василий Кисунько
Михаил Козаков
Александр Козьмин

Сергей Коковкин
Наталья Круглая-Эмке

Александр Левин
Янислав Левинзон
Никита Левинсон
Роман Лейбов
Сергей Лейферкус
Владимир Ленский
Лидия Либединская
Константин Литвак
Павел Литвинов
Роджер Лоу
Ирина Лучанская
Борис Львович

Елена Мандель
Александр Марин
Анна Марголис
Мария Медецкая
Игорь Метелицын
Алла Милн
Евгений Миронов
Ольга Морозова
Александр Музыкантский
Алексей Мунипов
Сергей Муратов
Алексей Мурманцев

Кирилл Набутов
Анна Норинская
Андрей Норкин

Александр Осовцов Дмитрий Орешкин
Валерий Панюшкин
Сергей Пархоменко
Василий Пичул
Александр Подрабинек
Вера Полозкова
Слава Полунин
Татьяна Правдина
Алексей Пьянов

Константин Райкин
Яков Рашкес
Татьяна Ревенко
Виталий Резников

Борис Рейцен
Павел Рейфман
Евгений Ройтман
Марк Розовский
Евгений Ройзман
Ольга Романова
Юрий Рост
Лев Рубинштейн
Владимир Рыжков
Александр Рыклин

Екатерина Савина
Георгий Саркисян
Георгий Сатаров
Николай Сванидзе
Игорь Свинаренко
Алексей Ситников
Анатолий Смелянский
Вениамин Смехов
Наталья Смирнова
Полина Соколова
Александр Степин

Олег Табаков
Сергей Таск
Борис Телис
Мария Тендрякова

Александр Урес Василий Уткин
Сергей Феоктистов Валерий Фокин
Геннадий Хазанов
Аркадий Хайт
Ирина Хакамада
Юрий Харьков
Юрий Хащеватский
Олег Хлебников

Андрей Чернов
Валентина Чубарова
Людмила Чубарова
Маргарита Чубарова
Михаил Чумаченко

Раф Шакиров
Михаил Шевелев
Анатолий Шендерович
Марина Шиманская

Александр Ширвиндт
Дмитрий Шумилов
Сергей Шустецкий

Лев Щеглов
Нина Юнович
Елена Якович
Леонид Ярмольник
Ирина Ясина

notes

Примечания

Подробнее об этом — в книге «Случай с йеху и другие истории нашего зоопарка» (М.: Новая газета, 2010).

норвежский гроссмейстер.